

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 9 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Участие несовершеннолетних
в оперативно-розыскных
отношениях

Цифровое право в системе
российского права

К вопросу
о криминалистическом
значении отдельных видов
компьютерных сетей

Экоклиматические
и ESG-споры:
практика, риски,
перспективы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.

Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 77
№ 9 (214)
сентябрь 2024

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 17.09.2024
Объем 16,97 усл. печ. л. (13,55 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 9 (214)
September 2024

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

17.09.2024
Volume: 16,97 conventional printer's sheets (13,55 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Мажорина М. В. Экоклиматические и ESG-споры: практика, риски, перспективы	9
Имекова М. П. Строительство и легализация самовольной постройки как способы образования зданий, сооружений	22

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Гончарова В. А. Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики	32
Кисленко С. Л. Синергетические векторы развития отдельных частных криминалистических теорий в условиях современного уголовного судопроизводства (прелиминарный аспект)	45
Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях	62
Смушкин А. Б. К вопросу о криминалистическом значении отдельных видов компьютерных сетей	72

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 2)	84
Вечернин Д. С. Перспективы совершенствования международно-правовых основ коллективной продовольственной безопасности в рамках реализации концепции устойчивого развития	96

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

Гринь Е. С. Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики	107
Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права	116

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

Карпова А. А. Двусторонние иски (actio duplex): от римского гражданского процесса до современных российских процессуальных реалий	127
---	-----

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Mazhorina M. V. EcoClimate and ESG Disputes: Practice, Risks, Prospects	9
Imekova M. P. Construction and Legalization of an Unauthorized Construction as Ways to Form Buildings, Structures	22

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Goncharova V. A. Detention of Persons Engaged in Entrepreneurial and other Economic Activities: Updated Legislation and Current Narratives of Judicial Practice	32
Kislenko S. L. Synergetic Vectors of Development of Individual Forensic Theories in the context of Modern Criminal Proceedings (a Preliminary Aspect)	45
Semenchuk V. V., Larichev V. D. Participation of Minors in Operational Search Relations	62
Smushkin A. B. Forensic Significance of Certain Types of Computer Networks	72

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

Teymurov E. S. International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 2)	84
Vechernin D. S. Prospects for Improving the International Legal Framework for Collective Food Security along the Implementation of the Concept of Sustainable Development	96

CYBERSPACE / CYBERSPACE

Grin E. S. Legal Protection of Copyright Works and Complex Intellectual Property Objects on Social Networks: Court Practice Issues	107
Zaytsev O. V. Digital Law in the Russian Legal System	116

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

Karpova A. A. Bilateral Lawsuits (Actio Duplex): From Roman Civil Procedure to Modern Russian Procedural Realities	127
--	-----

М. В. Мажорина

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Экоклиматические и ESG-споры: практика, риски, перспективы

Резюме. Экоклиматическая, или «зеленая», повестка, во многом конституируемая через концепцию устойчивого развития и систему ESG-стандартов, захватила мир и видоизменяет социум, порождает новые социальные паттерны, перестраивает бизнес- и управленческие модели. Это побуждает переосмысливать правовую надстройку, адаптировать новые нормативные массивы к актуальной правовой таксономии, что не всегда удается с учетом позитивистского подхода к праву и значительного объема норм «мягкого» права и источников негосударственного регулирования в рамках «зеленого» регулирования. Экоклиматическая повестка имеет целый ряд измерений в контексте права и юриспруденции, одним из которых выступают экоклиматические и ESG-споры, часто имеющие характер трансграничных. Данному вопросу уделяется крайне мало внимания в российском исследовательском пространстве, в то время как объем соответствующих исков в мире стремительно растет. Риск-ориентированный характер указанной проблематики, литигационные риски преимущественно трансграничных контрактов, оценка деятельности компаний в области устойчивого развития именно в ключе возможных судебных или арбитражных разбирательств составляют объект изучения в рамках данной работы. В статье дается классификация экоклиматических и ESG-споров, приводятся примеры судебной и арбитражной практики, а также сформулированы некоторые выводы по митигации литигационных рисков, порождаемых соответствующей деятельностью компаний.

Ключевые слова: международное частное право; международный бизнес; устойчивое развитие (sustainable development); экоклиматические иски; ESG-иски; трансграничные контракты; цепочки поставок; гринвошинг

Для цитирования: Мажорина М. В. Экоклиматические и ESG-споры: практика, риски, перспективы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.009-021

Благодарности. Работа подготовлена в рамках деятельности Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы развития «Приоритет-2030».

EcoClimate and ESG Disputes: Practice, Risks, Prospects

Maria V. Mazhorina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The ecoclimate or «green» agenda, largely constituted through the concept of «sustainable development» and the system of ESG standards, has captured the world and is changing society, generating new social patterns, and ceasing business and management models. This encourages rethinking the legal

© Мажорина М. В., 2024

superstructure, adapting new regulatory arrays to the current legal taxonomy, which is not always possible, taking into account the positivist approach to law and a significant amount of «soft» law rules and sources of non-state regulation within the framework of «green» regulation. The ecoclimate agenda has a number of dimensions in the context of law and jurisprudence, one of which is the practice of ecoclimate and ESG disputes, often of a cross-border nature. Very little attention is paid to this issue in the Russian research space, while the volume of relevant lawsuits in the world is growing rapidly. The object of the study within the framework of this work covers the risk-oriented nature of the above-mentioned issues, the licensing risks of mainly cross-border contracts, the assessment of companies' activities in the field of sustainable development in the context of possible judicial or arbitration proceedings. The paper provides a classification of ecoclimate and ESG disputes, gives examples of judicial and arbitration practice, and makes some conclusions regarding mitigation of litigation risks generated by the companies' activities.

Keywords: international private law; international business; sustainable development; ecoclimate lawsuits; ESG lawsuits; cross-border contracts; supply chains; greenwashing

Cite as: Mazhorina MV. EcoClimate and ESG Disputes: Practice, Risks, Prospects. *Lex russica*. 2024;77(9):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.009-021

Acknowledgments. The work was prepared within the framework of the Competence Center «Law of Sustainable Development. ESG Standards» of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) in order to implement «Priority-2030» Development Program.

1. Экоклиматические и ESG-иски: понятийный аппарат

Концепция устойчивого развития стремительно захватывает мир, в ряде случаев навязчиво претендует на новый глобальный мировоззренческий паттерн, видоизменяет социум, перестраивает бизнес- и управленческие модели и, как следствие, побуждает к перестройке правовую надстройку. В мире накапливается всё больший объем нормативного материала, значимые массивы норм «мягкого» права постепенно «отвердевают» за счет принятия юридически обязательных документов национального и международного характера. Не будучи самостоятельным предметом данного исследования, концепция устойчивого развития¹ представляет значительный интерес с точки зрения ее реализации в правоприменительной практике и той роли, которую она играет в появлении нового типа споров, которые в данной статье условно подразделяются на экоклиматические и ESG-споры.

Можно достаточно уверенно говорить о выделении соответствующего типа споров, и косвенным подтверждением тому служит, например, постоянно пополняемая База данных по

климатическим судебным разбирательствам² (Sabin Center for Climate Change Law's Climate Litigation Databases, далее — База данных), созданная Центром права в области изменения климата Сабина — совместным проектом Колумбийской школы права и Климатической школы, который разрабатывает и распространяет юридические методы борьбы с изменением климата и готовит следующее поколение юристов, которые станут лидерами в этой области. Компания Hogan Lovells также ведет серьезную работу по формированию Руководства по ESG-литогаии (ESG Litigation Guide), аккумулируя актуальную мировую судебную практику ESG-разбирательств³.

В Базе данных выделены две крупные категории разбирательств по территориальному принципу: 1) судебные разбирательства в связи с изменением климата в США (включает 1 775 дел со ссылками на 11 630 документов) и 2) глобальные судебные разбирательства в связи с изменением климата (включает все дела, кроме тех, которые находятся в США, — 919 дел со ссылками на 1 983 судебных документа). База данных также содержит судебные дела, связанные с изменением климата, переданные

¹ См.: Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023 ; Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 5 (186). С. 117–126.

² URL: <https://climatecasechart.com/> (дата обращения: 28.06.2024).

³ ESG Litigation Guide // URL: https://engagepremium.hoganlovells.com/_reports/esg-litigation-guide-report-20240804-215303.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

на рассмотрение международных или региональных судов или трибуналов⁴.

Неудивительно, что такая База данных была создана в США, так как эта страна является безусловным рекордсменом по числу судебных разбирательств в связи с изменением климата. По данным доклада «Глобальные тренды в судебных разбирательствах в связи с изменениями климата», в США задокументировано самое большое число соответствующих дел (1 745); далее идет Австралия (132 дела). В 2023 г. в Англии запущено 24 дела, в Бразилии — 10, в Германии — 7. Как говорится в докладе, соответствующие споры стали появляться и в новых юрисдикциях: в 2023 г. впервые судебные разбирательства в контексте изменения климата начаты в Панаме (*Callejas v. Law No. 406*⁵), Португалии (*Associação Último Recurso et al. v. Portuguese State*⁶), Венгрии и Намибии. Авторы доклада считают, что всего в 55 странах сегодня можно наблюдать появление соответствующих дел⁷.

Выделение в настоящей работе двух иных категорий споров, не локализованных в той или иной юрисдикции, связано с дифференциацией общественных отношений, с которыми связаны вопросы, становящиеся предметом спора. Так, видится более обоснованным классифицировать споры, сопряженные с «зеленой» повесткой, на два вида: экоклиматические и ESG-споры. Соответственно, экоклиматические иски квалифицируются как публично-правовые по сути, ответчиком по которым преимущественно выступают государство или государственные органы (органы власти), например, обладающие правом создания нормативных актов. Необходимо сразу оговориться, что экологические иски, а также иски, связанные с загрязнением окружающей среды, с экологическими правонарушениями и пр., никак нельзя отнести к категории «новые». А потому в статье речь

пойдет именно об «экоклиматических» исках, в основе которых лежат концепция устойчивого развития, проблемы изменения климата, достижения углеродной нейтральности и иные проявления именно «зеленой» повестки. В иностранной литературе можно встретить термины «гринвошинг-иски» или «клаймэт-вошинг-иски» (greenwashing or climate-washing / lawsuits targeting «climate washing» / climate-washing litigation), «антиклиматические разбирательства» («anti-climate» litigation), а в Базе данных применяется термин «судебные разбирательства по вопросам изменения климата»⁸, что можно было бы по предметной области соотносить с «экоклиматическими исками», но последний термин видится более удачным и юридически корректным, так как экологическая и климатическая повестки тесно взаимосвязаны и достаточно сложно четко разграничивать их проявления в рамках того или иного спора.

В российской науке формируется понятие климатических споров, под которыми понимаются любые споры, возникающие в связи с последствиями изменения климата и политики в области изменения климата, предусмотренной Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижским соглашением 2015 г.⁹ Е. П. Ермакова выделяет следующие виды климатических исков в зависимости от их отраслевой принадлежности (материально-правовая классификация исков): а) конституционные (включая иски о защите прав человека); б) административные (включая иски в сфере планирования и выдачи разрешений); в) корпоративные¹⁰.

К категории ESG-исков в данной работе отнесены иски частноправового характера, ответчиками по которым преимущественно становятся хозяйствующие субъекты; иски, вытекающие из бизнес-практики, трансграничных контрактов, цепочек поставок и соотносимые

⁴ Данные представлены на 28 июня 2024 г. См.: URL: <https://climatecasechart.com/about/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁵ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/callejas-v-law-no-406-unconstitutionality-of-mining-concession/> (дата обращения: 01.08.2024).

⁶ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/associacao-ultimo-recurso-et-al-v-portuguese-state/> (дата обращения: 01.08.2024).

⁷ Setzer J., Higham C. Global trends in climate: 2024 snapshot // URL: <https://climatecasechart.com/about/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁸ Setzer J., Higham C. Op. cit.

⁹ См.: Ермакова Е. П. Особенности разрешения споров в сфере защиты климата государственными судами и арбитражем // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 26. № 1. С. 192–209.

¹⁰ См.: Ермакова Е. П. Указ. соч.

с ESG-стандартами или их нарушением. В литературе можно встретить разные подходы к классификации собственно ESG-исков. В иностранных источниках судебные разбирательства в рамках ESG-повестки с участием компаний условно подразделяются на две группы: иски, в которых оспаривается достоверность ESG-отчетности, и иски, непосредственно оспаривающие правомерность и результаты деятельности компаний.

В последней категории преобладают юридические проблемы, вызванные предполагаемыми последствиями или неправомерными действиями, связанными с экологией и правами человека¹¹. В другом зарубежном исследовании выделяются три ключевых риска судебных разбирательств, которые должны учитываться компаниями в контексте ESG-деятельности: ответственность за иностранные операции (деятельность за пределами собственной юрисдикции); ответственность директоров и должностных лиц компаний за вопросы ESG и предъявляемые в этой связи к ним иски; требования о раскрытии информации, связанные с заявлениями о ESG-политиках¹². В российской литературе дела, касающиеся ESG-принципов, условно подразделяются на следующие группы: деликтные отношения; защита прав потребителей; иски к эмитентам ценных бумаг, которые могли ввести инвесторов в заблуждение относительно рисков ESG; неосновательное обогащение; нарушение прав человека¹³.

Таким образом, выделение экоклиматических и ESG-споров в некотором смысле созвучно двум детерминантам: концепции устойчивого развития и ESG-стандартам. При этом предметные области двух указанных категорий споров, как это следует из мировой практики, достаточно размыты, как и сама «зеленая» повестка, которая в некотором смысле «бесконтрольно» расширяется, не только поглощая собственно экоклиматические проблемы, но и пронизывая чуть ли не любые общественные отношения (финансовые, трудовые, инвести-

ционные, договорные, корпоративные и пр.). Эта тенденция смены парадигмы глобализации устойчивым развитием имеет небезопасный характер, т.к. безграничность предметной области создает весомые риски политизации повестки и дает простор для злоупотреблений правом и различных манипуляций.

Для России, российских государственных органов и компаний литигация в связи с «зеленой» повесткой малоактуальна, если говорить о национальных судебных или арбитражных разбирательствах. Значительно больший риск создают трансграничные споры, в особенности арбитражные, ввиду действия механизма Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (Нью-Йоркской конвенции), позволяющего привести в исполнение решение международного коммерческого арбитража в большинстве юрисдикций мира.

В настоящее время государства и компании из разных стран мира должны акцептировать тот факт, что необходимо работать с рисками, связанными с возбуждением в отношении них судебных и арбитражных экоклиматических и ESG-разбирательств. Как отмечается в зарубежной аналитике 2024 г., за период с 2015 по 2023 г. было инициировано примерно 230 судебных разбирательств, связанных с изменением климата, против компаний и торговых ассоциаций, и примерно 2/3 из этих исков было подано с 2020 г. Меняется и содержание исков: в то время как дела против компаний традиционно были сосредоточены в секторе ископаемого топлива, заметным событием последних лет стал рост областей, в которых были возбуждены иски. В качестве истцов стали выступать авиакомпании, компании по производству продуктов питания и напитков, компании, занимающиеся электронной коммерцией и финансовыми услугами¹⁴. Исторически сложилось так, что более 50 % дел, связанных с изменением климата, заканчиваются в пользу борьбы с изменением климата. По текущим глобальным

¹¹ Hackett D., Demas R., Sanders D., Wicha J., Fowler A. A growing ESG risks of litigation // URL: https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/attachment_dw.action?attkey=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQJsWJiCH2WAWHb%2FPDBPVgufFm%2BtSugID&nav=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQbuwypnpZjc4%3D&attdocparam=pB7HEsg%2FZ312Bk8OIuOIH1c%2BY4beLEAenR5wi6BMndE%3D&fromContentView=1 (дата обращения: 09.11.2021).

¹² Piumpton L. M., Cumbo-Steinmetz Sh. Terry J. A., Allen H. ESG litigation risk // URL: <https://www.torys.com/Our%20Latest%20Thinking/Publications/2021/03/esg-litigation-risk/> (дата обращения: 21.11.2021).

¹³ Право устойчивого развития и ESG-стандарты.

¹⁴ Setzer J., Higham C. Op. cit.

данным, около 57 % рассмотренных дел имеют благоприятные результаты¹⁵.

В России одним из первых экоклиматических дел, вероятно, можно считать иск, поданный в Верховный Суд РФ в сентябре 2022 г., в котором истцы требовали от Президента РФ и Правительства РФ пересмотра Указа Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов»¹⁶ и Стратегии низкоуглеродного развития России¹⁷, утвержденной Правительством РФ, и принятия мер по сокращению выбросов парниковых газов, необходимых для удержания роста глобальной средней температуры на уровне 1,5 °C выше доиндустриального уровня. Иск был подан от имени 20 физических и юридических лиц, среди которых организации «Экозащита! — Женсовет» и Московская Хельсинкская группа (позднее ликвидированная), а также активисты движения Fridays for Future («Пятницы ради будущего») и проект «Эколого-кризисная группа» (ЭКГ). В иске сказано, что действующая в РФ Стратегия приведет к повышению глобальной температуры на 4 °C, что может вызвать «по меньшей мере 710 тыс. избыточных смертей» во всем мире. Как отмечала одна из истцов, активистка Fridays for Future Ася Фомина, идея иска появилась еще в 2020 г. под впечатлением от волны климатических исков в других странах, начавшихся со знаменитого дела Urgenda в Нидерландах¹⁸. В 2015 г. районный суд Гааги принял решение, обязав правительство страны снизить до конца 2020 г. выбросы парниковых газов не менее чем на 25 % по сравнению с уровнем 1990 г.¹⁹ В декабре 2019 г. решение поддержал Верховный суд Нидерландов. Этот прецедент всколыхнул волну подобных разбирательств во многих странах.

Верховный Суд РФ не принял соответствующий иск, и в сентябре 2023 г. первый климати-

ческий иск из России дошел до Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Продолжением дела стала подача жалобы истцов в Конституционный Суд РФ на нарушение их конституционных прав. 19 заявителей оспаривали конституционность Указа Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов» и Стратегии низкоуглеродного развития России, а также ряда связанных с ними законов. Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ануфриевой Д. А., Бережкова Д. В. и других, а также Калининградской региональной общественной организации «Экозащита! — Женсовет»²⁰. Следует отметить, что подобные жалобы, которые были поданы в Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, можно соотнести с категорией «стратегические дела, связанные с изменением климата» в том понимании, которое отражено в докладе «Глобальные тренды в судебных разбирательствах в связи с изменениями климата»²¹. Стратегическое судебное разбирательство направлено на достижение более широких социальных последствий, выходящих за рамки результатов отдельных дел, с учетом долгосрочных изменений в политике и нормативно-правовом регулировании. В таких делах часто требуются средства правовой защиты, которые выходят за рамки интересов отдельных сторон в судебном процессе, чтобы влиять на политику и нормативно-правовую базу. Такое литигационное движение по вопросам климата также является частью формирующейся транснациональной сети судебных разбирательств, которая генерирует идеи и предоставляет интеллектуальные и финансовые ресурсы сторонам судебного процесса²².

Думается, что перспективы подобных исков в РФ невелики, тем более принимая во внимание тот факт, что часть истцов по первому

¹⁵ Setzer J., Higham C. Op. cit.

¹⁶ Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // СПС «Гарант».

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СПС «Гарант».

¹⁸ URL: <https://finance.rambler.ru/economics/49344581-kak-gotovilsya-pervyy-klimaticheskiy-isk-v-Rossii/> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁹ URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/24/dutch-government-ordered-cut-carbon-emissions-landmark-ruling> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁰ Определение от 30.05.2024 № 1158-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ануфриевой Д. А., Бережкова Д. В. и других, а также Калининградской региональной общественной организации «Экозащита! — Женсовет» на нарушение их конституционных прав рядом положений».

²¹ Setzer J., Higham C. Op. cit.

²² Setzer J., Higham C. Op. cit.

прецедентному делу — это лица, признанные иностранными агентами, и ликвидированные в РФ компании, что подчеркивает политическую окраску «зеленой» литигационной практики. Однако наращивание мирового объема экоклиматических исков может стимулировать и внутригосударственную деятельность НКО, обществ по защите прав потребителей и пр. Это должно заставить российских юристов более внимательно относиться к рискам экоклиматических и ESG-разбирательств.

2. Современная мировая практика судебных разбирательств в связи с изменением климата

В докладе «Глобальные тренды в судебных разбирательствах в связи с изменениями климата» авторы приводят небезынтесную классификацию судебных разбирательств, связанных с изменениями климата, что может быть полезным для выработки риск-ориентированной стратегии компании при подготовке и выпуске стратегий и отчетов об устойчивом развитии, о раскрытии информации, реализации различных климатических проектов и пр. Так, выделены следующие категории судебных разбирательств:

- правительственные (государственные) рамочные дела (government framework cases), например *VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium and Others; Comunidad aborigen de Santuario de Tres Pozos et al. v. Jujuy Province; KlimaSeniorinnen v. Switzerland (ECtHR)*;

- интегрированные климатические дела (integrating climate considerations cases) — *Healthy Gulf v. Haaland; IDLADS v. MINAM*;

- дела, когда «загрязнитель платит» (polluter pays cases), — *Falys v. Total; People v. Exxon Mobil Corp. (California case)*;

- корпоративные дела (corporate framework cases) — *Smith v. Fonterra; Falys v. Total*;

- дела, связанные с неспособностью правительства или компании адаптироваться к учету климатических рисков (failure to adapt cases), — *Healthy Gulf v. Secretary, Louisiana Department of Natural Resources; Comité Dialogo Ambiental v. Federal Emergency Management Agency*;

- дела, связанные с (неправильным) управлением рисками переходного периода дирек-

торами и другими лицами, которым поручено обеспечивать успех бизнеса (transition risk cases), — *ClientEarth v. Shell Board of Directors; Métamorphose v. TotalEnergies*;

- климат-вошинг-разбирательства (climate-washing cases) — *FossielVrij NL v. KLM; ASA complaint on cruise operators by Opportunity Green*;

- дела, связанные с ограничением финансирования на проекты, не направленные на борьбу с изменениями климата (turning off the taps cases), — *Jubilee v. EFA and NAIF*²³.

2.1. Экоклиматические судебные разбирательства

Экоклиматические судебные разбирательства, не связанные с прямым экологическим ущербом, но обусловленные той или иной экоклиматической политикой, ответчиками по которым выступают государства, государственные органы, правительства, министерства и ведомства, становятся всё более масштабными, носят прецедентный характер и, как правило, поднимают волну подобных дел в других странах, а также разрешаются в международных судебных инстанциях. В Докладе «Глобальные тренды в судебных разбирательствах в связи с изменениями климата» так называемые государственные рамочные дела (government framework cases) квалифицируются как кейсы, которые ставят под сомнение амбициозность или реализацию целей и политики в области климата, затрагивающих экономику и общество в целом.

В рамках этой группы авторы выделяют «амбициозные», касающиеся отсутствия, неадекватности или непродуманности политики правительства в ответ на изменение климата, и «практические», касающиеся обеспечения соблюдения мер по защите климата для достижения существующих целей. При подготовке таких исков часто проводится анализ норм национального законодательства на соответствие Парижскому соглашению 2015 г.²⁴, а также выстраиваются аргументы, основанные на правах человека, имеющие своим фундаментом различные международные конвенции, конституции и пр. Роль прав человека стала более заметной в связи с усилением неблагоприятных последствий изменения климата.

²³ Setzer J., Higham C. Op. cit.

²⁴ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/04a533fab96b645ac4c038913623653c/parizhskoe_soglasenie.pdf (дата обращения: 02.08.2024).

В громком деле *KlimaSeniorinnen and Others v. Switzerland*²⁵ организация KlimaSeniorinnen («Пожилые женщины за защиту климата») обвинила правительство Швейцарии в нарушении права на жизнь и здоровье пожилых женщин, и ЕСПЧ подтвердил, что бездействие правительства в связи с изменением климата представляет собой нарушение Европейской конвенции по правам человека. ЕСПЧ постановил, что Швейцария не достигла своих целевых показателей по сокращению выбросов парниковых газов, что выявило существенные недостатки в ее нормативно-правовой базе. Суд подтвердил концепцию «углеродные бюджеты» в качестве важного инструмента для государств. Судебное решение KlimaSeniorinnen, вероятно, будет иметь прецедентный характер и продолжит формировать глобальный дискурс об экологической ответственности и правах человека.

Решение по делу KlimaSeniorinnen было вынесено в апреле 2024 г. наряду с решениями по двум другим делам: *Carême v. France* и *Duarte Agostinho and Others v. Portugal*. Другим важным делом в этой категории является *VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium and Others*²⁶, в котором апелляционный суд Бельгии обязал федеральное правительство и региональные правительства Фландрии и Брюсселя сократить выбросы парниковых газов как минимум на 55 % по сравнению с уровнем 1990 г. к 2030 г. После знаменитого дела *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands*²⁷ а также дела *Neubauer et al. v. Germany*²⁸ это стало третьим национальным решением, в котором суд подтвердил обязанность правительства достичь минимального уровня выбросов, что теперь подтверждено решением по делу KlimaSeniorinnen²⁹. Таким образом, указанная практика свидетельствует о том, что судебные инстанции усиливают свою роль в управлении

климатом, а также обязывают государства выполнять обязательства по сокращению выбросов, как правило, через аргументацию, связанную с нарушением прав человека.

Одним из важных обстоятельств, которое стоит учитывать при оценке рисков экоклиматических судебных разбирательств, истцом по которым выступают государство, государственные органы, субъекты федерации, является участие соответствующего государства в международных договорах, регулирующих вопросы защиты прав человека или экологические правоотношения. Ввиду того что, например, Цели устойчивого развития ООН, принятые в форме Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г.³⁰, не обладают обязательной юридической силой и могут быть отнесены к нормам «мягкого» права, в мировой судебной практике стала складываться тенденция, когда те или иные нормы негосударственного регулирования легитимизируются посредством обращения к международно-правовым обязательствам, взятым на себя государствами даже до появления соответствующих Целей устойчивого развития.

Иными словами, нормы soft law обеспечиваются нормами hard law. Кроме того, новые нормы экологического права должны приниматься во внимание при толковании ранее взятых на себя обязательств по международным договорам. Примером может служить хрестоматийное дело «Габчиково — Надьмарош (Венгрия против Словакии)», рассмотренное Международным судом ООН. Суд в решении указал, что договор между Венгрией и Словакией не является статичным и может подвергаться адаптации к вновь появившимся нормам международного права. За годы, прошедшие с момента заключения договора, возросли осознание уязвимости окружающей среды и признание того, что природоохранные риски следует оценивать на постоянной основе³¹.

²⁵ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/union-of-swiss-senior-women-for-climate-protection-v-swiss-federal-council-and-others/> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁶ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/vzw-klimaatzaak-v-kingdom-of-belgium-et-al/> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁷ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁸ URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/neubauer-et-al-v-germany/> (дата обращения: 02.08.2024).

²⁹ Setzer J., Higham C. Op. cit.

³⁰ URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/291/92/pdf/n1529192.pdf?token=NFgXUilwab96RLwBvy&fe=true> (дата обращения: 02.08.2024).

³¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 1997–2002 гг. С. 9 // URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1_add2.pdf (дата обращения: 02.08.2024).

Таким образом, в целях минимизации рисков роста числа экоклиматических исков в отношении государств и государственных органов важно проводить глубокую аналитику тех международных обязательств, которые государства взяли на себя, а также при заключении новых международных договоров оценивать их в контексте риск-ориентированного подхода с точки зрения климатической повестки. Думается, что государственная политика в области изменений климата должна носить более сбалансированный и научно ориентированный характер, отвечать приоритетам и национальным целям государств и региональных объединений, т.к. исключительная ориентация на глобальную (т.е. западную) модель в ряде случаев может создавать существенные риски для национальной экономики.

2.2. ESG-иски

Инициативы в области охраны окружающей среды, социальной защиты и корпоративного управления (ESG) приобретают всё большее значение в современных условиях не только для государств, но и для бизнеса. Повышение внимания к «зеленой» повестке в сочетании с финансированием судебных разбирательств третьими сторонами привели к резкому росту числа судебных разбирательств и правоприменительных действий, связанных с ESG, поскольку потребители, регулирующие органы и инвесторы стремятся привлечь компании к ответственности за претензии, касающиеся их воздействия на окружающую среду и социальную сферу. В 2022 г. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change) признала важность судебных разбирательств в области ESG, влияющих на результаты и амбициозность управления климатом³².

Заявления и стратегии компаний в области ESG, а также открытая ESG-отчетность всё чаще закладываются в основу исковых претензий потребителей к различным компаниям. Это порождает интересную судебную практику, в ходе которой суды проводят различия между заявлениями компаний, которые носят желательный для них характер, и конкретными

обязательствами компаний. Например, в деле *Ruiz v. Darigold, Inc.* суд отклонил иски, поданные против компании по переработке молочной продукции Darigold в связи с заявлениями, сделанными в годовом отчете компании о Корпоративной социальной ответственности (далее — КСО)³³. Напротив, в тех случаях, когда заявления компании содержат «конкретные и поддающиеся проверке факты», касающиеся ее деятельности, суды могут принять меры к их сведению. Например, в деле *Water & Sanitation Health, Inc. v. Chiquita Brands Int'l, Inc.* суд отклонил ходатайство компании о прекращении дела, связанного с публичной отчетностью на сайте компании Chiquita о ее экологически безопасной бизнес-практике, в том числе о защите водных источников путем восстановления лесных массивов всех пораженных естественных водотоков, использования надежных ловушек для отходов на всех упаковочных станциях для сохранности чистоты рек, выращивания попкорновых культур в дренажных канавах банановых ферм и пр. Истец утверждал, что эти заявления недостоверны ввиду того, что масштабная деятельность по производству бананов одного из поставщиков Chiquita привела к загрязнению питьевой воды местной общины. Суд постановил, что компания Chiquita сделала очень конкретные заявления на сайте, на которые истец обоснованно полагался. Сходные выводы были сделаны судом также в рамках рассмотрения дела *National Consumers League v. Wal-Mart Stores*, возбужденном против Walmart и других общенациональных розничных торговцев в рамках защиты прав потребителей округа Колумбия³⁴.

В иностранной литературе также выделяют ESG-иски, связанные с воздействием компаний на изменение климата. Данная категория дел, которая может казаться малорисковой для российских компаний, набирает обороты в мировой практике, растет число судебных разбирательств, направленных против компаний в связи с их вкладом в глобальное потепление и другие изменения, связанные с климатом. Как отмечают зарубежные аналитики, в период с 2017 по 2020 г. общее число исков, поданных в связи с изменениями климата, почти удвои-

³² URL: <https://cms.law/en/che/publication/international-disputes-digest-2023-summer-edition/people-planet-profit-balance-an-overview-of-esg-litigation-from-a-global-perspective> (дата обращения: 04.08.2024).

³³ См. подробнее: *Мажорина М. В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12 (133). С. 190.

³⁴ *Мажорина М. В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты».

лось — с 884 в 24 странах (из них 654 в Соединенных Штатах) до 1 550 в 38 странах³⁵. Одним из ответчиков по такой категории дел выступает корпорация Exxon Mobile в связи с ее предполагаемой ролью в возникновении последствий и их ускорении в части изменения климата (дело *Commonwealth v. Exxon Mobil Corp.*)³⁶.

Формируется достаточно отчетливая тенденция возлагать на компании не только ответственность за нанесение реального ущерба окружающей среде как таковой, но и обязанности по возмещению ущерба, вызванного отсутствием или недостаточностью политики устойчивого развития, которая могла бы способствовать минимизации и устранению ущерба окружающей среде или изменению климата. В известном деле *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.*³⁷ 2021 г. окружной суд Гааги вынес решение по коллективным искам, инициированным несколькими неправительственными организациями (НПО) (включая организацию Friends of the Earth (Milieudefensie)) против частной компании Royal Dutch Shell plc. (Shell) и обязал компанию Shell достичь целевого сокращения общих выбросов CO₂ по крайней мере на 45 % от уровня 2019 г. к концу 2030 г. («целевое сокращение»). Это был первый случай, когда суд обязал частную компанию сократить выбросы CO₂ в соответствии с климатическими целями, включенными в Парижское соглашение 2015 г.

Центральное место в оценке приверженности компании принципам устойчивого развития имеет корпоративная отчетность о выбросах парниковых газов и об обязательствах в области изменения климата, что сегодня значительно актуализируется углеродной повесткой и оценкой углеродного следа. Всё большее

число компаний вынуждены брать на себя конкретные, поддающиеся проверке публичные обязательства по переходу на возобновляемые источники энергии и сокращению выбросов парниковых газов. Такие корпоративные обязательства становятся предметом судебных разбирательств.

Судебные разбирательства, сопряженные с социальной и корпоративной политиками компаний, с вопросами расового и гендерного неравенства обособляются в самостоятельную и всё растущую группу внутри ESG-исков. Достаточную известность приобрели дела, связанные с утверждениями истцов, что советам директоров и высшему руководству компаний не хватает расового разнообразия, несмотря на заявления компаний о приверженности разнообразию и инклюзивности (например, дела *Esa ex. rel. NortonLifeLock, Inc. v. NortonLifeLock, Inc.*³⁸, *Ocegueda ex. rel. Facebook v. Zuckerberg*³⁹). Растет число «обратных исков» от сотрудников, в которых утверждается, что политика DEI (diversity, equity, inclusion («разнообразие, равенство, инклюзивность»)) дискриминирует белых сотрудников-мужчин. В одном из таких дел присяжные вынесли решение в пользу руководителя высшего звена, который утверждал, что был уволен для достижения заявленных DEI-целей компании, присудив истцу более 10 млн долл., которые были уменьшены примерно до 4 млн долл. после рассмотрения ходатайств в суде (дело *Duvall v. Novant Health Inc.*⁴⁰).

2.2.1. Гринвошинг-иски

Внутри категории ESG-исков целесообразно выделить отдельную подгруппу, глобальный объем исков в рамках которой стремительно

³⁵ *Summerville T., Soukup A., Wu L. F. A Closer Look: Developing Trends in ESG Litigation* // URL: <https://www.insideclassactions.com/2024/04/18/a-closer-look-developing-trends-in-esg-litigation/> (дата обращения: 04.08.2024).

³⁶ *Commonwealth v. Exxon Mobil Corp.*, No. 19-03333, 2019 WL 11666641 (Mass. Super. filed Nov. 29, 2019) // URL: <https://climatecasechart.com/case/commonwealth-v-exxon-mobil-corp/> (дата обращения: 04.08.2024).

³⁷ *Milieudefensie et al. v. Royal Dutch Shell plc.* // URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/milieudefensie-et-al-v-royal-dutch-shell-plc/> (дата обращения: 05.08.2024).

³⁸ *Esa ex. rel. NortonLifeLock, Inc. v. NortonLifeLock, Inc.*, No. 21-16909, 2022 WL 14002189 (9th Cir. Oct. 24, 2022) // URL: <https://casetext.com/case/esa-v-nortonlifelock-inc-1> (дата обращения: 04.08.2024).

³⁹ *Ocegueda ex. rel. Facebook v. Zuckerberg*, 526 F. Supp. 3d 637, 641 (N. D. Cal. 2021) // URL: <https://casetext.com/case/ocagueda-ex-rel-facebook-v-zuckerberg> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁰ *Duvall v. Novant Health Inc.*, No. 3:19-CV-00624-DSC, 2022 WL 3331263 (W.D.N.C. Aug. 11, 2022) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/22-2142/22-2142-2024-03-12.html> (дата обращения: 04.08.2024).

растет: это иски, которые связываются с экологической маркетинговой и социально-ориентированной кампанией (гринвошингом, англ. greenwashing), проводимой той или иной корпорацией, и в зарубежной литературе именуется гринвошинговыми исками (greenwashing claims)⁴¹.

Всё большее число компаний обвиняются в том, что они делают ложные или вводящие в заблуждение заявления об экологических или социальных преимуществах своей продукции или деятельности. Эти дела, как правило, составляют большинство судебных разбирательств, связанных с ESG, охватывают широкий круг областей и возбуждаются как потребителями (их ассоциациями), инвесторами, так и регулируемыми органами. Например, в деле *Earth Island Inst. v. BlueTriton Brands* истцы утверждали, что компания по производству бутилированной воды BlueTriton Brands нарушила законодательство округа Колумбия, ложно позиционировала себя как устойчивую компанию, стремящуюся сократить загрязнение пластиком, в то время как на самом деле внесла огромный вклад в производство пластика, нанося ущерб окружающей среде, а ее практика истощения водных ресурсов лишает сообщества ценных природных водных ресурсов и способствует нынешнему широкомасштабному экологическому кризису, вызванному засухой и нехваткой воды⁴².

В деле *People v. JBS USA Food Co.* иск был подан против производителя говядины в связи с тем, что компания делала вводящие общественность в заблуждение заявления о воздействии своей продукции на окружающую среду. В жалобе утверждалось, что JBS USA позиционирует себя как приверженную делу сокращения выбросов парниковых газов и заявляет, что к 2040 г. она достигнет «чистого нуля», но на практике компания-ответчик не может этого сделать, поскольку продолжает выбра-

сывать огромные объемы парниковых газов и продолжает практику цепочек поставок, оказывающих существенное негативное воздействие на климат⁴³.

В практике США потребители также оспаривают заявления компаний о пригодности их продукции для вторичной переработки. Например, Colgate не смогла отклонить коллективный иск, в котором компания обвинялась в том, что она якобы вводит потребителей в заблуждение, ложно заявляя, что ее пластиковые тюбики для зубной пасты пригодны для вторичной переработки (дело *Della v. Colgate-Palmolive Co.*)⁴⁴.

В деле *Ellis v. Nike USA, Inc.* истец утверждал, что Nike представляет свою продукцию как экологически чистую и изготовленную из «переработанных и органических материалов», в то время как на самом деле она изготовлена из первичных синтетических и неорганических материалов, которые вредны для окружающей среды. Суд отклонил требования истца в связи с тем, что он «не привел убедительных фактов» о том, что заявления Nike были ложными или вводящими в заблуждение⁴⁵.

2.2.2. ESG-иски, связанные с цепочками поставок

Особенностью судебных споров становится распространение оценки соответствия ESG-принципам не только на контрагентов, но и на цепочки поставок, субподрядчиков и третьих лиц, что ведет к значительному расширению субъектного состава компаний, чья деятельность экспертируется на предмет соответствия целям устойчивого развития и ESG-стандартам.

Поскольку глобальные цепочки поставок становятся всё более сложными, что в том числе обусловлено мировой санкционной повесткой, компании сталкиваются с необходимостью оценки рисков возбуждения исков в связи с ответственностью за нарушения прав человека, трудовых и социальных прав, ущерб окружающей среде в рамках своих цепочек поставок.

⁴¹ Henriques M. P. No Good Deed Goes Unpunished: Growing ESG Litigation Risks // URL: <https://www.natlawreview.com/article/no-good-deed-goes-unpunished-growing-esg-litigation-risks> (дата обращения: 11.11.2021).

⁴² *Earth Island Inst. v. BlueTriton Brands*, No. 2021 CA 003027 B (D. C. Super. Ct. filed Aug. 27, 2021) // URL: <https://climatecasechart.com/case/earth-island-institute-v-bluetriton-brands/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴³ *People v. JBS USA Food Co.*, No. 450682/2024 (N. Y. Sup. Ct. filed Feb. 28, 2024) // URL: <https://climatecasechart.com/case/people-v-jbs-usa-food-co/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁴ *Della v. Colgate-Palmolive Co.*, No. 23-cv-04086-JCS, 2024, WL 457798 (N. D. Cal., 06.02.2024) // URL: <https://casetext.com/case/della-v-colgate-palmolive-co> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁵ *Ellis v. Nike USA, Inc.*, No. 4:23-CV-00632-MTS, 2024 WL 1344805 (E. D. Mo. Mar. 28, 2024) // URL: <https://climatecasechart.com/case/ellis-v-nike-usa-inc/> (дата обращения: 04.08.2024).

Мировой практике сейчас известно огромное число споров, связанных с цепочками поставок. В деле *Nat'l Consumers League v. Starbucks Corp.* против корпорации Starbucks подан судебный иск в округе Колумбия, основанный на утверждении, что компания ложно рекламирует свою продукцию как «этичную», поскольку поставляет кофе с ферм, которые допускают нарушения трудовых прав⁴⁶. Сеть супермаркетов ALDI была вынуждена защищаться от претензий, что она неправильно маркировала свои продукты из лосося как «экологически чистые», хотя они якобы были получены с крупных промышленных рыболовецких ферм, которые используют экологически вредные и неустойчивые методы производства (дело *Rawson v. ALDI, Inc.*)⁴⁷.

Судебные иски, связанные с формированием ESG-практик компаний, также могут касаться нарушений прав человека, например в связи с использованием детского или принудительного труда, что в рамках цепочек поставок может создавать потенциальные риски для деятельности транснациональных корпораций. В этой связи в иностранной литературе анализируются дела *Doe 1 v. Apple Inc.*, *Lesnik v. Se, Ratha v. Phatthana Seafood Co.* и др.⁴⁸

Эта категория ESG-исков представляет наиболее рисковую деятельность для российских компаний, осуществляющих трансграничную торговлю. В этой связи российским компаниям стоит уделять пристальное внимание зарубежным поставщикам, включать в контракты «оговорки об устойчивости» и иными путями анализировать возможные риски разбирательств особенно в свете Нью-Йоркской конвенции.

3. Итоги. Перспективы митигации рисков

Подводя итоги, возможно отметить, что концепция устойчивого развития, а также система ESG-стандартов постепенно и достаточно быстро трансформируют судебную и арбитражную практики за счет формирования значительного массива экоклиматических и ESG-разбирательств. Множатся классификации соответствующих споров, и многие громкие дела становятся

прецедентными, порождая своего рода эффект домино в мировой судебной практике. Это требует от государств, государственных органов, корпораций, компаний серьезного подхода к оценке литигационных рисков, связанных с экоклиматической и ESG-повесткой. В России наибольшие риски сопряжены с трансграничными коммерческими спорами, а также дальнейшими попытками отдельных организаций, НКО, граждан инициировать некие «аналоги» громких мировых судебных разбирательств в национальных судах против Правительства РФ, Президента РФ, министерств и ведомств.

Для митигации соответствующих рисков целесообразно опираться на риск-ориентированный подход и закладывать литигационные риски в структуру рисков организации. К числу мероприятий по снижению литигационных рисков можно отнести следующие: а) оценка нормативно-правовых источников, с которыми в той или иной степени связана деятельность соответствующего субъекта: это особенно актуально в отношении государств при принятии решений о присоединении к той или иной международной инициативе, при разработке национальных нормативных правовых актов. В контексте экоклиматической повестки немаловажную роль играют не только нормы «жесткого», но и нормы «мягкого» права; б) оценка нормативных и локальных актов компании, касающихся климатических изменений и ESG-отчетности (стратегии устойчивого развития, отчеты, нефинансовая и финансовая отчетность, подлежащая раскрытию и пр.) на предмет литигационных рисков, в том числе через призму обещаний, обязательств, заверений компании и пр.; в) оценка внутренних корпоративных и социальных практик и проектов компании на предмет литигационных рисков; г) оценка маркетинговой и социально ориентированной вовне деятельности компании на предмет рисков гринвошинга; д) оценка заключаемых и заключенных договоров с партнерами (особенно зарубежными), экспертиза цепочек поставок на предмет литигационных рисков; е) оценка публичных заверений компании, высших должностных лиц, в том числе в СМИ, по вопросам экоклиматической и ESG-повестки.

⁴⁶ *Nat'l Consumers League v. Starbucks Corp.*, No. 1:24-cv-00421-RBW (D.D.C. filed Feb. 12, 2024) // URL: <https://www.courtlistener.com/docket/68245160/national-consumers-league-v-starbucks-corporation/> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁷ *Rawson v. ALDI, Inc.*, No. 21-cv-2811, 2022 WL 1556395 (N. D. Ill. May 17, 2022) // URL: <https://casetext.com/case/rawson-v-aldi-inc> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴⁸ Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермакова Е. П. Особенности разрешения споров в сфере защиты климата государственными судами и арбитражем // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 26. № 1. С. 192–209.
- Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12 (133).
- Мажорина М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5 (186).
- Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023. 780 с.
- ESG Litigation Guide // URL: https://engagepremium.hoganlovells.com/_reports/esg-litigation-guide-report-20240804-215303.pdf.
- Hackett D., Demas R., Sanders D., Wicha J., Fowler A. A growing ESG risks of litigation // URL: https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/attachment_dw.action?attkey=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQJsWJiCH2WAWHb%2FPDBPVvgulFm%2BtSugID&nav=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQbuwypnpZjc4%3D&attdocparam=pB7HEsg%2FZ312Bk8OIuOIH1c%2BY4beLEAenR5wi6BMndE%3D&fromContentView=1.
- Piumpton L. M., Cumbo-Steinmetz Sh. Terry J. A., Allen H. ESG litigation risk // URL: <https://www.torlys.com/Our%20Latest%20Thinking/Publications/2021/03/esg-litigation-risk/>.
- Setzer J., Higham C. Global trends in climate: 2024 snapshot // URL: <https://climatecasechart.com/about/>.
- Summerville T., Soukup A., Wu L. F. A Closer Look: Developing Trends in ESG Litigation // URL: <https://www.insideclassactions.com/2024/04/18/a-closer-look-developing-trends-in-esg-litigation/> (дата обращения: 04.08.2024).

REFERENCES

- Ermakova EP. Specifics of resolving disputes in the field of climate protection by state courts and arbitration. *RUDN Journal of Law*. 2022;26(1):192-209. (In Russ.).
- ESG Litigation Guide. Available at: https://engagepremium.hoganlovells.com/_reports/esg-litigation-guide-report-20240804-215303.pdf [Accessed 09.09.2024].
- Hackett D, Demas R, Sanders D, Wicha J, and Fowler A. A growing ESG risks of litigation. Available at: https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/attachment_dw.action?attkey=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQJsWJiCH2WAWHb%2FPDBPVvgulFm%2BtSugID&nav=FRbANEucS95NMLRN47z%2BeeOgEFct8EGQbuwypnpZjc4%3D&attdocparam=pB7HEsg%2FZ312Bk8OIuOIH1c%2BY4beLEAenR5wi6BMndE%3D&fromContentView=1 [Accessed 09.09.2024].
- Majorina MV. ESG principles in international business and sustainable contracts. *Aktual'nye problem rossijskogo prava*. 2021;16(12):185-198. (In Russ.).
- Majorina MV. Sustainable Development Law: Essence, Subject and Methodology. *Lex russica*. 2022;75(5):117-126. (In Russ.).
- Mazhorina MV and Shakhnazarov BA (eds.). Sustainable law and ESG standards. Moscow: Prospekt Publ.; 2023.
- Piumpton LM, Cumbo-Steinmetz Sh, Terry JA, and Allen H. ESG litigation risk. Available at: <https://www.torlys.com/Our%20Latest%20Thinking/Publications/2021/03/esg-litigation-risk/> [Accessed 09.09.2024].
- Setzer J, Higham C. Global trends in climate: 2024 snapshot. Available at: <https://climatecasechart.com/about/> [Accessed 09.09.2024].
- Summerville T, Soukup A, and Wu LF. A Closer Look: Developing Trends in ESG Litigation. Available at: <https://www.insideclassactions.com/2024/04/18/a-closer-look-developing-trends-in-esg-litigation/> [Accessed 04.08.2024].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мажорина Мария Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права, проректор по стратегическому и международному развитию Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель Центра компетенций «Право устойчивого развития. ESG-стандарты»
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mvmazhorina@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Mazhorina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Private Law; Vice-Rector for Strategic and International Development, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Center of Competences «Sustainable Development Law. ESG Standards», Moscow, Russian Federation
mvmazhorina@msal.ru

Материал поступил в редакцию 21 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 августа 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 21.05.2024.

Revised 14.08.2024.

Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.022-031

М. П. Имекова

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники
г. Томск, Российская Федерация

Строительство и легализация самовольной постройки как способы образования зданий, сооружений

Резюме. В статье анализируются такие способы образования зданий, сооружений, как строительство и легализация самовольной постройки. Строительство как способ образования зданий, сооружений регламентируется нормами градостроительного законодательства. Данные нормы устанавливают три способа (порядка) строительства: разрешительный, уведомительный и упрощенный. Юридическое значение приведенной классификации способов строительства заключается в том, что каждый из них устанавливает разные требования к строительству зданий, сооружений как объектов капитального строительства, а также по-разному определяет его начало и удостоверяет завершение. Как показало исследование, единственный способ строительства, который получил однозначное правовое регулирование в действующем градостроительном законодательстве, — разрешительный. Уведомительный способ строительства сходен с разрешительным, а упрощенный — это способ-исключение, который устанавливается в отношении различных по уровню ответственности объектов капитального строительства, а также некапитальных строений, сооружений. Доказано, что здания, сооружения с позиции градостроительного законодательства приобретают статус объектов завершенного строительства не с момента получения разрешения ввода в эксплуатацию, как это принято считать в юридической литературе, а с момента появления фактической возможности их эксплуатации в соответствии с функциональным назначением. Такая возможность удостоверяется двумя способами: получением разрешения на ввод эксплуатацию или иного документа, предусмотренного действующим законодательством РФ; началом фактической эксплуатации объекта. Легализация самовольной постройки представляет собой исключительный способ образования таких объектов, как здания и сооружения, который можно использовать при строгом соблюдении определенных условий. Легализация самовольной постройки предполагает либо устранение нарушений норм градостроительного и иного законодательства, допущенных при осуществлении строительства, либо констатацию факта соответствия такого строительства установленным требованиям. И в том и в другом случае в установленном порядке подтверждается факт возможности эксплуатации самовольной постройки в соответствии с функциональным назначением.

Ключевые слова: способы образования; строительство; легализация; здание; сооружение; самовольная постройка; объект капитального строительства; разрешительный порядок строительства; уведомительный порядок строительства; упрощенный порядок строительства; приведение в соответствие с установленными требованиями; реконструкция; признание права собственности на самовольную постройку; сооружения вспомогательного использования; некапитальные строения

Для цитирования: Имекова М. П. Строительство и легализация самовольной постройки как способы образования зданий, сооружений. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 22–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.022-031

Construction and Legalization of an Unauthorized Construction as Ways to Form Buildings, Structures

Maria P. Imekova

National Research Tomsk State University, Tomsk State University
of Control Systems and Radioelectronics
Tomsk, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes such methods of formation of buildings, structures, as the construction and legalization of unauthorized construction. Construction as a way of forming buildings and structures is regulated by the norms of urban planning legislation. These norms establish three methods (procedures) of construction: permissive, under notification and simplified. The legal significance of the above classification of construction methods lies in the fact that each of them sets different requirements for the construction of buildings and structures as capital construction objects, and also defines its beginning and certifies completion in different ways. As the study showed, the permissive method is the only way of construction that obtained unambiguous legal regulation in the current urban planning legislation. The notification method of construction is similar to the permissive one, and the simplified method is an exception method that is established in relation to capital construction facilities of various levels of responsibility, as well as non-capital buildings and structures. It is proved that buildings and structures from the position of norms of urban planning legislation acquire the status of objects of completed construction not from the moment of obtaining permission for commissioning, as is commonly believed in the legal literature, but from the moment of the actual possibility of their operation in accordance with their functional purpose. This possibility can be verified in two ways: by obtaining a permit for commissioning or other document provided for by the current legislation of the Russian Federation; by starting the actual operation of the facility. The legalization of unauthorized construction is an exceptional way of forming objects such as buildings and structures that can be used under strict observance of certain conditions. Legalization of an unauthorized construction involves either the elimination of violations of the norms of urban planning and other legislation committed during construction, or the statement of the fact that such construction meets the established requirements. In both cases, the fact of the possibility of operating an unauthorized building in accordance with its functional purpose is confirmed in accordance with the established procedure.

Keywords: methods of formation; construction; legalization; building; structure; unauthorized construction; capital construction object; permissive construction procedure; notification construction procedure; simplified construction procedure; alignment with established requirements; reconstruction; recognition of ownership of unauthorized construction; auxiliary use structures; non-capital buildings

Cite as: Imekova MP. Construction and Legalization of an Unauthorized Construction as Ways to Form Buildings, Structures. *Lex russica*. 2024;77(9):22-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.022-031

Законодатель в ГК РФ¹ предусматривает три способа образования зданий, сооружений: первичный, вторичный и легализация самовольной постройки (ст. 141.3, 219, 222). При первичном способе образования здания, сооружения создаются в результате строительства. Вторичный способ образования — это способ образования, при котором здания и сооружения создаются в результате раздела недвижимой вещи (здания, сооружения, единого недвижимого комплекса) или в результате объединения нескольких недвижимых вещей (зданий, сооружений, всех помещений и машино-мест, расположенных в одном здании, сооружении). Легализация самовольной постройки — это способ образо-

вания, при котором устраняются нарушения, допущенные при первичном образовании зданий, сооружений, либо констатируется факт соответствия такого образования установленным требованиям. Особый интерес для целей настоящего исследования представляют первичный способ образования зданий, сооружений и легализация самовольной постройки.

Первичный способ подробно регламентируется градостроительным законодательством: с позиции соответствующих норм строительство зданий, сооружений как объектов капитального строительства подлежит обязательному санкционированию (одобрению, разрешению), а также контролю и надзору со стороны упол-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

номоченных органов власти (см. гл. 6 ГрК РФ²). Однако, как следует из анализа норм градостроительного законодательства, строительство не всех объектов подлежит санкционированию, соответственно, контролю и надзору. Существуют здания, сооружения, для строительства которых не требуется получения каких-либо разрешений со стороны уполномоченных органов власти либо взамен них предусмотрена обязанность застройщика по направлению в данные органы уведомлений о начале и об окончании строительства.

С учетом сказанного представляется возможным выделить три способа (порядка) строительства зданий, сооружений: разрешительный, уведомительный и упрощенный. Разрешительный порядок строительства предполагает получение специальных разрешений уполномоченных органов власти на строительство зданий, сооружений как объектов капитального строительства. Уведомительный порядок строительства — это порядок, при котором для строительства зданий, сооружений как объектов капитального строительства требуется направление в уполномоченные органы власти уведомлений о планируемом строительстве и об окончании строительства. При упрощенном порядке строительства зданий, сооружений как объектов капитального строительства не требуется получения каких-либо специальных разрешений, а также направления уведомлений. Как будет установлено ниже, данный способ строительства предусмотрен также в отношении некапитальных строений, сооружений.

Юридическое значение приведенной классификации способов строительства заключается в том, что каждый способ устанавливает разные требования к строительству зданий, сооружений как объектов капитального строительства,

а также по-разному определяет его начало и удостоверяет завершение. Так, в зависимости от способа начало строительства может быть обусловлено получением разрешения на строительство или иного документа, предусмотренного законодательством РФ, либо не обуславливаться получением таких документов вовсе.

Говоря о завершении строительства, стоит отметить, что в юридической литературе относительно его критериев существует дискуссия. Многие ученые³ связывают завершение строительства исключительно с получением разрешения на ввод в эксплуатацию. Несостоятельность данного подхода заключается в том, что он учитывает только разрешительный способ строительства, упуская из внимания иные способы: уведомительный и упрощенный. В силу сказанного видится справедливым мнение В. А. Алексеева о том, что «критерий завершения строительства должен быть единым для всех объектов и не должен зависеть от способа строительства и быть связан с какими-либо юридическими обстоятельствами»⁴. То есть, по мысли ученого, «первичным должно являться фактическое состояние объекта, а не юридический акт государства, который фиксирует это состояние»⁵. В связи с этим критерием завершения строительства должна выступать «фактическая возможность эксплуатации объекта»⁶, причем в соответствии с его функциональным назначением. Как будет доказано ниже, данная возможность удостоверяется различными способами: все зависит от способа строительства.

Разрешительный порядок строительства введен в отношении зданий, сооружений, перечисленных в ч. 5 ст. 51 ГрК РФ, и предполагает выдачу уполномоченными органами власти следующих разрешений: на строительство здания, сооружения и на ввод их в эксплуатацию.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

³ См.: Некрестьянов Д. С. Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 6–7 ; Валеев Р. А. Правовой режим объектов незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 7 ; Батуева Э. Ц. Гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с объектом незавершенного строительства как недвижимым имуществом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8–9 ; Гасанов М. М. Правовой режим объектов незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6 ; Анисимов А. П., Чикильдина А. Ю. Градостроительный кодекс РФ: правовые новации : постатейный научно-практ. комментарий. М., 2009. С. 19.

⁴ Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей : учеб. пособие для вузов. М., 2023. С. 165.

⁵ Алексеев В. А. Указ. соч. С. 165.

⁶ Алексеев В. А. Указ. соч. С. 165.

Анализ функций, которые призваны выполнять данные разрешения (см. ст. 51, 55 ГрК РФ), свидетельствует о том, что при рассматриваемом порядке строительства уполномоченные органы власти санкционируют как начало, так и завершение строительства. Так, начало строительства связывается с получением застройщиком разрешения на строительство, завершение строительства — с получением разрешения на ввод в эксплуатацию. Последнее призвано удостоверить факт завершения строительных работ в полном объеме и возникающую в связи с этим объективную возможность эксплуатации объекта в соответствии с его функциональным назначением. До получения такого разрешения возводимый объект капитального строительства необходимо квалифицировать как объект незавершенного строительства⁷, в отношении которого введен законодательный запрет на эксплуатацию⁸.

Уведомительный порядок строительства планируется ввести со 2 марта 2031 г., и он станет обязательным для объектов индивидуального жилищного строительства и садовых домов⁹. При этом, как следует из анализа норм градостроительного законодательства, данный порядок, вопреки своему названию, мало чем будет отличаться от разрешительного. Так, для строительства перечисленных объектов застройщику необходимо будет направлять в уполномоченные органы власти уведомления о планируемом строительстве и об окончании строительства, а в ответ получать, соответственно, уведомление о соответствии или несоответствии параметров планируемого строительства требованиям градостроительного, земельного и иного законодательства РФ и уведомление о соответствии или несоответствии возведенного объекта требованиям градостроительного законодательства. Без получения таких уведомлений застройщик не вправе будет начать

строительные работы, а строительство объекта не будет считаться завершенным.

Таким образом, при уведомительном порядке строительство объектов также будет санкционироваться уполномоченными органами власти. Причем момент начала строительства будет связываться с получением уведомления о соответствии параметров планируемого строительства требованиям градостроительного, земельного и иного законодательства РФ. Факт завершения строительства и возникающая в связи с этим возможность эксплуатации объекта в соответствии с функциональным назначением будут удостоверяться получением уведомления о соответствии возведенного объекта требованиям градостроительного законодательства.

Безусловно, предусмотренное законодателем со 2 марта 2031 г. правовое регулирование общественных отношений в рамках уведомительного порядка строительства не соответствует его названию и сути. В связи с этим необходимо внести изменения в ст. 51.1 ГрК РФ и закрепить обязанность застройщика по направлению в уполномоченные органы власти уведомлений о планируемом строительстве и об окончании строительства без получения соответствующих встречных уведомлений. Тогда начало строительства будет связано с моментом получения уполномоченным органом власти уведомления о планируемом строительстве, а завершение — с моментом получения этим же органом власти уведомления об окончании строительства.

В настоящее время для объектов индивидуального жилищного строительства и садовых домов, а также некоторых других объектов капитального строительства, перечисленных в ч. 17 ст. 51 ГрК РФ, в порядке исключения введен упрощенный порядок строительства. Хотя изначально данный порядок устанавливался законодателем для сооружений вспомогатель-

⁷ Впрочем, не любой строящийся объект является объектом незавершенного строительства. В судебной практике общепризнан подход, согласно которому для появления объекта незавершенного строительства необходимо достижение степени готовности объекта до отметки фундамента, вследствие чего появляется такой признак недвижимости, как неразрывная связь с земельным участком (см.: п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8).

⁸ За нарушение такого запрета предусмотрена административная ответственность в виде административного штрафа по ч. 5 ст. 9.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1).

⁹ См.: ст. 51.1, ч. 16–21 ст. 55 ГрК РФ; ч. 12 ст. 70 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

ного использования и некапитальных строений, сооружений.

Причины введения в отношении указанных объектов упрощенного порядка строительства различны и довольно часто обусловлены видом объекта и той функцией, которую он призван выполнять после его возведения. С учетом данного обстоятельства можно все объекты, перечисленные в ч. 17 ст. 51 ГрК РФ, ст. 70 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», условно разделить на четыре группы: 1) посольства, консульства и представительства РФ за рубежом; 2) объекты, на которые распространяется действие законов «О дачной амнистии», «О гаражной амнистии» и «О жилищной амнистии»; 3) сооружения специального назначения; 4) сооружения вспомогательного использования и некапитальные строения, сооружения.

Строительство посольств, консульств и представительств РФ за рубежом осуществляется в соответствии с международными договорами и законодательством государства пребывания, а не в соответствии с градостроительным законодательством РФ, в частности гл. 6 ГрК РФ. По этой причине в отношении данных объектов и был установлен упрощенный порядок строительства.

К объектам, на которые распространяется действие законов «О дачной амнистии», «О гаражной амнистии» и «О жилищной амнистии», относятся жилые и садовые дома, возведенные на садовых земельных участках; гаражи, возведенные на земельных участках, предоставленных физическим лицам для целей, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности; объекты индивидуального жилищного строительства¹⁰; здания, сооружения, расположенные в границах территории ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, относящиеся к имуществу общего пользования и созданные до 30 декабря 2004 г.¹¹ Названия данных законов были предложены СМИ для

обозначения группы законов, предоставляющих физическим и юридическим лицам возможность оформить право собственности на возведенные ими объекты недвижимости в упрощенном порядке. Речь идет о таких законах, как ЗК РФ, ГрК РФ, Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости». Упрощенность заключается в том, что для государственной регистрации права собственности на перечисленные объекты не требуется предоставления в орган, осуществляющий государственный кадастровый учет и государственную регистрацию прав, разрешений на их строительство и ввод в эксплуатацию, а также уведомлений о планируемом строительстве и об окончании строительства (см. подробнее ч. 12, 22–27 ст. 70 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»). Иными словами, строительство данных объектов никак не санкционируется уполномоченными органами власти, соответственно, на законодательном уровне не определены моменты его начала и завершения. Поэтому анализируемые объекты следует признавать объектами завершеного строительства с появления фактической возможности их эксплуатации в соответствии с функциональным назначением. Способом, подтверждающим появление такой возможности, будет начало эксплуатации.

К сооружениям специального назначения относятся такие сооружения, как буровые скважины, предусмотренные подготовленными, согласованными и утвержденными в соответствии с законодательством РФ о недрах техническим проектом разработки месторождений полезных ископаемых или иной проектной документацией на выполнение работ, связанных с использованием участками недр; сооружения, предназначенные для транспортировки природного газа под давлением до 1,2 мегапаскаля включительно; антенные опоры (мачты и башни) высотой до 50 м, предназначенные для размещения средств связи; иные сооружения, предусмотренные ГрК РФ, нормативными

¹⁰ За исключением строительства объектов индивидуального жилищного строительства с привлечением денежных средств участников долевого строительства в соответствии с Федеральным законом 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 40).

¹¹ Осуществить государственную регистрацию прав на перечисленные объекты без предоставления разрешений на их строительство и ввод в эксплуатацию можно до 1 марта 2031 г. (ч. 10 ст. 70 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»).

правовыми актами Правительства РФ¹², законодательством субъектов РФ о градостроительной деятельности.

Перечисленные сооружения обладают специальным функциональным назначением, в силу чего их строительство регламентируется не нормами ГрК РФ, а иными специальными законами. Например, для строительства буровых скважин не требуется получения разрешения на их строительство, поскольку их строительство регламентируется Законом РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах». В соответствии со ст. 23.2 данного Закона строительство буровых скважин допускается при условии подготовки, согласования и утверждения проекта разработки месторождений полезных ископаемых или иной проектной документации на выполнение работ, связанных с использованием участками недр¹³. Если говорить об объектах, предназначенных для транспортировки природного газа под давлением до 1,2 мегапаскала включительно, то их строительство регламентируется такими актами, как Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹⁴, постановление Правительства РФ от 29.10.2010 № 870 «Об утверждении технического регламента о безопасности сетей газораспределения и газопотребления»¹⁵. В силу данных актов документальным подтверждением соответствия построенных сетей газораспределения и газопотребления требованиям, установленным техническими регламентами, является акт приемки, который подписывается членами приемочной комиссии. Иными словами, в рассматриваемом случае не разрешение на ввод в эксплуатацию, а акт приемки объ-

екта газораспределительной системы будет документом, подтверждающим завершение строительства, а также возможность его эксплуатации в соответствии с функциональным назначением¹⁶.

Таким образом, упрощенный порядок строительства для сооружений специального назначения введен не столько с целью «упрощения» их создания, а во избежание двойного санкционирования их строительства со стороны уполномоченных органов власти. Поэтому сооружения специального назначения являются объектами завершеного строительства либо с момента получения предусмотренных специальными законами документов, подтверждающих возможность их эксплуатации, либо, если получение таких документов не требуется, с момента начала их фактической эксплуатации.

Сооружения вспомогательного использования и некапитальные строения, сооружения являются технически простыми объектами, поэтому законодатель в отношении них и закрепил упрощенный порядок строительства. Соответственно, начало и окончание их строительства никак не регламентируются действующим законодательством¹⁷. В силу данного обстоятельства сооружения вспомогательного использования и некапитальные строения, сооружения необходимо признавать объектами завершеного строительства с момента начала их фактической эксплуатации.

В свою очередь, проведенное исследование способов строительства, предусмотренных градостроительным законодательством, позволяет констатировать, что законодатель крайне не последователен в их правовой регламентации. Единственный способ, который

¹² См., например: постановление Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300 «Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов» // СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7089; постановление Правительства РФ от 12.11.2020 № 1816 «Об утверждении перечня случаев, при которых для строительства, реконструкции линейного объекта не требуется подготовка документации по планировке территории...» // СЗ РФ. 2020. № 47. Ст. 7520.

¹³ Буровые скважины возводятся на земельных участках, которые предоставляются для добычи полезных ископаемых. Пункт 4 ч. 4 ст. 36 ГрК РФ исключает действие градостроительного регламента, соответственно, и градостроительного законодательства, в отношении таких участков. Их использование осуществляется только в соответствии с Законом РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823).

¹⁴ СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

¹⁵ СЗ РФ. 2010. № 45. Ст. 5853.

¹⁶ См.: пп. «б» п. 4 постановления Правительства РФ от 12.10.2020 № 1661 «О лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов I, II и III классов опасности» // СЗ РФ. 2020. № 42 (ч. III). Ст. 6626.

¹⁷ Если, конечно, речь не идет о сооружениях специального назначения.

получил однозначное правовое регулирование, — разрешительный. Уведомительный способ строительства представляет собой по сути разрешительный, а упрощенный — это способ-исключение, который устанавливается в отношении различных по уровню ответственности объектов капитального строительства, а также некапитальных строений, сооружений.

С другой стороны, проведенное исследование позволило доказать, что здания, сооружения с позиции градостроительного законодательства приобретают статус объектов завершенного строительства не с момента получения разрешения ввода в эксплуатацию, как это принято считать в юридической литературе, а с момента появления фактической возможности их эксплуатации в соответствии с функциональным назначением. Такая возможность может удостоверяться двумя способами: 1) получением разрешения на ввод в эксплуатацию или иного документа, предусмотренного действующим законодательством РФ; 2) началом фактической эксплуатации объекта.

Легализация самовольной постройки представляет собой исключительный способ образования таких объектов, как здания и сооружения. Данный способ образования можно использовать при строгом соблюдении определенных условий. В зависимости от них может меняться правовой режим самовольной постройки: она может рассматриваться либо как правонарушение, либо как недвижимая вещь, на которую можно приобрести права собственности в установленном порядке¹⁸.

Очевидно, что принципиальное отличие легализации как способа образования зданий, сооружений от их первичного образования заключается в том, что он применим лишь к самовольной постройке, которая является по сути результатом первичного образования,

при осуществлении которого были допущены нарушения норм градостроительного и иного законодательства. Легализация самовольной постройки предполагает либо устранение таких нарушений, либо констатацию соответствия образования установленным требованиям. И в том, и в другом случае в установленном порядке подтверждается возможность эксплуатации самовольной постройки в соответствии с функциональным назначением.

Отношения по легализации самовольной постройки регламентируются нормами различных отраслей законодательства: гражданского, градостроительного, административного, гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального. Анализ данных норм позволяет выделить два способа (порядка) легализации самовольной постройки: 1) приведение ее в соответствие с установленными требованиями; 2) признание права собственности на самовольную постройку. Юридическое значение выделения данных способов заключается в том, что каждый способ предусматривает разные условия легализации самовольной постройки и по-разному определяет момент, с которого допускается эксплуатация самовольной постройки.

Приведение самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями предполагает ее приведение в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом. При этом такое приведение, согласно ч. 10 ст. 55.32 ГрК РФ, осуществляется путем реконструкции в порядке, установленном главой 6 ГрК РФ. Решение о проведении реконструкции в соответствии с п. 3.1 ст. 222 ГК РФ может принимать суд или орган местного самоуправления¹⁹.

¹⁸ Неоднозначность правовых последствий возведения самовольной постройки признается многими учеными (см.: Кузьмина И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2004. С. 164–177 ; Грызыхина Е. А. Приобретение права собственности на вновь возведенный объект недвижимости по законодательству РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 6 ; Гумилевская О. В. Основания признания права собственности на самовольную постройку : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 9 ; Савина А. В. Правовой режим самовольной постройки : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 10, 11 ; Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8–9 ; Шишканов П. А. Самовольное строительство и его правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3 ; Бетхер В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. С. 8).

¹⁹ Последнее возможно в случаях, предусмотренных в пп. 2 п. 4 ст. 222 ГК РФ. Кроме этого, существуют случаи, когда орган местного самоуправления не вправе принимать решения о приведении самоволь-

Как можно заметить, приведение самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями фактически означает осуществление ее принудительной реконструкции²⁰. Однако такая реконструкция как раз и позволяет устранить нарушения, которые были допущены при первичном образовании зданий, сооружений, а также осуществить надлежащее оформление необходимых документов в отношении таких объектов. Документом, подтверждающим факт устранения допущенных нарушений и возникающую в связи с этим объективную возможность эксплуатации реконструированного объекта, является разрешение на ввод его в эксплуатацию (см. ст. 55 ГрК РФ).

Признание права собственности на самовольную постройку допускается только в судебном порядке²¹. В процессе рассмотрения

дела о признании права собственности на самовольную постройку судом в том числе решается вопрос о возможности эксплуатации самовольной постройки. Исходя из анализа действующего законодательства и судебной практики, можно выделить следующие условия, которые должны быть соблюдены судом при удовлетворении иска о признании права собственности на самовольную постройку: наличие у лица права собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования в отношении земельного участка, на котором расположена постройка²²; наличие у лица, осуществившего постройку, права, допускающего строительство на соответствующем участке данного объекта; постройка на день обращения в суд соответствует установленным требованиям; сохране-

ной постройки в соответствии с установленными требованиями. См.: п. 7 ст. 18 Федерального закона от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 15 (ч. I). Ст. 2446 ; ст. 22 Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302 ; п. 1 ст. 8 Федерального закона от 30.12.2021 № 478-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 47.

²⁰ Так, в одном из дел суд, придя к выводу о том, что возведение гаража с нарушением требований отступа от межевой границы не является существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, противопожарные и санитарные разрывы соблюдены, опасности для жизни и здоровья людей указанный объект не представляет, отказал в удовлетворении исковых требований о сносе гаража, одновременно возложив на ответчиков обязанность по устранению выявленных недостатков постройки путем переустройства ее конфигурации и установления по краю ската крыши снегозадерживающих заграждений (см.: Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014)).

²¹ Статья 222 ГК РФ закрепляет два возможных способа (порядка) признания права собственности на самовольную постройку: 1) судебный порядок; 2) иной порядок, установленный законом, который, исходя из буквального содержания данной нормы, должен быть «внесудебным». Данная оговорка законодателя послужила в юридической литературе поводом для вывода о том, что таким внесудебным порядком признания права собственности на самовольную постройку является упрощенный порядок строительства зданий, строений, сооружений, который установлен в отношении объектов, на которые распространяется действие Законов «О дачной амнистии», «О гаражной амнистии», «О жилищной амнистии» (см., например: *Савина А. В.* Указ. соч. С. 115–116). Недопустимо ставить знак равенства между признанием права собственности на самовольную постройку и упрощенным порядком строительства. Признание права собственности на самовольную постройку задумывалось государством прежде всего как специальный механизм исправления ошибок, допущенных при первичном образовании зданий, сооружений как объектов недвижимости. Кроме этого, объекты, в отношении которых установлен упрощенный порядок строительства, также могут подпадать под признаки самовольной постройки. Однако в отношении некоторых из них действующим законодательством предусмотрены исключения по возможности их признания самовольной постройкой, а также принятия решения об их сносе (см., например: п. 7 ст. 18 Федерального закона от 05.04.2021 № 79-ФЗ ; ст. 22 Федерального закона «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» ; п. 1 ст. 8 Федерального закона от 30.12.2021 № 478-ФЗ).

²² Суды допускают также признание права собственности на самовольную постройку за арендатором участка, но только если участок был предоставлен для строительства соответствующего объекта (см. подробнее п. 20 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014)).

ние постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан²³; лицо приняло все меры к легализации самовольной постройки (в частности, принимало меры к получению разрешения на строительство и/или акта ввода объекта в эксплуатацию)²⁴. Перечисленные условия в совокупности позволяют суду констатировать факт отсутствия нарушений градостроительного и иного законодательства при первичном образовании зданий, сооружений и признать допустимым сохранение таких объектов, а также возможность их использования в соответствии с их функциональным назначением.

В свою очередь, проведенное в рамках статьи исследование позволяет сделать вывод о

том, что в действующем законодательстве установлены различные способы образования зданий, сооружений. Каждый способ закрепляет определенный порядок и условия образования зданий, сооружений. При строительстве и легализации самовольной постройки здания, сооружения считаются образованными с момента появления возможности их фактической эксплуатации в соответствии с функциональным назначением. Такая возможность может удостоверяться различными способами: получением разрешения на ввод в эксплуатацию или иного документа, предусмотренного действующим законодательством РФ; началом фактической эксплуатации здания, сооружения; решением суда в случае признания права собственности на самовольную постройку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В. А. Право недвижимости Российской Федерации. Понятие и виды недвижимых вещей : учебник. М. : Юрайт, 2023. 601 с.

Анисимов А. П., Чикильдина А. Ю. Градостроительный кодекс РФ: правовые новации (постатейный научно-практический комментарий). М. : Библиотека Российской газеты, 2009. 190 с.

Батуева Э. Ц. Гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с объектом незавершенного строительства как недвижимым имуществом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.

Бетхер В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 280 с.

Валеев Р. А. Правовой режим объектов незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. 26 с.

Гасанов М. М. Правовой режим объектов незавершенного строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.

Грызыхина Е. А. Приобретение права собственности на вновь возведенный объект недвижимости по законодательству РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 22 с.

Гумилевская О. В. Основания признания права собственности на самовольную постройку : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 23 с.

Кузьмина И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2004. 432 с.

Некрестьянов Д. С. Гражданско-правовое регулирование оборота объектов незавершенного строительства : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 225 с.

Савина А. В. Правовой режим самовольной постройки : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 194 с.

²³ Соответствует ли объект требованиям законодательства, создает ли он угрозу жизни и здоровью граждан, как правило, решается на основании заключения судебной экспертизы (см.: п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6).

²⁴ См.: п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 ; п. 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022).

Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 25 с.

Шишканов П. А. Самовольное строительство и его правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 216 с.

REFERENCES

Alekseev VA. Real estate law of the Russian Federation. The concept and types of immovable things. Moscow: Yurait Publ.; 2023. (In Russ.).

Anisimov AP, Chikildina AYU. The Urban Planning Code of the Russian Federation: legal innovations (article-by-article scientific and practical commentary). Moscow: Library of the Russian Newspaper; 2009. (In Russ.).

Batueva ETs. Civil law regulation of relations related to the object of unfinished construction as an immovable property. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2010. (In Russ.).

Betkher VA. Unauthorized creation and (or) modification of objects of non-discrimination in the Russian Federation (civil law aspect). Cand. Sci. (Law) Diss. Omsk; 2016. (In Russ.).

Gryzikhina EA. Acquisition of ownership of a newly erected real estate object according to the legislation of the Russian Federation. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Tomsk; 2024. (In Russ.).

Gumilevskaya OV. Grounds for recognizing the right of ownership to a self-contained building. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Krasnodar; 2008. (In Russ.).

Hasanov MM. The legal regime of objects of unfinished construction. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).

Kuzmina ID. The legal regime of buildings and structures as immovable objects. Dr. Sci. (Law) Diss. Tomsk; 2004. (In Russ.).

Nekrestyanov DS. Civil law regulation of turnover of objects of unfinished construction. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2005. (In Russ.).

Savina AV. The legal regime of unauthorized construction. Cand. Sci. (Law) Diss. Samara; 2010. (In Russ.).

Selivanov VV. The civil law regime of unauthorized construction and its normative consolidation. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2012. (In Russ.).

Shishkanov PA. Unauthorized construction and its legal consequences. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2012. (In Russ.).

Valeev RA. The legal regime of objects under construction. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Ufa; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Имекова Мария Павловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники
д. 36, Ленина пр., г. Томск 634050, Российская Федерация
Imekova_Maria@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria P. Imekova, Cand. Sci. (Law), Law, Associate Professor, Department of Civil Law, National Research Tomsk State University; Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
Imekova_Maria@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 23 мая 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 25.04.2024.

Revised 23.05.2024.

Accepted 15.08.2024.

Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики

Резюме. Впервые положения об особых правилах избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, появились в отечественном законодательстве в 2010 г. С этого времени соответствующие нормативные положения многократно претерпевали незначительные изменения, существенно видоизменившись в 2019 г., когда на смену законодательному указанию на совершение преступления в «сфере предпринимательской деятельности» пришло указание на статус лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, связанного с осуществляемой им предпринимательской или иной экономической деятельностью. Преследуя цели большей либерализации уголовного судопроизводства и ограждения предпринимателей от не оправданного общественной опасностью совершенных ими преступлений применения мер процессуального принуждения, в 2023 г. законодатель вновь обновил положения о заключении под стражу, предусмотрев регулирование, на первый взгляд способное обеспечить их достижение. В то же время, как показывает анализ судебной практики, осуществляемые изменения законодательства не решили основных проблем применения соответствующей меры пресечения, поскольку так и не уточнили содержание понятия предпринимательской деятельности для целей ст. 108 УПК РФ и не определили механизм установления связи между данной деятельностью и совершенным предпринимателем преступлением. В статье анализируются существующие в доктрине и правоприменении подходы к разрешению указанных проблем, предлагаются пути их разрешения, способные обеспечить достижение целей гуманизации уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей.

Ключевые слова: заключение под стражу; предпринимательская деятельность; гуманизация; судебная практика; дифференциация уголовного судопроизводства

Для цитирования: Гончарова В. А. Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 32–44. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.032-044

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496 (<https://rscf.ru/project/22-18-00496/>).

Detention of Persons Engaged in Entrepreneurial and other Economic Activities: Updated Legislation and Current Narratives of Judicial Practice

Valeriya A. Goncharova
Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Abstract. For the first time, provisions on special rules for the election of a preventive measure in the form of detention of persons engaged in entrepreneurial activity appeared in domestic legislation in 2010. Since that time, the relevant regulatory provisions have repeatedly undergone minor changes, having significantly changed in 2019, when the legislative indication for the commission of a crime in the «sphere of entrepreneurial activity» was replaced by an indication of the status of a person suspected or accused of committing a crime related to his entrepreneurial or other economic activity. In pursuit of the goals of greater liberalization of criminal proceedings and protecting entrepreneurs from the unjustified use of procedural coercion measures in accordance of the public danger of crimes committed by them, in 2023 the law-maker again updated the provisions on detention, providing for regulation that at first glance could ensure their achievement. At the same time, as the analysis of judicial practice shows, the ongoing legislative changes have not solved the main problems of applying the appropriate preventive measure, since they have not clarified the content of the concept of entrepreneurial activity for the purposes of Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and have not determined the mechanism for establishing a link between this activity and the crime committed by the entrepreneur. The paper analyzes the approaches existing in the doctrine and law enforcement to solving these problems, suggests ways to resolve them that can ensure the achievement of the goals of humanization of criminal prosecution brought against entrepreneurs.

Keywords: detention, entrepreneurial activity, humanization, judicial practice, differentiation of criminal proceedings

Cite as: Goncharova VA. Detention of Persons Engaged in Entrepreneurial and other Economic Activities: Updated Legislation and Current Narratives of Judicial Practice. *Lex russica*. 2024;77(9):32-44. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.032-044

Acknowledgments. The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00496 <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Введение

Одним из направлений совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства является гуманизация уголовного судопроизводства — процесс, предполагающий всесторонний учет интересов человека, его прав, свобод и индивидуальных особенностей¹.

Решению задач по гуманизации уголовного судопроизводства служит в том числе создание

новых и расширение уже имеющихся законодательных гарантий «обеспечения прав предпринимателей, которые устанавливаются в целях как повышения эффективности судопроизводства, так и охраны интересов личности в уголовном процессе»². Как справедливо отмечается в литературе, особая защита предпринимателей³ при осуществлении производства по уголовному делу обусловлена не неким их привилегированным положением, а необходимостью обеспечения устойчивости бизнеса и экономи-

¹ Об этом см.: Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001 ; Прокофьева С. М. Гуманизация уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.

² Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10.

³ В рамках работы для анализа ст. 108 УПК РФ термин «предприниматель» будет использован в широком смысле как обозначающий лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации.

ческих отношений в масштабах всего государства⁴. Как указывает М. А. Михеенкова, высокая значимость особого режима применения принудительных мер для предпринимателей состоит в невозможности для заключенного под стражу предпринимателя эффективно управлять бизнесом, возникновении у него в связи с этим соответствующих убытков, проигрыше в конкурентной борьбе или в корпоративном конфликте⁵. Всё это в масштабах государства в конечном итоге может влиять как на стабильность гражданского оборота, так и на защищенность тех лиц, для которых соответствующий предприниматель является работодателем или контрагентом по договору.

Заключение под стражу предпринимателей: история правового регулирования

Особую актуальность вопрос о гарантиях прав предпринимателей, выступающих в качестве подозреваемых или обвиняемых, приобретает в связи с недавним реформированием статьи 108 УПК РФ, посвященной заключению под стражу.

Следует отметить, что указанная норма на протяжении почти 15 последних лет подвергается определенным изменениям, преследующим, по существу, одни и те же цели. В целом же допустимо говорить о трех основных этапах развития и формирования особых правил о заключении под стражу предпринимателей.

Первый этап ознаменовался принятием Федерального закона от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶, впервые закрепившего невозможность заключения под стражу лиц, совершивших определенные указанной нормой преступления *в сфере предпринимательской деятельности*. В дальнейшем часть 1.1 ст. 108 УПК РФ неоднократно изменялась, получая уточнения, по существу, лишь в перечне составов соответствующих преступлений.

Существенным образом анализируемая норма обновилась в 2019 г. в связи с принятием Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁷. На указанном, втором, этапе законодатель отошел от использования предметного критерия при формировании особого порядка заключения под стражу предпринимателей: на смену ему пришел новый — субъектный — критерий, обозначающий в качестве основания применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ уже конкретное лицо — предпринимателя, члена органа управления коммерческой организацией и т.д., подозреваемого или обвиняемого в совершении поименованных в ч. 1.1 преступлений *в связи с его предпринимательской деятельностью*. Как показывает анализ пояснительной записки к данному закону, основной целью обновления ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ на тот

⁴ Об этом см., например: *Авдеева Е. В.* Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002 ; *Афанасьева С. И., Малыгин К. В.* Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 566–578.

Следует отметить, что в целом идея о необходимости и возможности выделения особого производства в отношении предпринимателей по экономическим преступлениям большинством авторов оценивается положительно (об этом см.: *Панфилов П. О.* Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019 ; *Попова Л. В.* Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019 ; *Сычев П. Г.* Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022). В то же время у нее встречаются и противники (*Фетищева Л. М.* Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016).

⁵ *Михеенкова М. А.* Использование мер процессуального принуждения в отношении предпринимателей // Закон. 2021. № 5.

⁶ СЗ РФ. 2010. № 15. Ст. 1756.

⁷ СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4474.

момент являлось усиление защиты прав предпринимателей⁸.

Обновленная часть 1.1 ст. 108 УПК РФ предусматривала, что заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии общих обстоятельств, дающих право на ее применение, не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого, если ряд поименованных в УПК РФ преступлений совершены им как индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также при совершении ими иных поименованных преступных деяний.

В 2023 г. в связи с принятием Федерального закона от 13.06.2023 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁹, обозначившего третий, нынешний, этап в реформировании ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, правила о заключении под стражу предпринимателей вновь претерпели изменения. Обновленное регулирование предусматривает несколько уточненное правило: теперь заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого предпринимателя, если ряд поименованных в УПК РФ преступлений совершены им в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также при совершении ими иных, также поименованных преступных деяний, только при наличии одного из следующих обстоятельств:

1) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; 2) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 3) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Изменения, вносимые Федеральным законом от 13.06.2023 № 217-ФЗ, имели при этом системный характер и предполагали также дополнение ст. 108 УПК РФ новой частью 3.1, возлагающей на следователя, дознавателя обязанность при возбуждении перед судом ходатайства об избрании предпринимателю в качестве меры пресечения заключения под стражу обосновывать отсутствие связи между названными в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ преступлениями и осуществляемой им предпринимательской или иной экономической деятельностью. В русле принятых поправок обновилась и статья 99 УПК РФ, ныне устанавливающая для правоприменителя обязанность рассматривать возможность избрания для предпринимателя той меры пресечения, которая позволит продолжить ему свою деятельность¹⁰.

Как отмечается в пояснительной записке к Федеральному закону от 13.06.2023 № 217-ФЗ, необходимость нововведений была обусловлена общим ростом количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также сохраняющейся актуальностью реализации в Российской Федерации системных мер, направленных на исключение избыточного уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей. Принятие законопроекта, по мнению его разработчиков, позволит расширить гарантии лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в ходе осуществления уголовного преследования.

Толкованию ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в течение последних нескольких лет значительное внимание уделял Верховный Суд РФ. Так, еще за три года до появления ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ высшей судебной инстанцией было сформулировано толкование, тождественное ее действующему содержанию и устанавливающее, что при отсутствии в ходатайстве об избрании меры пре-

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ СЗ РФ. 2023. № 25. Ст. 4406.

¹⁰ Представленным Законом в уголовно-процессуальное законодательство был внесен ряд и иных важных положений, анализ которых, однако, не входит в задачи настоящего исследования.

сечения в виде заключения под стражу и приложенных к нему документах доказательств наличия связи совершенного преступления с экономической и предпринимательской деятельностью обвиняемого или подозреваемого, оно не подлежит удовлетворению (абз. 3 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (редакция от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»¹¹).

Проблемы применения обновленного законодательства о заключении под стражу предпринимателей

Внесенные в уголовно-процессуальное законодательство изменения нашли значительный отклик у представителей профессионального¹² сообщества, в целом позитивно оценивших его новеллы. С подобными оценками, однако, следует согласиться лишь отчасти, формально признав внешнюю либерализацию положений об особенностях избрания мер пресечения в отношении предпринимателей. Наиболее же значимым — и об этом повсеместно свидетельствует судебная практика, — является то, что проблема применения правил об особом статусе предпринимателей при избрании в их отношении меры пресечения в виде заключения под стражу состоит не в более или менее либеральном их режиме, а в используемых с 2019 г. в ч. 1.1 формулировках, по существу, вводящих условие для ее применения и описывающих осуществляемую

такими особыми подозреваемыми и обвиняемыми деятельность. Дело в том, что по смыслу ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ к предпринимателям применяются особые правила судопроизводства не просто в силу их статуса, а лишь в случае, если определенные преступления совершены ими *в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности*¹³. Закономерны вопросы: что понимается под связью с предпринимательской деятельностью¹⁴, как и на основе каких критериев следует определять ее наличие в каждом конкретном случае? Неразрешенность указанных вопросов в доктрине уголовного процесса и на уровне разъяснений Верховного Суда РФ фактически нивелирует отмеченный ранее и признаваемый большинством авторов положительный потенциал ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Обращение к доктринальным источникам и судебной практике позволяет сделать вывод о сформированности на сегодняшний день двух основных позиций, определяющих необходимый для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ уровень связанности совершенного лицом преступления и его статуса как предпринимателя, учитываемый при решении вопроса о возможности избрания такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно первому подходу, который можно условно именовать широким или буквальным, заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть назначено абсолютно любому предпринимателю, если соответствующий субъект сознательно действует именно как

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

¹² Госдума приняла поправки к УПК, регламентирующие порядок заключения под стражу предпринимателей // Адвокатская газета. 31.05.2024. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/gosduma-prinyala-popravki-v-upk-reglamentiruyushchie-poryadok-zaklyucheniya-pod-strazhu-predprinimateley/> (дата обращения: 17.03.2024).

¹³ Гончарова В. А. О различиях в подходах к определению предпринимательской деятельности в отраслях частного и публичного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / ред. Е. С. Болтанова, Н. Г. Галковская, Г. Л. Осокина, Г. Г. Пашкова, И. В. Чаднова. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2023. Ч. 94. С. 18.

¹⁴ В части 1.1 ст. 108 УПК РФ речь идет о двух группах преступлений, подозрение или обвинение в совершении которых является основанием для неприменения к предпринимателю меры пресечения в виде заключения под стражу. В настоящей статье речь будет идти лишь о той группе преступлений, которые для указанной цели должны быть связаны с соответствующей деятельностью.

¹⁵ Об этом см.: Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. 2017. № 1. С. 46–51.

Описанная позиция формировалась автором на основе анализа прежнего законодательства, однако не потеряла актуальности.

предприниматель и если именно указанная его деятельность дает возможность такому субъекту совершить соответствующее преступление¹⁵. Чтобы быть признанным связанным с предпринимательской деятельностью, преступление должно совершаться указанными в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ субъектами, наряду с постоянным осуществлением ими законной предпринимательской деятельности. Если же такая деятельность изначально задумывалась в качестве прикрытия преступной деятельности, совершенные предпринимателями преступления не должны признаваться связанными с предпринимательской деятельностью.

Поясняя соответствующие положения, сторонник представленного подхода П. С. Яни делает вывод о том, что в качестве преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью, следует рассматривать, в частности, присвоение имущества, вверенного лицу как предпринимателю, оказывающему услуги по хранению. В качестве противоположной ситуации, не допускающей применение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, автором приводится случай похищения тем же лицом автомобиля, который доверено перегнать ему не как профессиональному участнику рынка, а как гражданину¹⁶.

Подобный подход формально находит поддержку в действующей редакции п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, согласно которому при разрешении ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении предпринимателя, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, судам следует во всех случаях обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения.

Иными словами, Верховный Суд в названном постановлении фактически не вводит никаких ограничений на применение ч. 1.1 ко всем предпринимателям, обращая внимание на ее универсальность в отношении всех соответствующих субъектов.

Вместе с тем, как свидетельствует анализ практики высшей судебной инстанции по конкретным делам, наметилась устойчивая тен-

денция отхода от формально действующих и сформулированных ею же в названном постановлении позиций. Так, всё чаще в качестве препятствия для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ Верховный Суд РФ рассматривает хищение лицом, определенным в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, в ходе совершения соответствующего преступления средств государственного или муниципального бюджета. Подобный вывод был сформулирован им в кассационном определении от 10.08.2021 № 78-УД21-19-К3: согласно обвинительному заключению, ставшему предметом анализа Верховного Суда РФ, А. С. Горячеву, выступавшему генеральным директором общества с ограниченной ответственностью, инкриминировались мошеннические действия с целью хищения бюджетных денежных средств путем изготовления и предоставления фиктивных документов о поставке товаров по завышенной цене, а также заведомо ложных сведений о стоимости и объеме произведенных работ. Оставляя в силе постановления судов первой и апелляционной инстанций, Верховный Суд РФ пришел к выводу о том, что А. С. Горячев, пользуясь своим статусом, выполнял действия и осуществлял экономические функции, запрещенные законом, которые были направлены не на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров или оказания услуг, а на извлечение материальной выгоды путем обманного завладения бюджетными средствами.

Аналогичная позиция была изложена высшей судебной инстанцией и в определении от 13.03.2024 по делу № 5-УД24-4-К2. Как отметил Суд со ссылкой на материалы уголовного дела, В. В. Дзык обвиняется в совершении двух преступлений, предусмотренных частью 4 ст. 159 УК РФ, по факту хищения путем обмана бюджетных денежных средств в размере 33,6 и 37 млн руб., принадлежащих структурному подразделению государственной корпорации. Соглашаясь с актами судов первой и кассационной инстанций, Верховный Суд РФ однозначно указал на то, что их вывод об отсутствии оснований для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ соответствует установленным обстоятельствам, согласно которым инкриминируемое деяние сопряжено с хищением бюджетных средств, а

См. также: *Афанасьева С. И., Малыгин К. В.* Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 566–578.

¹⁶ Яни П. С. Указ. соч.

См. также: Яни П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11. С. 42–46.

не с осуществлением предпринимательской деятельности.

Приведенная позиция высшей судебной инстанции, как представляется, более соответствует ранее действовавшей редакции п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, содержащей закрепленное в ст. 2 ГК РФ понятие предпринимательской деятельности как самостоятельной и осуществляемой на риск соответствующего субъекта¹⁷. Следует отметить, что включить в ст. 5 УПК РФ определение предпринимательской деятельности для целей ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ именно из гражданского законодательства Верховный Суд РФ предлагал и в ходе реформы, имевшей следствием принятие Федерального закона от 13.06.2023 № 217-ФЗ¹⁸. Подобный подход не был воспринят законодателем, но, очевидно, фактически поддерживается высшей судебной инстанцией.

Можно заключить, что в настоящее время Верховный Суд РФ исходит из особого, уточненного подхода к толкованию ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, предполагающего, что даже при наличии у подозреваемого или обвиняемого статуса предпринимателя совершенное им в ходе осуществления предпринимательской деятельности хищение бюджетных денежных средств является случаем, исключающим возможность применения особых правил о заключении под стражу. Таким образом, подчеркивается, что объектом посягательства являются не просто отношения частных лиц, стабильность гражданско-правовых связей, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (ст. 2 ГК РФ), где было бы уместным применение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ,

а публичный интерес, интерес государства, связанный с возможностью владения и целевого распоряжения принадлежащими ему денежными средствами, посягательство на который предопределяет повышенную общественную опасность совершенного преступления.

Изложенное свидетельствует о прямых противоречиях между с одной стороны позицией, сформулированной самим же Верховным Судом РФ в п. 8 постановления Пленума от 19.12.2013 № 41, целями обновления ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и с другой — актуальными нарративами судебной практики. Ни в УПК РФ, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции уровня постановлений Пленума нет указания на такое основание для неприменения заключения под стражу для предпринимателей, как преступное завладение ими государственным или муниципальным имуществом в ходе осуществления регулярной предпринимательской деятельности. На это ранее отдельно обращал внимание и П. С. Яни, проводя сравнительный анализ ст. 20 и 108 УПК РФ¹⁹.

Стоит отметить, что анализ практики нижестоящих судов и вовсе демонстрирует отсутствие единства в определении механизмов установления связи совершенного преступления с осуществляемой подозреваемым и обвиняемым предпринимательской деятельностью. Закономерно, что наиболее распространенным правоприменительным нарративом является практически полный отказ от использования положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, указание на невозможность их применения в том или ином случае. Обоснование судов при этом сводится чаще к простым тезисам: «суд первой инстанции обоснованно не применил к подсудимым

¹⁷ Как отмечается в юридической литературе, «предпринимательский риск можно определить как деятельность предпринимателя на рынке в ситуации неопределенности относительно вероятного получения прибыли или убытков, когда принимающий решение, не будучи в состоянии однозначно предвидеть, добьется он прибыли или понесет убытки, оказывается перед выбором одного из альтернативных вариантов решения» (Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020).

Самостоятельность определяется «наличием у предпринимателя обособленного собственного имущества как экономической базы его деятельности» (Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / И. В. Ершова, Р. Н. Аганина, В. К. Андреев ; ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2017).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2023 № 20 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направленного на усиление процессуальных гарантий субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности”» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности.

положения ч. 1.1 ст. 108 УПК Российской Федерации»²⁰, «фабула предъявленного обвинения не свидетельствует о совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности»²¹, «вопреки доводам жалоб, содержание постановления о привлечении Т. в качестве обвиняемого не свидетельствует о том, что описанные в нем деяния относятся к совершенным в сфере предпринимательской деятельности»²², «правовой статус обвиняемого сам по себе не свидетельствует о безусловном отнесении любых его действий к действиям, совершаемым исключительно в экономической или предпринимательской сфере»²³. Встречаются и решения, где суды указывают на то, что «доводы стороны защиты относительно того, что В. обвиняется в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности нельзя признать обоснованными, поскольку они не подтверждаются исследованными в судебном заседании документами и предъявленным обвинением»²⁴. Примечательно, что в большинстве случаев содержание ходатайств следователей и дознавателей в части определения деятельности подозреваемого или обвиняемого как не связанной с предпринимательской или иной экономической критически не оценивается.

Доводы же обвиняемого или его защитника о реальных доказательствах наличия связи вменяемого лицу преступления и осуществляемой им деятельности в подавляющем большинстве случаев не становятся предметом обстоятельного анализа судов²⁵.

Решения, где суды отмечают недостаточное исследование фактических обстоятельств для целей неприменения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и встают на сторону обвиняемых и подозреваемых, встречаются крайне редко. Так, Краснодарский краевой суд в одном из своих постановлений, оценив деятельность обвиняемого и установив, что, согласно данным ЕГРЮЛ, он является единственным учредителем юридического лица, имеет доверенность на осуществление сделок от его имени, отметил, что «действия, совершенные обвиняемым (указание мое. — В. Г.) в интересах ООО «Союз поддержки морской пехоты и подразделений специального назначения Альбатрос» указывают на предпринимательскую деятельность»²⁶.

Изложенное не может быть оценено положительно: как справедливо отмечается К. В. Камчатовым и А. Л. Аристарховым, «отсутствие четких критериев дифференциации сферы предпринимательской деятельности, в

²⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.08.2022 № 10-17104/2022. См. также: апелляционные постановления Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 15.11.2019 № 22-2062 ; Верховного Суда Республики Крым от 15.09.2020 по делу № 22к-2694/2020 ; Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 23.12.2019 по делу № 22-2301.

На это также обращается внимание в Справке по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий за 2018 год (утв. на заседании президиума Пермского краевого суда 22 марта 2019 г.).

²¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.07.2022 по делу № 10-14533/2022. См. также: апелляционные постановления Московского городского суда от 16.05.2022 по делу № 10-9512/2022 ; Московского городского суда от 20.04.2022 по делу № 10-7919/2022 ; Калининградского областного суда от 29.09.2023 по делу № 3/1-297/2023 ; Верховного Суда Республики Крым от 03.12.2020 по делу № 22к-3592/2020.

²² Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.06.2022 по делу № 10-12574/2022. См. также: апелляционные постановления Московского городского суда от 15.06.2022 по делу № 10-12584/2022 ; Калининградского областного суда от 25.08.2023 по делу № 3/1-55/2023 ; Московского городского суда от 16.02.2022 № 10-3051/2022.

²³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 30.08.2022 № 22-3680/2022.

²⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.04.2022 по делу № 10-7221/2022. См. также: апелляционные постановления Краснодарского краевого суда от 16.09.2021 по делу № 22-6532/2021 ; Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 06.09.2023 по делу № 3/2-252/2023 ; Верховного Суда Республики Крым от 07.04.2020 по делу № 3/2-154/2020, 22к-929/2020.

²⁵ См., например: апелляционные постановления Мурманского областного суда от 14.07.2021 по делу № 3/1-31/2021 ; Астраханского областного суда от 23.07.2021 по делу № 3/2-249/2021.

²⁶ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.07.2023 по делу № 3/2-272/2023. См. также: постановление Президиума Камчатского краевого суда от 22.05.2019 № 44у-17/2019.

которой совершены противоправные действия, может либо исключить возможность применения особенностей уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей, либо необоснованно допустить таковую»²⁷.

В то же время анализ представленных решений свидетельствует о том, что возможной причиной ее подобного толкования и затрудненности в адекватном применении может являться и заключенное в ней противоречие: установление связи совершенного предпринимателем преступления с деятельностью, даже подпадающей под описанную в ст. 2 ГК РФ, на стадии избрания меры пресечения, спустя непродолжительный период после возбуждения уголовного дела, в целом представляется затруднительным. В большинстве случаев на начальных стадиях предварительного расследования по уголовному делу невозможно с достоверностью установить истинные обстоятельства совершения преступления, а следовательно, однозначно определить действия лица в качестве связанных с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности. Преступления, предусмотренные частью 1.1 ст. 108 УПК РФ, сложны в доказывании, порядок сбора и оценки доказательств по соответствующим делам требует значительных ресурсов, нередко — назначения экспертиз, допросов специалистов. Установление анализируемых обстоятельств, кроме того, во многом противоречит и задачам самой стадии избрания мер пресечения, на которой лишь проверяется обоснованность подозрения в причастности лица к совершению преступления, но не ставится вопрос о существовании предъявленного обвинения и правильности квалификации его действий.

Проблемы касаются не только собственно установления связи совершенного преступного деяния и осуществляемой подозреваемым или обвиняемым деятельности — анализ ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, как и ряда иных положений уголовно-процессуального законодательства, вводящих специальные правила производ-

ства по уголовному делу с участием предпринимателей, свидетельствует о недостаточной ясности и других используемых в них терминах. Так, непонятно, как для целей применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ следует соотносить понятия предпринимательской и иной экономической деятельности. Данный вопрос актуален не только для уголовного процесса, но и, в частности, для арбитражного (ст. 27 АПК РФ), где также не имеет единого и общепринятого разрешения. Освещая указанную проблему, О. В. Гладышева отмечает, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в части представленной терминологии должно соответствовать гражданскому, в связи с чем надлежит заменить используемые в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ категории «предпринимательская» и «экономическая деятельность» на «хозяйственную»²⁸. В дополнение к указанному Е. Т. Прилепским предлагается закрепить и понятие хозяйственной деятельности в общих положениях УПК РФ об используемом в нем понятийном аппарате²⁹. Обоснованным, однако, видится полный отказ законодателя от разграничения указанных понятий для целей ст. 108 УПК РФ и — с учетом смысла реформирования ч. 1.1 — исключение из нее крайне неопределенной по содержанию «экономической деятельности».

К иным проблемам на практике приводит и непоследовательность правового регулирования: так, по смыслу гражданского законодательства и разъяснений Верховного Суда РФ к осуществляемой некоммерческими организациями приносящей доход деятельности по аналогии закона подлежат применению положения законодательства о предпринимательской деятельности (п. 4 ст. 50 ГК РФ, абз. 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25), что в целом представляется обоснованным. Использование же законодателем в ст. 108 УПК РФ указания исключительно на коммерческую организацию делает невозможным применение установленного частью 1.1 порядка в отношении лиц, подозре-

²⁷ Камчатов К. В., Аристархов А. Л. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5.

²⁸ Гладышева О. В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28. № 1. С. 103.

²⁹ Прилепский Е. Т. Мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: некоторые проблемы применения // Право и политика. 2023. № 6.

ваемых или обвиняемых в совершении соответствующих преступлений в связи с осуществлением ими управления некоммерческой организацией в ходе осуществления приносящей ей доход деятельности. Изложенное едва ли справедливо с учетом целей принятия и реформирования ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ³⁰.

Можно заключить, что все попытки обезопасить бизнес-сообщество от чрезмерно сурового уголовного преследования с учетом социально и экономически значимого характера деятельности его представителей путем соответствующих дополнений и изменений законодательства, касающегося заключения под стражу, наталкиваются на три пока не решенные проблемы: терминологического характера (отсутствие единого подхода к определению понятия «предпринимательская деятельность» для целей ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, к его соотношению с понятием «экономическая деятельность», адекватного механизма, порядка, критериев определения связи совершенного лицом преступления и осуществляемой им предпринимательской деятельности); процессуального характера (общая допустимость и возможность определения отмеченной связи на стадии избрания меры пресечения) и, как следствие, общая проблема обеспечения должной дифференциации данного вида производства как такового. Последняя имеет не меньшее значение, чем первые две обозначенные проблемы: по справедливому утверждению О. В. Химичевой и Г. П. Химичевой, не характеризуется единообразием даже подразумеваемая законодателем категория дел в связи с использованием им совершенно различных формулировок: «преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 28.1, ч. 7 ст. 241 УПК РФ), «преступления в сфере экономики» (ст. 81.1 УПК РФ), «преступления, совершенные в сфере предпринимательской деятельности» (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ) и др.³¹ В условиях общей разрозненности терминологии, правил и особенностей производства по уголовным делам с участием предпринимателей очевидна и невозможность последовательного формирования

особого дифференцированного производства, а следовательно, и решение задач по действенной защите предпринимателей в уголовном процессе.

Проводимые с 2010 г. изменения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, по существу, не решают проблемы ни терминологического, ни процессуального характера. Указанные проблемы не будут решены до тех пор, пока не будет сформировано однозначного понимания механизма установления связи совершенного преступления и осуществляемой подозреваемым и обвиняемым предпринимательской деятельности, который могли бы использовать органы предварительного расследования и суды.

Предлагаемые пути решения имеющихся проблем правоприменения

Единственным возможным вариантом решения обозначенных проблем, который позволит упорядочить основания для неизбрания предпринимателям меры пресечения в виде заключения под стражу, видится внесение изменений в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. Эти изменения прежде всего должны быть направлены на возвращение к прежней редакции данного пункта, фактически применяющейся в настоящее время, и сделанное в соответствии с ним указание на невозможность квалификации в качестве предпринимательской *лишь той деятельности*, в ходе которой осуществляется хищение государственного и муниципального имущества. Все прочие преступные деяния, совершенные предпринимателями, для целей ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ должны рассматриваться в качестве преступлений, применительно к которым и должна определяться связь с осуществляемой лицом предпринимательской деятельностью.

Для установления такой связи допустимым и соответствующим назначению стадии избрания меры пресечения видится определение Верховным Судом РФ примерного перечня источников информации об осуществляемой

³⁰ Наличие у подозреваемого или обвиняемого статуса члена органа управления некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность, приносящую доход, в судебной практике закономерно воспринимается как препятствие для применения особого режима избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (апелляционные постановления Орловского областного суда от 16.04.2021 по делу № 3/1-1-4/2021; Санкт-Петербургского городского суда от 28.02.2020 по делу № 1-385/2019).

³¹ Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 35.

предпринимателем деятельности, на которые может опираться как следователь, дознаватель при заявлении ходатайства об избрании предпринимателю меры пресечения в виде заключения под стражу, так и суд при его оценке. Так, может быть предложено исследование информации о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе, содержащейся в реестрах Федеральной налоговой службы (ЕГРИП, ЕГРЮЛ), учредительных документах юридического лица (чаще — уставе). Особое внимание при этом должно быть уделено анализу кодов ОКВЭД и сфер деятельности, определенных в учредительных документах. Во избежание сугубо формального подхода, а также на случай расхождения между фактически осуществляемой лицом деятельностью и данными ЕГРИП и ЕГРЮЛ в качестве доказательств соответствующих связей могут быть использованы и данные об уже имеющихся хозяйственных связях, находящие отражение в сложившейся системе заключенных обвиняемым и подозреваемым гражданско-правовых договоров (поставки, аренды и т.д.), данные бухгалтерского учета и налоговой отчетности. Учитывать при этом следует лишь устойчивую и в целом законную предпринимательскую деятельность. Вывод органа предварительного расследования, сформулированный в соответ-

ствующем ходатайстве, об отсутствии рассматриваемой связи должен опираться исключительно на анализ приведенных источников информации. Совершение предпринимателем преступления, не предполагающего хищения бюджетных средств, в общем контексте осуществляемой им предпринимательской деятельности, установленном на основе исследования описанных источников, и должно являться основанием для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Представленный вариант толкования ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ можно охарактеризовать как промежуточный между описанными ранее широким, буквальным и узким, сформулированным Судом подходами.

Заключение

Закрепление указанных положений в виде разъяснений высшей судебной инстанции позволит избежать проблем при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, сделает возможным достижение целей, преследуемых законодателем при формулировании ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, и в конечном итоге позволит защитить социально значимые интересы предпринимателей на этапе избрания им мер пресечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 29 с.
- Афанасьева С. И., Малыгин К. В. Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 566–578.
- Гладышева О. В. Правила уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей: проблемы и пути их решения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28. № 1. С. 101–105.
- Гончарова В. А. О различиях в подходах к определению предпринимательской деятельности в отраслях частного и публичного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / ред. Е. С. Болтанова, Н. Г. Галковская, Г. Л. Осокина, Г. Г. Пашкова, И. В. Чаднова. Ч. 94. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. С. 17–18.
- Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10.
- Камчатов К. В., Аристархов А. Л. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5.
- Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 56 с.
- Михеенкова М. А. Использование мер процессуального принуждения в отношении предпринимателей // Закон. 2021. № 5.
- Панфилов П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 26 с.

Попова Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 24 с.

Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / Отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 992 с.

Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / И. В. Ершова, Р. Н. Аганина, В. К. Андреев; ред. И. В. Ершова; Моск. гос. юрид. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2017. 850 с.

Прилепский Е. Т. Мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: некоторые проблемы применения // Право и политика. 2023. № 6.

Прокофьева С. М. Гуманизация уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 42 с.

Сычев П. Г. Дифференциация российского уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: тенденции и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 65 с.

Фетищева Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 34 с.

Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. 2017. № 1. С. 46–51.

Яни П. С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью // Законность. 2019. № 11. С. 42–46.

REFERENCES

Afanasyeva SI and Malygin KV. Detention for economic crimes: general principles and application features. *Perm Legal Almanac*. 2021;4:566-578. (In Russ.).

Avdeeva EV. Organization of protection of the rights of business entities during the investigation of crimes. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2002. (In Russ.).

Ershova IV, Aganina RN, Andreev VK. Ershova IV (ed.). Business law. Legal support of business. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Fetishcheva LM. Application of preventive measures in criminal proceedings on crimes committed in the field of entrepreneurial activity. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Nizhny Novgorod; 2016. (In Russ.).

Gladysheva OV. Rules of criminal procedure in relation to entrepreneurs: problems and ways to solve them. *Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law*. 2018;28(1):101-105. (In Russ.).

Goncharova VA. On differences in approaches to the definition of entrepreneurial activity in the fields of private and public law. In: Boltanova ES, Galkovskaya NG, Osokina GL, Pashkova GG, Chadnova IV (eds.). *Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles*. Tomsk: Tomsk State University Press; 2023. (In Russ.).

Gubin EP, Lakhno PG. Business Law of the Russian Federation. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Himicheva OV, Himicheva GP. Differentiation as the main trend of modern criminal proceedings. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;1:33-36. (In Russ.).

Kamchatov KV, Aristarkhov AL. Issues of protecting the rights of entrepreneurs and ways to solve them in criminal proceedings. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2022;5. (In Russ.).

Kapinus NI. Procedural guarantees of individual rights in the application of preventive measures in criminal proceedings. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2001. (In Russ.).

Mikheenkova MA. The use of procedural coercion measures against entrepreneurs. *Zakon*. 2021;5.

Panfilov PO. Features of criminal proceedings on crimes in the field of economic and entrepreneurial activity. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2019. (In Russ.).

Popova LV. Features of the criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases of economic crimes committed in the field of entrepreneurial activity. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Volgograd; 2019. (In Russ.).

Prilepsky ET. Preventive measure in the form of detention in relation to suspects (accused) of committing crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities: Some problems of application. *Law and Politics*. 2023;6. (In Russ.).

Prokofieva SM. Humanization of criminal proceedings. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2002. (In Russ.).

Sychev PG. Differentiation of the Russian criminal procedure in cases of crimes in the field of economic and entrepreneurial activity: trends and prospects. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).

Yani PS. Entrepreneurial crimes against property. *Zakonnost'*. 2017;1:46-51. (In Russ.).

Yani PS. The connection of crime with entrepreneurial activity. *Zakonnost'*. 2019;11:42-46.

Zaitsev OA. Procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs in criminal proceedings. *Journal of Russian Law*. 2021;10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гончарова Валерия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Томского государственного университета

д. 36, Ленина пр., г. Томск 634050, Российская Федерация

valeria.goncharova.93@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriya A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law; Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
valeria.goncharova.93@bk.ru

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 мая 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 05.04.2024.

Revised 12.05.2024.

Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.045-061

С. Л. Кисленко
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Синергетические векторы развития отдельных частных криминалистических теорий в условиях современного уголовного судопроизводства (прелиминарный аспект)

Резюме. Бурно развивающийся социум предопределяет необходимость корректировки устоявшихся подходов к пониманию и регулированию механизмов противодействия преступности. Следует констатировать, что современная уголовная политика государства находится на пороге системных изменений. Баланс публичных и частных интересов; властных полномочий и самостоятельности субъектов уголовного судопроизводства; средств борьбы с преступностью и социального контроля; гласных и тайных методов изобличения преступников; конфликта и компромисса; защиты и обвинения; сложных и упрощенных процессуальных форм судопроизводства; неотвратимости уголовного преследования и примирительных процедур; вербальных и цифровых технологий в судопроизводстве; профессиональных навыков и технических средств — вот немногие системные образования, содержание которых требует современного переосмысления с учетом сложившихся реалий функционирования социума. И здесь ключевая обеспечительная роль в формировании эффективных технологий решения задач современного уголовного судопроизводства как механизма сложных системных образований, функционирующих в условиях многофакторной правоприменительной практики, принадлежит криминалистической науке. При этом немаловажным инструментом в понимании и моделировании перспективных векторов развития системы частных криминалистических теорий выступает синергетический подход, существенно дополняющий устоявшийся в научном познании структурно-системный метод. Использование методологии синергетики позволяет не только выявить внутривидовые связи системы криминалистического знания, но и оценить, насколько такая система в целом подвержена воздействию внешних (правовых, идеологических и др.) факторов. И главное — обеспечить гармоничное (относительно меняющихся реалий правоохранительной практики) поступательное развитие отдельных частных криминалистических теорий.

Ключевые слова: криминалистическая теория; уголовное судопроизводство; личность преступника; подсудимый; поддержание государственного обвинения; преодоление противодействия уголовному преследованию; синергетика; криминалистическая теория причинности; криминалистическая тактика; криминалистическая методика

Для цитирования: Кисленко С. Л. Синергетические векторы развития отдельных частных криминалистических теорий в условиях современного уголовного судопроизводства (прелиминарный аспект). *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 45–61. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.045-061

Synergetic Vectors of Development of Individual Forensic Theories in the context of Modern Criminal Proceedings (a Preliminary Aspect)

Sergey L. Kislenko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. A rapidly developing society determines the need to adjust well-established approaches to understanding and regulating crime prevention mechanisms. It should be noted that the modern criminal policy of the state is on the verge of systemic changes. Balance of public and private interests; authority and independence of subjects of criminal proceedings; means of combating crime and social control; public and secret methods of exposing criminals; conflict and compromise; defense and prosecution; complex and simplified procedural forms of legal proceedings; inevitability of criminal prosecution and conciliation procedures; verbal and digital technologies in legal proceedings; professional skills and technical means — these are the few systemic formations, the content of which requires a modern rethinking with dew regard to prevailing realities of the functioning of society. And here the key supporting role in the formation of effective technologies for solving the problems of modern criminal proceedings, as a mechanism of complex systemic formations operating in the context of multifactorial law enforcement practice, belongs to criminalistic science. At the same time, an important tool in understanding and modeling promising vectors of the development of a system of private forensic theories is the synergetic approach, which significantly complements the well-established structural and systemic method in scientific knowledge. The use of the synergetics methodology makes it possible to identify not only the intrastructural connections of the system of forensic knowledge, but also to assess how such a system as a whole is affected by external (legal, ideological, etc.) factors. And the most important thing is to ensure the harmonious (regarding the changing realities of law enforcement practice) progressive development of individual private forensic theories.

Keywords: criminalistic theory; criminal proceedings; criminal identity; defendant; maintaining public prosecution; overcoming counteraction to criminal prosecution; synergetics; criminalistic theory of causality; criminalistic tactics; criminalistic methodology

Cite as: Kislenko SL. Synergetic Vectors of Development of Individual Forensic Theories in the context of Modern Criminal Proceedings (a Preliminary Aspect). *Lex russica*. 2024;77(9):45-61. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.045-061

1. Предпосылки использования синергетики в гармонизации системы частных криминалистических теорий

Как известно, система любой области научного знания представляет собой совокупность общих теоретических положений, а также отдельных частных теорий, которые находятся в неразрывном единстве и взаимосвязи. Такое единство достигается органической связью предметной области любой частной теории с предметом данной науки, а взаимосвязь отражает зависимость положений отдельных частных теорий друг от друга. Несмотря на то что возникновение любой частной теории является откликом науки на какой-либо срез практических задач, требующих соответствующего теоретического механизма их осмысления и моделирования в определенный исторический период, такая теория не может существовать изолированно.

Так или иначе любая частная криминалистическая теория базируется на другой частной теории или использует ее знания, и тем самым они обогащают друг друга. В этом заключается системность частных теорий, которая не только отражает их внутреннюю связь, но и обеспечивает гармоничное развитие всей системы криминалистического знания, в рамках которого одни теории выступают в качестве строительного материала для других. Такая взаимозависимость частных теорий позволяет не только представить предмет общей теории науки в виде взаимосвязанной совокупности его подсистем, но и решать задачи, требующие комплексного задействования элементов данной многоуровневой системы.

В литературе справедливо указывается на открытость системы частной криминалистической теории, число элементов которой не является конечным, поскольку поступательное развитие науки предполагает появление их новых разно-

видностей¹. Система частных криминалистических теорий является не только открытой, но и сложной организацией, развитие которой характеризуется сочетанием процессов интеграции и дифференциации научного знания. Представляется, что познание данных процессов немыслимо без глубокого анализа взаимосвязей между подсистемами общей теории криминалистики. При этом система частных криминалистических теорий постоянно адаптируется к переработке и использованию не только информации, поступающей от смежных наук и практических областей, но и внутрисистемной информации. Поскольку изменения в одной подсистеме могут влиять на характеристики, относящиеся к другим подсистемам, постольку это предопределяет необходимость постоянного мониторинга внутрисистемных связей и зависимостей частных теорий в целях создания адаптивных критериев и направлений их поступательного развития. А в целом это позволит полнее реализовать служебную функцию криминалистики — содействие борьбе с преступностью.

Немаловажным инструментом в понимании и моделировании дальнейших путей развития криминалистической теории выступает синергетический подход, существенно дополняющий широко распространенный в научном познании структурно-системный метод. Данный подход позволяет не только познать внутрискруктурные связи системы криминалистического знания, но и оценить, насколько она в целом подвержена воздействию внешних (правовых, идеологических и др.) факторов. Следует констатировать, что эволюция уголовной политики государства, поступательное замещение устаревших (усложненных и затратных) форм и методов борьбы с преступностью более эффективными (в том числе и упрощенными) их аналогами, объективно требует пересмотра сопутствующих обеспечительных процедур их практической реализации. Функционирование таких сложных систем, как «обвинение и защита», «конфликт и компромисс», «досудебное и судебное производство», «следственные и судебные ситуации» и др.,

предполагает, что в современных криминалистических исследованиях все большую актуальность приобретают методы познания и выявления свойств и состояний объектов, которые являются результатом поведения многоэлементной или многофакторной среды. В этом плане следует согласиться с Д. В. Кимом, что в настоящее время системный подход в отдельных современных криминалистических исследованиях замещается синергетическим, формирующим новое мышление у ученых, характеризующее переход от качественного уровня познания систем к изучению их количественных отношений и параметров². Представляется, что подобные процессы не могут не учитываться криминалистикой в рамках ее научных разработок.

Здесь необходимо отметить, что синергетика изначально имела естественно-научную природу, однако она активно проникает и в гуманитарные науки. В частности, обнаруживается плодотворность ее применения в понимании феномена человека и его поведения, закономерностей человеческого сознания и психики и др. В то же время следует согласиться, что в гуманитарных науках синергетику в «чистом виде» использовать затруднительно ввиду неопределенности целого ряда переменных. Вместе с тем существуют отдельные синергетические принципы, которые на уровне методологии возможно применять в гуманитарной области знания³. Поэтому в работе мы будем обращаться к положениям синергетики в самом общем виде и в аспекте их познавательных возможностей в криминалистике, что поможет по-новому взглянуть на проблемы данной науки.

2. Возможности использования синергетического подхода в криминалистической теории

На наш взгляд, синергетический подход в криминалистических исследованиях позволяет:

— смоделировать единое видение проблем борьбы с преступностью через призму системы частных криминалистических теорий;

¹ См.: Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 85–90.

² Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. проф. В. К. Гавло. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 34.

³ См.: Мальцева Н. Н. Становление и методологические проблемы синергетического подхода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 2. С. 173–182.

— использовать для решения данных проблем сильные стороны как каждого частного теоретического направления, так и их системных образований. Поскольку криминалистика имеет дело со сложными объектами, которые в рамках отдельных частных направлений изучаются лишь фрагментарно, природа их системности может вообще не обнаружиться при узкоспециализированном подходе, а выявиться, как указывается в литературе, только при синтезе исследовательских задач в проблемно-ориентированном системном поиске⁴. В этом выражается методологическая суть синергии, когда максимальный эффект компонентов системы достигается при комплексном их применении в выбранном направлении для достижения общей цели;

— достигнуть упорядоченности накапливаемого научного знания, позволяющей получить целостное восприятие отдельных картин объективной реальности, формирующихся в различных исследовательских полях, и представить их в качестве взаимозависимых;

— определить принципы самоорганизации криминалистического знания за счет выявления связей между отдельными теоретическими элементами. Поскольку система частных криминалистических теорий достаточно динамична и теории по сформированности могут быть разной степени разработанности, а по охвату изучаемых явлений и значимости для всей системы — более или менее общими, постольку мониторинг взаимозависимостей состояний отдельных частных направлений в целостной системе криминалистического знания способствует сохранению устойчивости и рефлексивности всей системы. Примером тому служит теория криминалистической идентификации, развитие которой привело не только к образованию многообразных связей с остальными частными теориями, но и к формированию в ее содержании отдельных направлений более частного характера при со-

хранении концептуальности исходных общетеоретических положений. Кроме того, познание сложных системных образований (например, «обвинение и защита») зачастую приводит к формированию конкурирующих частных теорий (например, «криминалистика обвинения» и «криминалистика защиты»). В этом плане криминалистическая теория, как самоорганизующаяся система, призвана синтезировать итоги развития противоположных направлений в единую согласованную систему знания. В данном процессе синергетический подход позволяет определить направления эволюции системы научного знания в проблемных ситуациях, требующих либо модификации существующих теорий в рамках доминирующей парадигмы, либо создания новых частных теорий для объяснения вновь открытых фактов⁵;

— определить пути и эффективные механизмы как внутрисистемного синтеза криминалистического знания, так и его конвергенции с иными научными отраслями. Особенно актуально это в условиях бурной интеграции современных цифровых технологий и математического аппарата в криминалистическую отрасль. Синтез вновь поступающих знаний с уже устоявшимися положениями в криминалистической теории позволяет нивелировать их несогласованность и образовать новый теоретический симбиоз. В том числе и посредством создания метаязыковых механизмов, облегчающих междисциплинарный диалог разных наук⁶;

— обеспечить единообразие методологических основ научного познания и путей их органического синтеза. В частности, это касается категориального аппарата криминалистической науки, в рамках которой частнонаучные категории одной теории должны иметь связь и выражаться через категории другой теории без существенных противоречий⁷.

В целом анализируемый подход ориентирован на оптимизацию процесса поиска «модели

⁴ См.: Стёпин В. С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. М. : Политиздат, 1991. С. 161.

⁵ См.: Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие для вузов. М. : Юнити-Дана, 2005. С. 26.

⁶ См.: Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке // Грани познания: наука, философия, культура в XXI веке: М. : URSS, 2007.

⁷ Например, природа, формы и акты противодействия уголовному преследованию рассматриваются отчасти через призму свойств и состояний лица, совершившего преступление, в рамках учения о личности преступника; выступают основанием для типизации проблемных следственных и судебных ситуаций в криминалистической ситуологии, а также для разработки приемов преодоления такого противодействия в рамках соответствующей частной теории.

научной рациональности»⁸ в системе криминалистического знания. Такая модель призвана обеспечивать равновесие теоретической системы данной науки через постоянные изменения ее содержательных элементов в условиях бурно развивающейся практики борьбы с преступностью и интеграции положений иных научных отраслей. Это позволяет оперативно реагировать на такие изменения и создавать теоретические модели, востребованные правоохранительной практикой и отвечающие современному развитию иных направлений науки и техники. Этим обеспечиваются гибкость и вместе с тем устойчивость криминалистической теории как развитой и релевантной объективной действительности системы знания.

3. Отдельные направления реализации синергетического подхода в криминалистической теории

Несмотря на широкую область реализации синергетического подхода, в работе мы остановимся на его применении при анализе содержания и связей криминалистического учения о личности лица, совершившего преступление, с другими частными криминалистическими теориями.

Такой узконаправленный подход продиктован рядом положений. *Во-первых*, любая частная криминалистическая теория характеризуется одновременным функционированием внутринаучных (дисциплинарных) и внешних (междисциплинарных) связей, что затрудняет проведение глубокого анализа их многообразия в рамках одной работы. *Во-вторых*, именно категория «личность преступника» является краеугольным камнем в криминалистическом познании, традиционно выступающем в уголовно-правовых науках индикатором ключевых преобразований в социуме: информационных,

технологических, правовых, политических и др. *В-третьих*, развитие анализируемой теории наиболее ярко (и закономерно) отражается на модификации содержания других частных криминалистических теорий и разделов данной науки. Так, синтез цифровых технологий и криминалистического изучения личности актуализировал в последнее время научные изыскания в области криминалистической техники, в частности криминалистической габитоскопии, в рамках которой внешний облик человека предлагается рассматривать как сложную систему элементов, которые не только воспринимаются зрительно другими людьми, но и запечатлеваются техническими устройствами⁹. Одновременно это предопределило необходимость совершенствования методов использования в правоохранительной практике технологий поиска и распознавания лиц, совершивших преступление, ряда положений учения о следах (трасологии) с учетом их цифровой природы и пр. В рамках криминалистической тактики конгломерат современных технологий искусственного интеллекта и учения о лице, совершившем преступление, дал развитие направлениям, связанным с возможностями диагностирования фактов лжесвидетельства на основе анализа видеозаписей показаний¹⁰, использованию цифровых моделей преступления в целях визуализации процесса доказывания его механизма в суде и др. А современное развитие криминалистической методики видится в алгоритмизации деятельности правоохранительных органов в направлениях моделирования цифрового профиля преступника, его цифрового поведения¹¹, формирования поисковых систем и совершенствования версионной деятельности с использованием искусственного интеллекта¹² и пр.

С другой стороны, поступательное развитие криминалистической техники, тактики и методики как ответ правоохранительной практики

⁸ См.: Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 19.

⁹ См.: Протасевич А. А., Фойгель Е. И. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 471–480.

¹⁰ Например, система искусственного интеллекта DARE, которая может распознать ложь подсудимого по его лицу и голосу (см.: Ученые научили компьютер распознавать обман в суде // Известия. 21.12.2017).

¹¹ См.: Валькирия Н. И., Леонтьев А. Д. Нейрокомпьютинг: возможности и перспективы применения в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2023. № 4. С. 6–8.

¹² См.: Андреев А. С. Криминалистика в условиях развития цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2020. № 2. С. 456–461.

на стремительный технологический прогресс постоянно способствует расширению и совершенствованию содержания учения о лице, совершившем преступление. Объясняется это принципом соотносимости любой частной теории не только с общим предметом науки, но и с ее разделами, в рамках которых и происходит пересечение таких теорий и проявляется их прикладное значение (как единичное, так и суммарное). Но если применительно к криминалистической технике изучение личности преступника нашло преломление исторически и было отражено в многочисленных ее направлениях, связанных с рассмотрением возможностей отождествления личности по отдельным признакам¹³, то в криминалистическую тактику и методику положения данного учения стали проникать позже¹⁴, и процесс такой интеграции активно протекает и по сей день.

Следует отметить, что интенсивность указанного интеграционного процесса, как и сами взгляды на содержание анализируемого учения, напрямую связаны не только с технологическим прогрессом, но и с генезисом парадигмы предмета криминалистической науки. Достаточно продолжительное время большинство ученых во взглядах на предмет науки исходили из «традиционных» (досудебных) потребностей борьбы с преступностью. Криминалистические рекомендации были адресованы в первую очередь следователю (дознавателю) как организационному и руководящему субъекту тактики процессуальных действий и применения методических рекомендаций. Как следствие, в юридической литературе превалировали научные направления по криминалистическому изучению личности неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого¹⁵, в то время как изучение личности подсудимого через призму криминалистической науки и ее частной тео-

рии — учения о лице, совершившем преступление, — не находило должного отражения.

В результате применительно к судебному этапу изобличения лица, совершившего преступление, у субъектов, поддерживающих государственное обвинение, существовал явный дефицит криминалистических рекомендаций. Ученые, акцентирующие внимание на «досудебных» криминалистических разработках, не исходили из необходимости моделирования и оценки стратегической линии поведения лица, совершившего преступление, и формирования целостной системы криминалистических рекомендаций по обеспечению процесса его изобличения. Как следствие, судебная тактика и методика реализации позиции обвинения были ограничены в использовании научно обоснованных рекомендаций, направленных на прогнозирование поведения обвиняемого и последующее предупреждение изменения им своей позиции в суде.

Кроме того, в «классической» (ориентированной на решение задач предварительного расследования преступлений) криминалистике продолжительное время не уделялось должного внимания особенностям перехода и последующей интерпретации информации о лице, совершившем преступление, из одной поисково-познавательной и доказательственной системы в другую (из системы «предварительного исследования» в систему «судебного исследования» доказательств). Не подвергались тщательному анализу закономерности оперирования данной информацией в системе ее судебного исследования, особенно с учетом усложненных форм (например, суд присяжных заседателей). В результате превосходство стороны обвинения (информационное, тактическое, организационное и др.) в судебных ситуациях нивелировалось приемами противо-

¹³ См.: Гусев А. А. Установление личности по признакам внешности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955 ; Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности : учеб. пособие. М. : Изд-во ВЮЗИ, 1956 ; Снетков В. А., Зинин А. М. Методика отождествления по признакам внешности лиц, сфотографированных со значительным разрывом во времени. М., 1971.

¹⁴ См.: Глазырин Ф. В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973 ; Жбанков В. А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995 ; Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

¹⁵ См.: Макаренко И. А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М. : Юрлитинформ, 2006 ; Малихина Н. И. Лицо, совершившее преступление, как объект изучения в криминалистике. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012 ; Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М. : Проспект, 2023.

действия со стороны защиты, основанными на комплексном подходе к моделированию поведения и формированию позиции лица, совершившего преступление.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость критического анализа отдельных «устоявшихся» положений криминалистической науки в свете современных потребностей правоприменительной практики и дальнейшего развития ее частных теоретических направлений. В работе мы остановимся на исследовании связей учения о лице, совершившем преступление, с другими частными криминалистическими теориями в целях выявления внутрисистемных проблем, а также перспектив их комплексного решения и отражения его результатов в разделах криминалистики.

3.1. Система «учение о личности лица, совершившего преступление» — теория преодоления противодействия расследованию

Следует констатировать, что под влиянием анализируемой парадигмы в криминалистической тактике и методике синтез отдельных частных теорий приводил к формированию рекомендаций исключительно для предварительного расследования. Это можно проиллюстрировать на примере такой системы частных теорий, как «учение о личности лица, совершившего преступление» — **теория преодоления противодействия расследованию**.

Несмотря на прогрессивные идеи и попытки отдельных ученых расширить прикладные рамки данных направлений не только досудебным, но и судебным производством по делу¹⁶, воплощение их происходит не системно. В частности, изучение посткриминальной деятельности лица, совершившего преступление, ограничивается потребностями досудебного производства по делу. Это негативным образом сказывается на перспективных разработках в области тактического и методического обеспечения деятельности прокурора, реализующего обвинительную позицию в суде. Очевидно, что эффективность деятельности данного субъекта уголовного преследования сопряжена с необходимостью своевременного диагностирования и преодоления возможных актов противодействия поддержанию государственного обвинения.

Мы полностью разделяем идею о необходимости включения в содержание криминалистических методик (в том числе и методики поддержания государственного обвинения) типовых моделей противодействия субъектам, осуществляющим уголовное преследование¹⁷. Однако целенаправленная разработка средств и методов по их нейтрализации логично предполагает выявление и обобщение соответствующих закономерностей поведения лиц, такое противодействие оказывающих в процессе как предварительного расследования, так и поддержания государственного обвинения в суде. Тем более что такие закономерности напрямую детерминированы личностными особенностями преступников. А это предопределяет необходимость типизации, в частности, подсудимых, их поведенческих актов, исходя из особенностей вида преступного деяния, а также генезиса следственных и судебных ситуаций, влияющих на изменение отдельных свойств и состояний и механизмов поведения такого лица на протяжении всего процесса его изобличения.

На наш взгляд, в рамках рассматриваемой системы криминалистических теорий настоящего решения ожидают следующие проблемные аспекты:

- развитие в рамках криминалистической теории о лице, совершившем преступление, более частного направления — учения о личности подсудимого;

- проведение классификационных исследований в отношении личности подсудимого в целях выявления связей свойств и состояний данного лица с механизмами его поведения в рамках судебного разбирательства;

- исследование генезиса свойств и состояний личности преступника через призму прохождения им процедур досудебного и судебного производства по делу;

- формирование общей теории преодоления противодействия уголовному преследованию с отдельными внутрисистемными направлениями — частными теориями преодоления противодействия в процессе расследования преступлений и поддержания государственного обвинения в суде;

- исследование механизмов противодействия, оказываемого в рамках судебного разбира-

¹⁶ См.: Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

¹⁷ См.: Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 10–11.

тельства по отдельным категориям уголовных дел;

— типизация актов противодействия с учетом судебных ситуаций.

3.2. Система «учение о личности лица, совершившего преступление» — учение о криминалистических ситуациях

Следует отметить, что в данном направлении продолжительное время наблюдалось опережающее развитие отдельных частных научных разработок, что также негативно сказывалось на формировании практико-ориентированных рекомендаций для нужд криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения в суде. В частности, учение о криминалистических ситуациях в развитии явно опережает учение о личности преступника. Речь идет о соотношении таких их частных направлений, как учения о судебных ситуациях и о личности подсудимого. Так, рассмотрение в рамках соответствующего частного учения категории судебной ситуации в качестве подсистемы родового понятия «криминалистическая ситуация» в целом не вызывает острых дискуссий¹⁸. Но что касается изучения личности подсудимого через призму криминалистической науки и ее частной теории — учения о лице, совершившем преступление, то данное направление, как уже отмечалось, находится на начальном этапе формирования. Рассматриваются отдельные тактические особенности изучения личности подсудимого¹⁹, типизации подсудимых в целях разработки рекомендаций по поддержанию государственного обвинения в суде²⁰, проведения судебных действий с данным участником процесса²¹ и др.

Логично предположить, что пробелы в исследовании личности подсудимого не могут положительно сказаться, в частности, на полноте классификации судебных ситуаций и расширении арсенала криминалистической тактики и

методики за счет разработки соответствующих рекомендаций по диагностике и управляющему воздействию на такие ситуации со стороны субъекта, отстаивающего обвинительную позицию в суде. При этом также очевидно, что к одним из распространенных причин появления «проблемных» ситуаций в практике поддержания государственного обвинения, относятся акты противодействия уголовному преследованию в суде. Это свидетельствует о необходимости учета в рамках такого частного направления криминалистической ситуалогии, как учение о судебных ситуациях, разработок в области криминалистического изучения личности подсудимого и частной теории преодоления противодействия поддержанию государственного обвинения в суде.

Кроме того, отметим, что имеющиеся исследования в области криминалистической ситуалогии ограничиваются изучением и типизацией проблемных ситуаций только в рамках досудебного или судебного производства. Это приводит к тому, что разработка приемов их нейтрализации не позволяет решить проблему таких ситуаций на системном уровне. Так, применительно к поддержанию государственного обвинения, к одной из распространенных детерминант проблемных ситуаций относят так называемые продолжаемые ошибки²², т.е. те ошибки, при которых предшествующий период, а также процесс возникновения и формирования негативных результатов были заложены в процессе уголовного преследования обвиняемого (подозреваемого). Данное обстоятельство свидетельствует о преимуществе комплексного подхода к пониманию генезиса криминалистических ситуаций в процессе изобличения лица, совершившего преступление. Последнее позволит с практической точки зрения отслеживать изменения во всей цепочке причинно-следственных связей их появления и функционирования и задействовать ресурсы всех уровней и

¹⁸ См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. М. ; Калининград, 1997. С. 54.

¹⁹ См.: Осипова Е. В., Прейбис И. И. Судебная тактика при изучении личности подсудимого // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2. С. 88–95.

²⁰ См.: Кисленко С. Л. Типизация личности и поведения подсудимого и ее роль в поддержании государственного обвинения в суде // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 110–117.

²¹ См.: Алтаев Е. А. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем в судебном заседании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

²² Посохина И. В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взятничестве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 141.

подсистем уголовного преследования в целях управляющего воздействия на такие ситуации. По нашему глубокому убеждению, такое возможно лишь при модификации устоявшегося понимания криминалистического механизма процесса уголовного преследования, когда ситуации досудебного обвинения не всегда учитываются при моделировании конечной цели изобличения преступника.

На наш взгляд, в содержании анализируемой системы необходимо обратиться к более глубокому исследованию следующих аспектов:

- уточнение категорий «судебная ситуация», «ситуация поддержания государственного обвинения в суде»;
- типизация судебных ситуаций и ситуаций поддержания государственного обвинения;
- анализ генезиса криминалистических ситуаций на протяжении всего процесса реализации обвинительной позиции, в рамках досудебного и судебного производства;
- выявление причин проблемных ситуаций в поддержании государственного обвинения в суде;
- определение связей проблемных ситуаций с актами противодействия как досудебному, так и судебному уголовному преследованию;
- типизация проблемных ситуаций в деятельности прокурора в целях разработки адекватных механизмов их диагностирования и преодоления.

3.3. Система «учение о личности лица, совершившего преступление» — криминалистическая теория причинности

Криминалистическая теория причинности относится к числу формирующихся частных теорий, положения которых позволяют связать процессы познания причин какого-либо явления в рамках конкретной ситуации правоприменения с процессом принятия субъектом адекватных решений по применению конкретных приемов и методов, направленных на ее разрешение и достижение поставленных задач. В литературе указывается на тесную связь данной криминалистической теории с вопросами оценки проблемных ситуаций правопримене-

ния, а также с процессом прогнозирования и планирования деятельности субъектов уголовного преследования²³.

Представляется, что причинный анализ как способ установления причинно-следственных связей и отношений присущ системе как досудебного, так и судебного доказывания. Однако можно констатировать, что возможности данной молодой теории ограничиваются только нуждами процесса выявления и расследования преступления. Объясняется это отчасти тем, что в криминалистике превалирует детерминистский подход, основанный на познании, оценке и применении в практике правоохранительных органов однозначных связей деятельности преступника и деятельности по его изобличению. Действительно, для прикладного знания перво-степенное (но не единственное) значение приобретает выявление динамических систем с четко выраженными однозначными связями. Это необходимо для целенаправленной разработки адекватных средств управления явлениями и процессами и, как следствие, для максимальной формализации деятельности правоохранительных органов в целях решения конкретных криминалистических задач, а именно изложения такой деятельности в виде точной последовательности действий (алгоритма). Естественно, в целях алгоритмизации поисково-познавательного процесса приоритет отдается однозначным свойствам и связям элементов изучаемой системы, поскольку применительно к таковым легче формально описать систему «причина — следствие» и применить к ней соответствующий набор жестко детерминированных действий.

Впрочем, объекты окружающей реальности не всегда образуют системы с четко выраженными однозначными связями и зависимостями. В объективной действительности существуют нелинейные связи и системы, специфика которых заключается в том, что целостность, наличие внутренней устойчивости им придают какие-либо внешние условия. Механизмы поведения нелинейных систем сложны и характеризуются таким состоянием, как многообразие путей развертывания процессов²⁴. Подобные процессы приводят зачастую к появлению про-

²³ См.: Комаров И. М., Ян Е. И. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 21–27.

²⁴ Такие состояния определяют как точки бифуркации — качественной перестройки системы при изменении параметров, от которых она зависит.

блемных ситуаций. Возникающие в судебном разбирательстве различные ситуации, связанные с изменением или отказом от показаний какого-либо из участников процесса; выдвижением подсудимым алиби, которое не проверялось в ходе предварительного следствия; предъявлением новых, не исследованных ранее доказательств, и т.п. существенно меняют информационную стабильность доказательственной системы позиции обвинения.

На наш взгляд, абсолютизация детерминистических взглядов приводит к существенному сужению возможностей криминалистической теории причинности и фрагментарному использованию ее положений в других частных направлениях: учении о личности лица, совершившего преступление, криминалистической ситуологии, теории преодоления противодействия уголовному преследованию. Проявляется это в том, что указанное научное направление ориентируется преимущественно на познание связей и зависимостей в рамках механизма слеодообразования, представляющего собой непрерывную в пространстве и времени череду действий²⁵. В результате за пределами познания остаются причинно-следственные связи, отражающие разные аспекты не только криминального, но и посткриминального поведения лица, совершившего преступление (в рамках как досудебного, так и судебного его изобличения).

Очевидно, что с индивидуальными (биологическими, психологическими, социальными) особенностями преступника тесно связан не только механизм совершаемого им уголовно наказуемого деяния. Личностные особенности как обвиняемых, так и подсудимых выступают причинами вариативности их поведения. Следует также констатировать наличие причинных связей между оперированием лицом, совершившим преступление, своими свойствами и степенью информированности о них правоохранительных органов. Как свидетельствует практика, после преступления лицо, его совершившее, прибегает, как правило, к сокрытию своих свойств, отраженных как на материальных, так и на идеальных носителях информации в целях противодействия расследованию (например, замалчивает или предоставляет заведомо ложные сведения о себе). Причинами этого могут выступать характеристики механизма

преступления (например, его неочевидность); состояние процесса расследования (например, информативная недостаточность); относительная психологическая готовность к противодействию и активность в его оказании и др. По мере накопления субъектами, осуществляющими уголовное преследование, доказательств подобная активность снижается. К моменту судебного разбирательства, когда сведения об обвиняемом установлены в достаточном объеме, ему остается в большинстве случаев использовать приемы интерпретации своих свойств в целях смягчения уголовной ответственности. Такая интерпретация возможна как через субъективные состояния субъекта (например, особая жестокость по отношению к потерпевшему была вызвана состоянием аффекта), так и через объективные факторы (например, виктимное поведение жертвы явилось причиной противоправного поведения). Зачастую обвиняемые используют связь своих свойств и состояний с процессом уголовного преследования в целях интерпретации его результатов (например, создание противоправного образа действий правоохранительных органов).

Следует отметить, что для нелинейных систем с их неустойчивой и многовариантной составляющей остро стоит проблема принятия субъектом правоприменения решений (тактических, организационных и пр.), определения оптимального выхода из сложившихся ситуаций. Зачастую это требует применения эвристических методов. Последнее делает возможным создание формальных схем принятия решения несколькими возможными способами в сложных, неопределенных ситуациях, оцениваемых по многим параметрам. Так, по одному уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего проецирование социально-демографических свойств личности подсудимого на состав коллегии присяжных заседателей позволило прокурору укрепить обвинительную позицию по делу и добиться вынесения обвинительного вердикта. В этих целях при отборе кандидатов в присяжные заседатели государственный обвинитель прибегнул к следующему алгоритму: «кандидаты, которые раньше участвовали в судебном разбирательстве, — кандидаты, имеющие детей, — кандидаты-женщины — лица,

²⁵ См.: Грибунов О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 207–211.

занимающиеся или в прошлом занимавшиеся педагогической деятельностью»²⁶. Как можно заметить на данном примере, на принципах оценки вероятностных связей строятся решения целого ряда тактико-организационных вопросов в процессе реализации обвинительной позиции. Так, обобщенный опыт, содержащий данные о наиболее часто встречаемых формах поведения подсудимого в типичных ситуациях судебного следствия, сопоставляется прокурором с конкретным поведенческим актом, что на практике позволяет определить наиболее вероятный сценарий его развития.

В связи с этим ключевое место в прогнозировании поведения обвиняемого в суде традиционно отводится процессу изучения прокурором материалов предварительного расследования. Например, неполнота сбора и недостаточная проверка данных, характеризующих личность совершившего преступление, а также формальная проверка его доводов на стадии досудебного производства выступают причинами появления «проблемных» ситуаций при поддержании государственного обвинения в суде и смены модели поведения подсудимого как составляющей противодействия его изобличению.

Таким образом, в рамках анализируемой системы частных криминалистических теорий назрели следующие проблемы, решение которых приведет к гармонизации путей их развития:

- выявление как детерминированных, так и нелинейных связей в рамках механизма преступления, криминального и посткриминального поведения лица, его совершившего;
- типизация ошибок досудебного производства и причин появления проблемных ситуаций в поддержании государственного обвинения в суде;
- оценка генезиса свойств и состояний лица, совершившего преступление, под воздействием его досудебного и судебного уголовного преследования;
- причинно-следственный анализ поведения лица (в том числе и направленного на противодействие), совершившего преступление, с учетом прохождения последовательно сме-

няющихся этапов и ситуаций уголовного преследования;

- типизация причин изменения обвиняемым позиции в суде;

- использование математического аппарата в понимании причинности и создание алгоритмов принятия оптимальных решений в многофакторных системах.

Изложенное еще раз свидетельствует о необходимости органического развития системы частных криминалистических теорий, приводящего к получению не разрозненных практических рекомендаций в рамках отдельных направлений, а их синтезированного продукта.

4. Векторы корректировки криминалистической парадигмы

В свете изложенного мы разделяем позицию группы ученых, расширительно трактующих предмет криминалистики и включающих в область познания данной науки деятельность органов, осуществляющих изобличение преступников как в процессе предварительного расследования преступлений, так и в рамках судебного разбирательства. В данном контексте ученые используют более емкие системные образования при формировании предметной области криминалистики: «целостное движение информационных процессов в ситуациях совершения, раскрытия, предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения — решение задач уголовного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами»²⁷; «уголовно-релевантные закономерности преступной деятельности, закономерности возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки — средства и методы информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката»²⁸; «закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств — средства и методы

²⁶ См.: Волошин В. М. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Следственная практика : научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. № 184. М., 2011. С. 150.

²⁷ Ким Д. В. Указ. соч. С. 24.

²⁸ Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика : науч.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2003. С. 9.

судебного исследования доказательств²⁹ и др. Исходя из представленных взглядов ученых на предмет науки, позиционируется идея о связи тактических и методических составляющих деятельности субъектов уголовного преследования на всех этапах и стадиях, базирующаяся на однотипности деятельности по переработке и использованию информации о механизме слепообразования, возникшего в результате совершения преступления³⁰.

Рассматриваемый подход позволяет подойти к исследованию процесса изобличения лица, совершившего преступление, как к системному образованию, внутренние связи которого возможно выявить через призму взаимодействия разных явлений и процессов, сопровождающих генезис такого поведения в ходе реализации досудебного и судебного этапов уголовного преследования. В частности, модели поведения обвиняемого в суде не всегда прямо детерминированы механизмом совершенного преступного деяния и порождаемыми им последствиями. В ходе вовлечения и прохождения лицом, совершившим преступление, процедуры по изобличению на предварительном следствии под воздействием происходящего его отдельные свойства и состояния могут модифицироваться. Что, в свою очередь, не может не учитываться при оценке его последующего поведения и принятии решений субъектами уголовного преследования на дальнейших стадиях судопроизводства. Это обуславливает необходимость изучения данного объекта в совокупности системообразующих факторов более высокого порядка. Такой системой могут выступать поведение преступника и процессы отражения его в объективной действительности, детерминированные генезисом свойств и состояний такого лица на протяжении предкриминальной, криминальной и посткриминальной деятельности. При этом отдельные составляющие данных систем можно рассматривать как с точки зрения самостоятельных образований, так и с позиций связей с элементами систем поисково-познавательной и доказательственной деятельности правоохранительных органов (на досудебном и судебном этапах).

С учетом изложенного нам импонирует позиция тех авторов, кто считает, что для устранения имеющихся пробелов в правоприменительной практике современного уголовного судопроизводства целесообразно вести разработку концептуальных основ криминалистического изучения личности подсудимого в рамках общей теории криминалистики, чтобы сформировать положения соответствующей структурной составляющей криминалистического учения об участниках криминального события³¹. Предлагаемый подход опирается на сложившееся в криминалистике деление теорий по степени общности отражаемых в них закономерностей объективной действительности на общие и частные. Он позволяет отнести учение о личности лица, совершившего преступление, к частной теории (по отношению к общей теории криминалистики), которая обладает большей степенью общности по отношению к другим теориям, являющимся ее подсистемами (в том числе к учению о личности подсудимого). В основу предметного знания о личности подсудимого будет положен общий для науки идеализированный объект (конструкт) — личность лица, совершившего преступление, — конкретизируемый в частных идеальных объектах («личность неизвестного преступника — подозреваемого — обвиняемого — подсудимого»).

Такой подход позволит скорректировать поступательное развитие других частных теорий, находящихся в тесной связи с учением о личности лица, совершившего преступление.

5. Практический аспект использования синергетического подхода

Предлагаемый подход направлен на синхронизацию развития анализируемых частных теорий с практическими потребностями органов уголовного преследования, начиная с момента обнаружения признаков преступления и заканчивая вынесением приговора. В частности, мы разделяем позицию ряда авторов о необходимости комплексного подхода к формированию

²⁹ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. С. 7.

³⁰ См.: Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него : науч.-практ. пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М. : Эксмо, 2009. С. 49.

³¹ См.: Валькирия Н. И. Актуальные задачи криминалистического изучения человека на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4. С. 106.

криминалистических методик³². Речь идет о модульных методиках как продукте синтеза достижений разных частных криминалистических теорий для нужд единой системы досудебного и судебного уголовного преследования. Преимущество модульной системы построения криминалистического обеспечения всего механизма уголовного преследования выражается в том, что позволяет:

— *во-первых*, отразить криминалистическое обеспечение деятельности по расследованию и поддержанию государственного обвинения в виде целостного знания о данном системном объекте, определить и проанализировать составляющие его связи, а также принципы взаимодействия его элементов и, как результат, реализовать комплексный подход к формированию методики такой деятельности на уровне криминалистической теории. Так, система «преступление — поведение подозреваемого/обвиняемого — процесс его досудебного изобличения» в системе иного уровня («подсудимый — поддержание государственного обвинения») уже сама фигурирует в качестве самостоятельного объекта познания. В данном случае криминалистическому анализу со стороны прокурора будут подвергаться как сами итоги расследования в виде информационной модели события преступления, так и средства, приемы и методы такой деятельности, направленные на формирование такой модели;

— *во-вторых*, рассматривать каждый модуль как целостное, самостоятельное образование с присущими ему внутренними и внешними связями, анализ и оперирование с которыми обеспечит возможность а) формализации деятельности субъектов уголовного преследования на уровне криминалистических рекомендаций и алгоритмов их деятельности; б) выявления слабых сторон каждого вида деятельности (в том числе и ее криминалистической составляющей) через призму функционирования межсистемных связей; в) определения практической направленности применения частных криминалистических теорий с учетом потребностей как отдельных модулей, так и их системы.

Развитие учения о личности подсудимого позволит расширить арсенал криминалисти-

ческой тактики за счет типизации позиций по уголовному делу, занимаемых данным лицом, с учетом причинной связи с его характеристиками, категорией дела и результатами проведенного расследования. Определяя оптимальную тактическую линию доказывания обвинения в суде, государственный обвинитель в первую очередь исходит из результатов сопоставления данных о личности конкретного подсудимого с типовыми характеристиками личности преступника, совершающего преступления определенного вида, его позицией и ситуациями изобличения в рамках досудебного производства. При наличии существенных расхождений в рамках судебных ситуаций государственный обвинитель выдвигает версии, объясняющие их причину, и анализирует все аспекты предъявленного обвинения в целях проверки обоснованности каждой из заявленных позиций. Как правило, ситуации, связанные с отказом признававшегося ранее лица от обвинения, возникают по делам, в которых доказательственная база имеет существенные изъяны. Поэтому разработка алгоритмов, позволяющих выявлять связь ошибок расследования с изменением модели поведения обвиняемого в суде и выбором данным лицом приемов оказания противодействия, имеет практическое значение.

6. Заключительные положения

Представляется, что поступательное развитие учения о личности подсудимого вызовет необходимость в уточнении устоявшихся частных теорий, отражающих прикладные аспекты деятельности правоохранительных органов. В частности, теория преодоления противодействия предварительному расследованию имеет все предпосылки перерасти в теорию преодоления противодействия уголовному преследованию, что отвечает современным тенденциям развития таких разделов криминалистики, как тактика и методика, рекомендации которых давно уже вышли за пределы «досудебной» криминалистики. Такая теория под общими положениями объединит в своем содержании частные направления, отражающие специфику и технологии

³² См.: Гармаев Ю. П., Шашин Д. Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. М. : Юрлитинформ, 2009 ; Авакьян М. В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018.

преодоления противодействия на последовательно сменяющихся этапах изобличения преступника. Это позволит не только типизировать акты и приемы противодействия, но и выявить связи, присущие генезису такой деятельности, и дать адекватные рекомендации по их прогнозированию в рамках каждого последующего этапа их преодоления.

Выявление и анализ взаимосвязей свойств и состояний личности подсудимого, а также его поведения с причинами возникновения «проблемных» ситуаций на этапе судебного разбирательства позволят уточнить классификацию судебных ситуаций и разработать методы их диагностики и адекватные рекомендации по урегулированию. Неслучайно в юридической литературе к факторам, детерминирующим возникновение проблемных ситуаций в деятельности по поддержанию государственного обвинения, относят следующие: наличие неустраняемых недостатков в системе обвинительных доказательств; изменение показаний участников процесса в ходе судебного разбирательства; выдвижение оправдательных версий подсудимыми; появление в суде данных, ставящих под сомнение допустимость и достоверность обвинительных доказательств; противодействие со стороны защиты; наличие конфликтных ситуаций и др.³³

На уровне синтеза учений о лице, совершившем преступление, криминалистических ситуациях, криминалистической теории причинности возможен методологический переход от общности закономерностей, присущих данной сложной системе, к ее принципам: повторяемость поведенческих актов субъекта

в сходных ситуациях уголовного судопроизводства, исходя из вида и особенностей преступного деяния, их причинной обусловленности свойствами и состояниями такого лица, а также результатами изобличения преступника на каждом предыдущем этапе производства по делу, и др.

Кроме того, очевидно влияние результатов гармоничного синтеза рассматриваемых частных теорий на совершенствование положений таких разделов криминалистики, как криминалистическая тактика и методика. Последние в рамках таких ответвлений, как судебная тактика и методика поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел, не могут не учитывать достижения анализируемых направлений в целях совершенствования своих рекомендаций. В частности, интеграция положений учений о подсудимом, преодолении противодействия, судебных ситуациях в криминалистическую методику позволит создать дополнительный теоретический и эмпирический базис для формирования частных методик поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел. Индивидуализация криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения по отдельным категориям преступлений, имеющая ярко выраженную причинную обусловленность, может быть связана с дифференциацией способов совершения преступлений, типизацией судебных ситуаций, личностными особенностями подсудимых, занимаемыми ими позициями по уголовному делу, типовыми моделями противодействия уголовному преследованию и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авакьян М. В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 24 с.

Алтаев Е. А. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем в судебном заседании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

Андреев А. С. Криминалистика в условиях развития цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2020. № 2. С. 456–461.

Бабаева Э. У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 44 с.

³³ См.: Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 1. С. 276 ; Новик В. Поддержание государственного обвинения по делам о незаконном обороте наркотиков // Законность. 2006. № 9. С. 20.

Баев О. Я. Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него : науч.-практ. пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). М. : Эксмо, 2009. 396 с.

Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2007. № 1. С. 254–279.

Баев О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика : науч.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2003. 430 с.

Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке // Грани познания: наука, философия, культура в XXI веке. М. : URSS. 2007. 230 с.

Валькирия Н. И. Актуальные задачи криминалистического изучения человека на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4. С. 101–111.

Валькирия Н. И., Леонтьев А. Д. Нейрокомпьютинг: возможности и перспективы применения в расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. 2023. № 4. С. 6–8.

Волошин В. М. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Следственная практика : научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. № 184. М., 2011. С. 150–153.

Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография / под ред. проф. Н. П. Яблокова. М. ; Калининград : Калинингр. ун-т, 1997. 245 с.

Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 39 с.

Гармаев Ю. П., Шашин Д. Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. М. : Юрлитинформ, 2009. 168 с.

Глазырин Ф. В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 34 с.

Грибунов О. П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма следообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 207–211.

Гусев А. А. Установление личности по признакам внешности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. 16 с.

Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 583 с.

Жбанков В. А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 45 с.

Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве : монография / под ред. проф. В. К. Гавло. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 205 с.

Кисленко С. Л. Типизация личности и поведения подсудимого и ее роль в поддержании государственного обвинения в суде // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 110–117.

Князева Е. Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 243–262.

Комаров И. М., Ян Е. И. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 21–27.

Криминалистическое изучение личности : науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галяшин [и др.] ; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М. : Проспект, 2023. 224 с.

Лавров В. П. Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 85–90.

Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.

Макаренко И. А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М. : Юрлитинформ, 2006. 347 с.

Мальхина Н. И. Лицо, совершившее преступление, как объект изучения в криминалистике. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012. 160 с.

Новик В. Поддержание государственного обвинения по делам о незаконном обороте наркотиков // Законность. 2006. № 9. С. 20–22.

- Осипова Е. В., Прейбис И. И. Судебная тактика при изучении личности подсудимого // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2. С. 88–95.
- Посохина И. В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 235 с.
- Протасевич А. А., Фойгель Е. И. О возможностях криминалистической габитоскопии при реализации мер противодействия современной киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 471–480.
- Рузавин Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие для вузов. М. : Юнити-Дана, 2005. 287 с.
- Снетков В. А., Зинин А. М. Методика отождествления по признакам внешности лиц, сфотографированных со значительным разрывом во времени. М., 1971. 24 с.
- Стёпин В. С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке. М. : Политиздат, 1991. С. 138–167.
- Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности : учеб. пособие. М. : Изд-во ВЮЗИ, 1956. 131 с.

REFERENCES

- Altaev EA. Tactics of interrogation of the defendant by the state prosecutor at a court hearing. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2009. (In Russ.).
- Andreev AS. Criminalistics in the context of the development of digital technologies. *Intellectual Resources for Regional Development*. 2020;2:456-461. (In Russ.).
- Avakian MV. Methods of investigation and maintenance of state charges in cases of intentional infliction of serious harm to health. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Kaliningrad; 2018. (In Russ.).
- Babaeva EU. Fundamentals of the criminalistic theory of overcoming the resistance to criminal prosecution. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Baev OYa. Fundamentals of the methodology of criminal prosecution and professional protection against it: a scientific and practical guide (on the example of a corner-procedural study of official and official crimes). Moscow: Eksmo Publ.; 2009. (In Russ.).
- Baev OYa. Pragmatic foundations of criminalistic methodology of criminal procedural investigation of crimes of certain types. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2007;1:254,279. (In Russ.).
- Baev OYa. Tactics of criminal prosecution and professional protection from it. Investigative tactics: scientific and practical manual. Moscow: Exam Publ.; 2003. (In Russ.).
- Bedrizov AG, Volchetskaya TS, Galyashin NV [et al.]; Komissarova YaV (ed.). Criminalistic study of personality: A scientific and practical guide for LL.M. Students. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Belkin RS. Criminalistic encyclopedia. Moscow: Megatron XXI Publ.; 2000. (In Russ.).
- Budanov VG. Methodology of synergetics in postnonclassical science. In: *Facets of cognition: science, philosophy, culture in the 21st century*. Moscow: URSS Publ.; 2007. (In Russ.).
- Delokarov KH. Synergetics and cognition of social transformations. In: *Synergetic paradigm. Man and society in conditions of instability*. Moscow: Progress-Tradition Publ.; 2003. (In Russ.).
- Garmaev YuP, Shashin DG. Features of the forensic methodology of investigation and maintenance of public prosecution in a criminal cases on drug trafficking. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2009. (In Russ.).
- Garmaev YuP. Theoretical foundations of the formation of criminalistic methods of crime investigation. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2003. (In Russ.).
- Glazyrin FV. Criminalistic study of the personality of the accused. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Sverdlovsk; 1973. (In Russ.).
- Gribunov OP. Criminalistic theory of causality in the context of establishing the mechanism of trace formation: philosophical and theoretical aspects. *Tomsk State University Journal*. 2019;446:207-211. (In Russ.).
- Gusev AA. Identification on the basis of appearance. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 1955. (In Russ.).
- Kim DV, Gavlo VK (ed.). Criminalistic situations and their resolution in criminal proceedings. Barnaul: Publishing House of Alt. Unita; 2006. (In Russ.).
- Kislenko SL. Typification of the personality and behavior of the defendant and its role in maintaining public prosecution in court. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2021;2:110-117. (In Russ.).
- Knyazeva EN. Synergetic challenge to culture. Synergetic paradigm. The variety of searches and approaches. Moscow: Progress — Tradition Publ.; 2000. (In Russ.).
- Komarov IM, Yan EI. Criminalistic theory of causality: some philosophical and theoretical foundations. *Problems of Law Enforcement*. 2017;1:21-27. (In Russ.).

- Lavrov VP. Private forensic theories: current state and development trends. *Proceedings of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2016;3-2:85-90. (In Russ.).
- Lushechkina MA. Criminalistic study of personality in the tactics of investigation. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2002. (In Russ.).
- Makarenko IA. The identity of a minor accused as an object of forensic research. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2006. (In Russ.).
- Malykhina NI. A person who has committed a crime as an object of study in criminology. Saratov: Publishing house of FGBOU VPO «SGUA»; 2012. (In Russ.).
- Novik V. Maintaining the state prosecution in cases of illegal drug trafficking. *Zakonnost'*. 2006;9:20-22. (In Russ.).
- Osipova EV, Preibis I.I. Judicial tactics in the study of the defendant's personality. *Izvestiya Tula State University. Economics and Law*. 2018;2-2:88-95. (In Russ.).
- Posokhina IV. Criminalistic aspects of maintaining state prosecution in cases of bribery. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2006. (In Russ.).
- Protasevich AA, Voigel EI. On the possibilities of forensic habitoscopy in the implementation of measures to counter modern cybercrime. *All-Russian Journal of Criminology*. 2020;14(3):471-480. (In Russ.).
- Ruzavin GI. Methodology of scientific cognition. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2005. (In Russ.).
- Snetkov VA. Method of identification based on the appearance of persons photographed with a significant time gap. Moscow; 1971. (In Russ.).
- Stepin VS. Scientific rationality in the humanistic dimension. In: About the human in the Man. Moscow: Politizdat Publ.; 1991. (In Russ.).
- Terziev NV. Criminalistic identification of personality by signs of appearance: studies. Moscow: VUZI Publishing House; 1956. (In Russ.).
- Valkyria NI. Actual tasks of the criminalistic study of man at the present stage. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;4:101-111. (In Russ.).
- Valkyrie NI, Leontiev AD. Neurocomputing: possibilities and prospects of application in the investigation of crimes. *Kriminalist*. 2023;4:6-8. (In Russ.).
- Volchetskaya TS, Yablokov NP (ed.). Criminalistic situology. Moscow: Kaliningr University Press; Kaliningrad; 1997. (In Russ.).
- Voloshin VM. Maintaining public prosecution in court with the participation of jurors. In: Investigative practice. Scientific and practical collection of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Issue No. 184. Moscow; 2011. (In Russ.).
- Zhbankov VA. Conceptual foundations of establishing the identity of a criminal in criminology. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 1995. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кисленко Сергей Леонидович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ser-kislenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Kislenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ser-kislenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 18 мая 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 24.04.2024.
Revised 18.05.2024.
Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.062-071

В. В. СеменчукДальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова
г. Хабаровск, Российская Федерация**В. Д. Ларичев**Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
г. Москва, Российская Федерация

Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях

Резюме. Статистика преступности в среде несовершеннолетних свидетельствует о том, что за прошедшее десятилетие уровень тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых данными лицами, остался относительно стабильным. В такой ситуации важными задачами правоохранительных органов являются своевременное выявление и пресечение преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и их изъятие из преступной среды путем осуществления индивидуальной профилактики. Эффективное решение данных задач невозможно без осуществления оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим осуществлено исследование участия несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях в двух основных ролях: в качестве лиц, осуществляющих содействие субъектам оперативно-розыскной деятельности, и в качестве объектов оперативно-розыскных мероприятий. В рамках первого направления предложена законодательная регламентация условий оказания содействия несовершеннолетними: письменное согласие законных представителей и самих несовершеннолетних, если таковые не достигли возраста 16 лет; обеспечение безопасности несовершеннолетних сотрудниками оперативного подразделения; введение дополнительных гарантий для содействия несовершеннолетних. В рамках второго направления подготовлены предложения об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Помимо этого, на научно-практическое обсуждение поставлен вопрос о необходимости привлечения законных представителей и педагогов при проведении гласного опроса несовершеннолетних.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; несовершеннолетние; возраст уголовной ответственности; содействие; законные представители

Для цитирования: Семенчук В. В., Ларичев В. Д. Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 62–71. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.062-071

Participation of Minors in Operational Search Relations

Vasiliy V. SemenchukFar Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov
Khabarovsk, Russian Federation**Vasiliy D. Larichev**National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. Statistics on juvenile delinquency indicate that over the past decade, the level of serious and especially serious crimes committed by these individuals has remained relatively stable. In such a situation, the important tasks of law enforcement agencies are the timely detection and suppression of crimes committed by minors and their removal from the criminal environment through individual prevention. Effective solution of these tasks is

© Семенчук В. В., Ларичев В. Д., 2024

impossible without the implementation of operational investigative activities. In this regard, a study was carried out regarding participation of minors in operational search relations in two main roles: as persons providing assistance to subjects of operational search activities and as objects of operational search activities. Within the framework of the first direction, legislative regulation of the conditions for the provision of assistance to minors is proposed: written consent of legal representatives and minors themselves, if they have not reached the age of 16; ensuring the safety of minors by employees of the operational unit; the introduction of additional safeguards for the assistance of minors. Within the framework of the second direction, proposals have been prepared concerning the conditions for conducting operational investigative measures against persons under the age of criminal responsibility. The issue of the need to involve legal representatives and teachers in conducting a public survey of minors was also raised for academic and practical discussion.

Keywords: operational investigative activities; minors; age of criminal responsibility; assistance; legal representatives

Cite as: Semenchuk VV, Larichev VD. Participation of Minors in Operational Search Relations. *Lex russica*. 2024;77(9):62-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.062-071

Введение

Часть 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации гласит, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России.

Реализация указанной нормы должна осуществляться в том числе путем противодействия вовлечения детей в преступную среду, что требует своевременного выявления преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. Выполнение такой задачи невозможно без использования сил и средств оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД).

Об актуальности оперативного обслуживания данного направления свидетельствует статистика.

За прошедшее десятилетие происходило постепенное снижение числа осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет (в 2013 г. — 29 205 чел., в 2018 г. — 18 826 чел., в 2022 г. — 14 214 чел. и за первое полугодие 2023 г. — 6 769 чел.)¹ и числа предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (в 2013 г. — 67 225, в 2018 г. — 43 553, в 2022 г. — 30 469)².

Впрочем, анализ структуры таких преступлений свидетельствует о том, что представлен-

ная динамика не всегда имеет положительный характер. Так, за указанный период времени остались относительно стабильными показатели предварительно расследованных тяжких (в 2013 г. — 12 877, в 2018 г. — 7 748, в 2022 г. — 7 039) и особо тяжких (в 2013 г. — 1 757, в 2018 г. — 1 968, в 2022 г. — 2 256) преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии.

Кроме того, прослеживается тенденция увеличения числа несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций) (2019 г. — 128 чел., 2020 г. — 115 чел., 2021 г. — 130 чел., 2022 г. — 235 чел., 2023 г. — 241 чел.)³.

Основная часть

А. Ю. Шумиловым была предложена классификация участников ОРД⁴, с учетом которой несовершеннолетние могут рассматриваться в качестве лиц, оказывающих содействие, и в качестве изучаемых лиц, т.е. объектов ОРД. Опираясь на данную классификацию следует рассмотреть особенности участия несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях в указанных ролях.

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007–2022 годы. М. : Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2023 ; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2023 года. М. : Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2023.

² Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).

³ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор. М. : ВНИИ МВД России, 2024. С. 60–61.

⁴ Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник. М., 2008. С. 84.

1. Особенности содействия несовершеннолетним органам, осуществляющим ОРД

С учетом открытого характера работы рассмотрим гласные аспекты содействия несовершеннолетним.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵ (далее — ФЗ об ОРД) в рассматриваемом контексте содержит лишь упоминание, что органы, осуществляющие ОРД, вправе заключать контракты с совершеннолетними дееспособными лицами. В остальном закон не содержит норм, ограничивающих или допускающих содействие несовершеннолетним.

Подобный подход законодателя порой трактовался судами как принципиальная невозможность привлечения несовершеннолетних к содействию и, соответственно, недопустимость использования результатов ОРД, полученных с их участием⁶. Так, в одном из судебных решений отмечалось, что в законодательстве нет ссылки на возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) с привлечением несовершеннолетнего лица, в том числе не представлена возможность его участия без заключения с ним контракта. По мнению суда, несовершеннолетние граждане не могут привлекаться к ОРМ ни по инициативе органов внутренних дел, ни с согласия родителей⁷.

Отметим, что такой подход преимущественно встречался в деятельности арбитражных судов, что можно связать с отсутствием достаточного опыта исследования оперативно-розыскных отношений.

Впоследствии по данному вопросу было принято решение Конституционного Суда РФ, в котором указывалось, что положения ФЗ об ОРД не запрещают использование содействия несовершеннолетних лиц для подготовки или проведения ОРМ на бесконтактной основе⁸.

В сущности, приведенное решение явилось достаточно очевидным толкованием положений ФЗ об ОРД и, казалось, должно было расставить все точки над *i*.

Впрочем, последующая правоприменительная практика показала, что отсутствие в законе условий привлечения несовершеннолетних к содействию все также приводит к негативной оценке результатов ОРД, полученных с их участием. При этом акцент в оценке законности содействия сместился на определение наличия согласия на это законного представителя. Так, одним из судебных органов было отмечено, что сама по себе возможность привлечения несовершеннолетних лиц к осуществлению ОРМ на бесконтактной основе не освобождает правоохранительные органы от необходимости получения для этого согласия их законных представителей. Отсутствие данного согласия влечет признание результатов ОРД недопустимыми

⁵ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ См.: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2012 по делу № А81-1820/2012 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/04465c52-8cd0-4c8c-a64c-33f3d65eacda/aa5ed41e-8aa7-4981-a6bc-e3cd3c230b19/A81-1820-2012_20120912_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 17.04.2024); решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.04.2014 по делу № А40-13115/14 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1ae2108b-a040-4905-aba1-340f2baf6529/b33e0b2f-c447-41ed-83f9-278c21842475/A40-13115-2014_20140428_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 17.04.2024); решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2012 по делу № А81-1820/2012 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/04465c52-8cd0-4c8c-a64c-33f3d65eacda/533d21d4-76d6-4ea1-a65a-8d10ad1354f9/A81-1820-2012_20120627_Reshenie.pdf (дата обращения: 17.04.2024).

⁷ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2012 по делу № А81-1820/2012 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/04465c52-8cd0-4c8c-a64c-33f3d65eacda/aa5ed41e-8aa7-4981-a6bc-e3cd3c230b19/A81-1820-2012_20120912_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 17.04.2024).

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2875-О (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.06.2020 по делу № А67-9540/2019 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/5badc9cc-200b-46b-e-9714-ca28f7d1ef38/ea97bc-cdf0-4be2-b8e7-3c8127487caa/A67-9540-2019_20200608_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 18.04.2024).

доказательствами⁹. Представленная позиция была поддержана Верховным Судом РФ¹⁰.

В тех же случаях, когда такое согласие имело место, проблем в оценке результатов ОРД не возникало¹¹.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в условиях правовой неопределенности существует риск признания действий оперативных сотрудников неправомерными. В свою очередь, оперативные сотрудники не всегда имеют возможность анализировать изменчивую судебную практику и должны руководствоваться в первую очередь законом.

Правовая неопределенность снижает стимулы привлечения несовершеннолетних к содействию. Так, по результатам анкетирования оперативных сотрудников И. А. Вормсбехер пришел к выводу, что 58,7 % респондентов из их числа считают такое содействие правомерным, но лишь 12,8 % из них привлекали к участию в проведении ОРМ несовершеннолетних¹².

В противоположность этому А. А. Хайдаров отмечал, что опрошенные им работники прокуратуры выразили единодушное мнение, что привлекать несовершеннолетних для проведения проверочных закупок и оперативных экспериментов нельзя¹³.

Соответственно, до законодательного урегулирования условий содействия несовершеннолетних разночтения будут иметь место.

Возникает вопрос: какие условия содействия несовершеннолетних должны быть отражены в законе?

По данному поводу в науке высказывались разные мнения.

А. Ю. Шумилов предлагал допустить оказание содействия с 16 лет, а в виде исключения для оперативно-розыскной работы по защите

от преступных посягательств, перечисленных в ч. 2 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁴, а также для работы в среде несовершеннолетних — с 14 лет¹⁵.

О. А. Вагин также указывал, что возрастные пределы участия несовершеннолетних в ОРД должны ограничиваться возрастом уголовной ответственности, установленным УК РФ. По мнению ученого, если лицо способно осознавать общественно опасный характер своего поведения, то, соответственно, способно и оценить подобные действия других лиц и информировать об этом органы — субъекты ОРД¹⁶.

В свою очередь Г. М. Решетов предлагал допускать к содействию с 12 лет, одновременно понизив до этого же предела возраст наступления уголовной ответственности по ряду преступлений¹⁷.

Представленные мнения объединяет общий признак — соотношение возраста содействия с возрастом уголовной ответственности.

Такой подход логичен, поскольку несовершеннолетние имеют возможность освещать преступную деятельность своих сверстников. Однако упускаются некоторые обстоятельства, которые указывают на необходимость исключения нижнего возрастного предела для содействия: несовершеннолетние, не достигшие возраста уголовной ответственности, могут являться жертвами преступлений, в предотвращении и раскрытии которых, возможно, потребуется их участие; «содействие» и «привлечение к уголовной ответственности» — это разные по правовой природе и последствиям для личности категории.

Соответственно, представляется, что указание в законе нижнего порога привлечения к содействию не является целесообразным. Вме-

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 25.09.2020 № 304-ЭС20-12696 по делу № А67-9540/2019.

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 25.01.2017 по делу № 10-233/2017 ; постановление Московского городского суда от 15.11.2018 № 4а-7089/2018 ; постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 24.06.2019 № 44а-1023/2019.

¹² Вормсбехер И. А. Возрастной критерий привлечения к участию в оперативно-розыскных мероприятиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2 (52). С. 77.

¹³ Хайдаров А. А. Законно ли привлекать несовершеннолетних для участия в ОРД // Уголовный процесс. 2018. № 6. (162). С. 80–84.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁵ Шумилов А. Ю. Указ. соч. С. 119.

¹⁶ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М. : Проспект, 2011.

¹⁷ Решетов Г. М. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними (на примере Северо-Западного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 8.

сто этого в качестве условия содействия следует определить обязательное письменное согласие законного представителя и обязанность оперативного сотрудника обеспечивать безопасность лица, привлекаемого к содействию, а также ответственность за исполнение данной обязанности.

По этому поводу мы солидарны с мнением В. Н. Кукарцева об исключении участия несовершеннолетнего в ОРМ, в ходе проведения которого создается реальная угроза его жизни, причинения вреда здоровью¹⁸.

Одновременно с этим считаем, что с 16-летнего возраста согласие законного представителя не требуется, т.к. к указанному возрасту лица при отсутствии физических и психических отклонений способны самостоятельно контролировать свои поступки. Аналогичным образом вопрос разрешен в трудовых отношениях: по общему правилу, предусмотренному статьей 63 Трудового кодекса Российской Федерации¹⁹, заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста 16 лет. Аналогичного мнения о возрастных критериях придерживаются и некоторые другие ученые²⁰.

Таким образом, считаем целесообразным дополнить ст. 17 ФЗ об ОРД нормой следующего содержания:

«Лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, могут привлекаться к содействию органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, только с письменного согласия данных лиц и их законных представителей. Сотрудники оперативных подразделений обязаны обеспечивать безопасность несовершеннолетних лиц, участвующих в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, и несут ответственность за исполнение данной обязанности. На несовершеннолетних лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, распространяются гарантии, предусмотренные статьей 18 настоящего закона, в таком же объеме, как и для лиц, сотрудничающих по контракту».

2. Особенности проведения ОРМ в отношении несовершеннолетних

Правовая неопределенность касается и ситуаций, в которых несовершеннолетние являются объектами ОРД.

Первый вопрос связан с возрастом, с которого несовершеннолетние могут рассматриваться как объекты ОРМ.

Часть 1 ст. 8 ФЗ об ОРД, закрепляя своеобразное равенство людей в сфере ОРД, предусматривает перечень характеристик личности, не являющихся препятствием для проведения ОРМ (например, национальность и пол). Однако в числе таковых законодателем не установлен возраст объектов ОРМ, что ставит правоприменителя в неопределенное положение.

В случае, если лицо не достигло возраста уголовной ответственности, возникает принципиальный вопрос о возможности проведения ОРМ, т.к. в данной ситуации отсутствуют все признаки состава преступления, и, соответственно, в контексте ст. 7 ФЗ об ОРД нет преступного деяния и оснований для проведения ОРМ.

Для практики подобный подход нельзя признать удовлетворительным по ряду причин:

— недостижение лицом возраста уголовной ответственности порой выступает не столько препятствием, сколько причиной вовлечения их в преступную деятельность, т.к. является способом ухода от уголовной ответственности «взрослых» преступников. В данном случае проведение ОРМ в отношении несовершеннолетних требуется как для индивидуальной профилактики и их своевременного изъятия из преступной среды, так и для пресечения преступной деятельности лиц, вовлекающих их в совершение преступлений;

— преступная деятельность лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, может причинять ущерб интересам третьих лиц (жизни, здоровью, собственности, безопасности общества и государства). В связи с этим проведение ОРМ необходимо с целью своевременного пресечения таких преступлений.

¹⁸ Кукарцев В. Н. К вопросу об участии несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-1. С. 48–49.

¹⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

²⁰ Вормсбехер И. А. Указ. соч. С. 79–80 ; Бебишева В. С., Уторов О. Р. Правовое регулирование участия несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности // Социальное управление. 2023. Т. 5. № 4. С. 125–132.

Отметим, что данная проблема также становилась предметом исследования ряда ученых. Так, В. Ф. Луговик в ходе выступления на международной сетевой научно-практической конференции «Возраст в праве» (состоялась 19 апреля 2024 г.) указывал, что не стоит обобщать возраст уголовной ответственности и возраст лиц, в отношении которых осуществляется ОРД.

В свою очередь, В. А. Черковым с целью своевременного выявления, предотвращения и пресечения совершения несовершеннолетними общественно опасных деяний предлагалось понизить до 11 лет возраст, с которого такие лица могут рассматриваться как объекты ОРМ²¹.

Как было отмечено ранее, Г. М. Решетовым предлагалось понизить возраст уголовной ответственности по отдельным преступлениям, что дало бы возможность проведения ОРМ.

С учетом актуальности указанных вопросов считаем целесообразным допустить проведение ОРМ в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, с установлением специальных условий. С этой целью является целесообразным дополнить ст. 8 ФЗ об ОРД нормой следующего содержания:

«Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, допускается только с целью выявления и пресечения противоправных деяний, посягающих на жизнь, здоровье, собственность, безопасность общества и государства, а также для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых лицами, достигшими возраста уголовной ответственности, осуществляющих вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность».

Второй вопрос связан с участием законного представителя и педагога при проведении ОРМ в отношении несовершеннолетних.

При проведении негласных ОРМ участие данных лиц невозможно в принципе, поскольку тогда осуществление таких мероприятий утратило бы всякий смысл. В этой ситуации можно провести аналогию с участием адвоката при

проведении ОРМ. Как отмечалось КС РФ, в силу преимущественно негласного характера и безотлагательности проводимых ОРМ ФЗ об ОРД не предусматривает и участие в ОРД адвоката²².

Иным образом стоит вопрос о проведении гласных ОРМ. В данном случае принципиальные препятствия для участия таких лиц менее очевидны. Однако возникает вопрос: для каких гласных ОРМ их участие необходимо в большей степени?

Простая ссылка на гласные ОРМ не будет обеспечивать определенность в юридической технике, поскольку в зависимости от ситуации многие из ОРМ могут проводиться как гласно, так и негласно либо в разных формах на начальных и завершающих этапах ОРМ.

На наш взгляд, среди гласных ОРМ в рассматриваемом контексте следует выделить опрос несовершеннолетних. Такой подход обусловлен тем, что при проведении гласного опроса осуществляется прямой контакт оперативных сотрудников и несовершеннолетнего, что требует обеспечения защиты прав последнего. Поскольку результаты этого ОРМ впоследствии могут выступать в качестве оснований для возбуждения уголовного дела, а также для подготовки следственных действий, при его проведении необходимо учитывать требования к осуществлению сходных процессуальных действий, в первую очередь получения объяснений.

Отметим, что УПК РФ²³ не определены требования в части процедуры получения объяснений несовершеннолетних, однако они предусмотрены для допросов указанных лиц и в правоприменительной практике распространяются на объяснения. Так, ст. 191 УПК РФ установлен ряд требований к допросу несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля на стадии предварительного расследования:

— при проведении допроса лица, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно участие педагога или психолога;

— при проведении допроса вправе присутствовать законный представитель несовершен-

²¹ Черков В. А. Несовершеннолетние лица как непосредственные объекты оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 128–129.

²² Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 580-О-О.

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

нолетнего. Он может быть не допущен, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Тогда следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего;

— по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно;

— обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

В науке встречаются точки зрения о пространстве данных требований и на такое процессуальное действие, как получение объяснений у несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, в частности об участии законных представителей и использования видеозаписи²⁴.

Правоприменительная практика на этот счет неоднозначна.

В одном случае присутствие законного представителя в процессе опроса несовершеннолетнего потерпевшего не признавалось обязательным (с учетом присутствия социального педагога)²⁵. В другом случае отсутствие педагога и законного представителя в процессе получения объяснений от свидетеля, не достигшего 14-летнего возраста, было признано нарушением, а полученные объяснения — недопустимыми доказательствами²⁶. Кроме того, имела место позиция, когда часть 1 ст. 191 УПК РФ была распространена на получение объяснений от несовершеннолетних потерпевших²⁷.

Статьей 425 УПК РФ предусмотрен ряд требований к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого:

- участие защитника;
- обязательное участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозре-

ваемого, обвиняемого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии;

— участие законного представителя, который может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

В науке встречаются мнения о том, что требования о привлечении законного представителя и педагога касаются и получения объяснений от несовершеннолетних, в отношении которых проводится процессуальная проверка²⁸.

Некоторые ученые также указывают на необходимость участия защитника при получении объяснений в рассматриваемой ситуации²⁹.

С учетом изложенного при проведении гласных опросов несовершеннолетних, результаты которых планируется использовать в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на ст. 191 и 425 УПК РФ. Вместе с тем не следует слепо перекладывать уголовно-процессуальные процедуры на оперативного-розыскные отношения без учета сущности ОРД. Так, обязательное участие защитника в проведении опроса лица, проверяемого в связи с причастностью к совершению преступления, является нецелесообразным ввиду того, что защитник не имеет статуса в оперативно-розыскных отношениях, а объект опроса еще не наделен правовым статусом подозреваемого. Вместе с тем нельзя исключать участие защитника, если он приглашен по инициативе опрашиваемого или его законного представителя.

Кроме того, следует учесть, что ОРМ могут проводиться в условиях, не терпящих отлага-

²⁴ Карагодин В. Н., Казаков А. А. Тактико-организационные и процессуальные проблемы досудебного производства по фактам преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Lex russica. 2017. № 6. С. 141–155.

²⁵ Постановление Краснодарского краевого суда от 09.08.2013 № 4у-5020/13.

²⁶ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12.12.2022 по делу № 55-635/2022.

²⁷ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2023 № 77-145/2023.

²⁸ Артемова В. В., Уханова Н. В. К вопросу об обязательности присутствия законного представителя при получении объяснения несовершеннолетнего в ходе проверки сообщения о преступлении // Российский следователь. 2021. № 2. С. 24–28.

²⁹ Босак Е. Е., Холопова Е. Н. Проверка сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним осужденным // Российский следователь. 2021. № 10. С. 20–22.

тельств, когда промедление может привести к наступлению тяжких последствий. В таких случаях считаем целесообразным допустить возможность опроса несовершеннолетних без участия педагога и законного представителя с обязательной видеофиксацией опроса и последующим уведомлением законного представителя.

Для подготовки предложений правотворческого характера подобные выводы должны пройти более детальное научно-практическое обсуждение.

Третий вопрос имеет частный характер и связан с проведением ОРМ в местах нахождения несовершеннолетних правонарушителей.

Законодательство допускает проведение ОРМ в местах изоляции от общества (ст. 84 УИК РФ³⁰, ст. 34 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³¹), но лишь часть из них характерна для несовершеннолетних. К указанным местам можно отнести учреждения, находящиеся в компетенции ФСИН России: следственные изоляторы и воспитательные колонии.

Вместе с тем подобные нормы отсутствуют в законодательстве, регламентирующем деятельность иных учреждений, в которые могут помещаться несовершеннолетние правонарушители (специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел). В частности, об этом не сказано в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³².

Соответственно, возникает вопрос о допустимости проведения ОРМ в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей,

не относящихся к компетенции ФСИН России. Считаем, что отсутствие таких норм не влечет запрета для проведения ОРМ, но вместе с тем снижает целевые ориентиры для этого.

По указанной причине можно согласиться с учеными, отмечающими необходимость активизации работы в данном направлении. Так, Г. А. Дымовым³³ к одной из наиболее актуальных задач противодействия корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, была отнесена оперативная работа среди арестованных и задержанных несовершеннолетних или их подстрекателей и соучастников с целью получения и сохранения в тайне всех обстоятельств совершенного преступления.

В свою очередь, Г. М. Решетов указывал на необходимость оперативного обслуживания сотрудниками уголовного розыска центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей³⁴.

Считаем, что для активизации работы в данном направлении Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» следует дополнить нормой, позволяющей проведение ОРМ в учреждениях, куда помещаются несовершеннолетние правонарушители.

Заключение

В целом решение представленных вопросов позволит устранить неопределенности в участии несовершеннолетних в оперативно-розыскных отношениях. Между тем мы не претендуем на полный охват данного направления ОРД; в правоприменительной практике могут иметь место и возникать иные вопросы по рассматриваемой теме.

³⁰ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

³¹ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

³² СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

³³ Дымов Г. А. Правовые и организационно-тактические основы раскрытия и расследования органами внутренних дел корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2005. С. 15.

³⁴ Решетов Г. М. Указ. соч. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова В. В., Уханова Н. В. К вопросу об обязательности присутствия законного представителя при получении объяснения несовершеннолетнего в ходе проверки сообщения о преступлении // *Российский следователь*. 2021. № 2. С. 24–28.
- Бебишева В. С., Уторов О. Р. Правовое регулирование участия несовершеннолетних в оперативно-розыскной деятельности // *Социальное управление*. 2023. Т. 5. № 4. С. 125–132.
- Босак Е. Е., Холопова Е. Н. Проверка сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним осужденным // *Российский следователь*. 2021. № 10. С. 20–22.
- Вормсбехер И. А. Возрастной критерий привлечения к участию в оперативно-розыскных мероприятиях // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2021. № 2 (52). С. 76–82.
- Дымов Г. А. Правовые и организационно-тактические основы раскрытия и расследования органами внутренних дел корыстно-насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2005. 42 с.
- Карагодин В. Н., Казаков А. А. Тактико-организационные и процессуальные проблемы досудебного производства по фактам преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // *Lex russica*. 2017. № 6. С. 141–155.
- Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М. : Проспект, 2011.
- Кукарцев В. Н. К вопросу об участии несовершеннолетних лиц в проведении оперативно-розыскных мероприятий // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2016. № 16-1. С. 48–49.
- Решетов Г. М. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними (на примере Северо-Западного региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. 17 с.
- Хайдаров А. А. Законно ли привлекать несовершеннолетних для участия в ОРД // *Уголовный процесс*. 2018. № 6. (162). С. 80–84.
- Черков В. А. Несовершеннолетние лица как непосредственные объекты оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2010. № 4 (8). С. 124–130.
- Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник. М., 2008. 391 с.

REFERENCES

- Alekseev AI, Ovchinsky VS. Commentary to the Federal Law «On operational investigative activities» (article-by-article). Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
- Artemova VV, Ukanova NV. On the issue of the obligation of the presence of a legal representative when receiving an explanation of an imperfect person during the verification of a crime report. *Russian Investigator*. 2021;2:24-28. (In Russ.).
- Bebisheva VS, Utorov OR. Legal regulation of the participation of minors in operational investigative activities. *Social Management*. 2023;5(4):125-132. (In Russ.).
- Bosak EE, Kholopova EN. Verification of a report on a crime committed by a minor convicted person. *Russian Investigator*. 2021;10:20-22. (In Russ.).
- Cherkov VA. Minors as direct objects of operational investigative activities of internal affairs bodies. *Vestnik of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;4(8):124-130. (In Russ.).
- Dymov GA. Legal and organizational and tactical bases of disclosure and investigation by internal affairs bodies of mercenary and violent crimes committed by minors. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Vladimir; 2005. (In Russ.).
- Karagodin VN, Kazakov AA. Tactical, organizational and procedural problems of pre-trial proceedings on the facts of crimes committed against minors. *Lex russica*. 2017;6:141-155. (In Russ.).
- Khaidarov AA. Is it legal to involve minors to participate in the ORDO. *Criminal Procedure*. 2018;6(162):80-84. (In Russ.).

Kukartsev VN. On the issue of the participation of minors in conducting operational investigative activities. *Actual Problems of Combating Crimes and other Offenses*. 2016;16-1:48-49. (In Russ.).

Reshetov GM. Operational investigative support for the disclosure and investigation of crimes committed by minors (on the example of the North-Western region). Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2008. (In Russ.).

Shumilov AYU. Course of fundamentals of operational investigative activity. Moscow; 2008. (In Russ.).

Wormsbecher IA. Age criterion for involvement in operational search activities. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;2(52):76-82. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенчук Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова д. 15, Казарменный пер., г. Хабаровск 680020, Российская Федерация
semenchuk_ord@mail.ru

Ларичев Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
д. 25, стр. 1, Поварская ул., г. Москва 121069, Российская Федерация
larichev48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasiliy V. Semenchuk, Cand. Sci. (Economic Sciences), Associate Professor, Head of the Department of the Criminal Procedure, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russian Federation
semenchuk_ord@mail.ru

Vasily D. Larichev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
larichev48@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 1 июня 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 22.04.2024.

Revised 01.06.2024.

Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.072-083

А. Б. Смушкин

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

К вопросу о криминалистическом значении отдельных видов компьютерных сетей

Резюме. Констатируя большой криминалистический потенциал компьютерных сетей, автор делит их на шесть типов (по функционалу и уровню обслуживания): нательная (BAN), персональная (PAN), локальная (LAN), кампусная (CAN), городская (MAN) и глобальная сети (WAN). Представляется, что сети уровня BAN и PAN можно условно объединить в единую группу — личные сети (некоторые ее устройства могут входить как в одну, так и в другую сеть или быть элементами обеих одновременно). Сети LAN и CAN логично аккумулировать в группу коллективных сетей, а сети мегаполиса (MAN) и глобальные (WAN) — в группу мультипользовательских сетей. Автор акцентирует внимание на коллективных и мультипользовательских сетях. При этом указывается на необходимость выделения также национального уровня компьютерных сетей. Рассматриваются криминалистически значимые основы функционирования данных сетей. Определяются специфика работы и основные задачи следователя при исследовании сетей различного уровня. Констатируется, что релевантная информация может быть извлечена из сетей практически любого типа. Знание типа, иерархии и уровня охвата сети будет способствовать оптимизации расследования за счет повышения оперативности установления провайдера, администратора и получения от него информации о пользователе сети. По результатам исследования специфики сетей предлагаются общие рекомендации по работе с любым типом сети.

Ключевые слова: криминалистическое исследование сетей; нательная сеть (BAN); персональная сеть (PAN); локальная сеть (LAN); кампусная сеть (CAN); городская сеть (MAN); глобальная сеть (WAN); Интернет; Clearnet; глубокий интернет; криминалистическое исследование Даркнета; установление IP-адреса пользователя; осмотр сетевых ресурсов; дорожка электронно-цифровых следов

Для цитирования: Смушкин А. Б. К вопросу о криминалистическом значении отдельных видов компьютерных сетей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 72–83. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.072-083

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312 (<https://rscf.ru/project/24-28-00312/>).

Forensic Significance of Certain Types of Computer Networks

Aleksandr B. Smushkin

Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. Stating the great forensic potential of computer networks, the author differentiates computer networks into 6 types (in terms of functionality and level of service): personal (BAN), personal (PAN), local (LAN), campus (CAN), urban (MAN) and global networks (WAN). It seems that the BAN and PAN level networks can be conditionally combined into a single group — personal networks (some of its devices can be part of both one and the other network or be elements of both at the same time). It is logical to accumulate LAN and CAN networks into a group — collective networks, and megapolis (MAN) and global (WAN) networks into a group — multiuser networks. In the paper, the author focuses on collective and multiuser networks. At the same time, it is also indicated that there is a need to allocate a national level of computer networks. The author examines the criminalistically significant fundamentals of the functioning of the networks under consideration. The paper

© Смушкин А. Б., 2024

determines the specifics of the work and the main tasks of the researcher in the study of networks of various levels. It is stated that relevant information can be extracted from almost any type of network. Awareness of the type, hierarchy and level of network coverage will help optimize the investigation by increasing the speed of identifying the provider, the administrator and obtaining information about the network user from him. Based on the results of the study of network specifics, general recommendations for working with any type of network are offered.

Keywords: forensic investigation of networks; body network (BAN); personal network (PAN); local area network (LAN); campus network (CAN); urban network (MAN); and global network (WAN); Internet; Clearnet; Deep Internet; Forensic investigation of the Darknet; IP address establishment user; inspection of network resources, a track of electronic and digital traces

Cite as: Smushkin AB. Forensic Significance of Certain Types of Computer Networks. *Lex russica*. 2024;77(9):72-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.072-083

Acknowledgments. The research was carried out with the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

Компьютерные сети во многом являются одним из элементов, сокращающих расстояния и укрепляющих связи в социуме. Каждый пользователь и каждое устройство в течение дня подключается к нескольким сетям — домашней, общественной в транспорте или по пути на работу, локальной сети на работе, глобальной (Интернету) и т.д. Криминалистический потенциал компьютерных сетей очень велик. Вопросы их исследования неоднократно попадали в фокус изучения ученых-криминалистов. Так, выделение глобальной сети «Интернет» и локальных сетей как элементов киберпространства отметил еще в 2001 г. в своей диссертации В. А. Мещеряков¹. При этом самые последние его работы опираются уже на более подробную дифференциацию сетей. Как отмечает В. А. Мещеряков, «объединение отдельных компьютеров в сложные системы и связывание их друг с другом благодаря применению сетевых техно-

логий позволяет получить очень важные с точки зрения практического применения технические свойства этих систем и приводит к почти фантастическим с точки зрения классической криминалистики проявлениям следовой картины»².

В. Б. Вехов, предлагая новую отрасль криминалистической техники «криминалистическое компьютероведение», называл также ее подотрасль «криминалистическое исследование компьютерных устройств, их систем и сетей»³.

Е. Р. Россинская, разработав частную теорию «информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности», «криминалистическое исследование компьютерных средств и систем» рассматривает как учение, входящее в новую частную теорию⁴.

В своих прежних работах мы также подчеркивали необходимость выделения частной теории «исследования и использования компьютерных сетей (сетевой криминалистики)» как элемента теории «электронной цифровой криминалистики»⁵.

¹ Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 108–110.

² Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. С. 23.

³ Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 19.

⁴ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков ; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. С. 58–73.

⁵ Смушкин А. Б. Концептуальные основы частной теории электронной цифровой криминалистики (частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) : монография / под общ. ред. В. Б. Вехова. М. : Русайнс, 2022. С. 86.

Основная часть

Классифицировать компьютерные сети можно по различным основаниям.

О. С. Кучин делит сети по географическим критериям на следующие виды:

1) локальные — охватывают территорию одного помещения или здания либо одной соты — зоны действия одной базовой радиостанции;

2) местные — действуют в одном населенном пункте (поселении, районе, городе), в том числе в зоне обслуживания узла сети местной связи — на территории, в пределах которой пользовательское (оконечное) оборудование соединяется или может быть соединено абонентскими линиями со средствами связи одного и того же узла сети местной связи;

3) территориальные — функционируют на уровне субъекта Российской Федерации (республики, края, области), в том числе в зоне обслуживания сети местной связи оператора связи — совокупности зон обслуживания всех узлов сети местной связи одного и того же оператора связи;

4) региональные (территориально распределенные) — охватывают географические территории всех субъектов Российской Федерации, входящих в один федеральный округ, или одну зону действия оператора междугородной связи;

5) национальные — действуют в географических границах отдельно взятого государства или всех зон обслуживания национальных операторов связи;

6) глобальные — охватывают географические границы двух и более государств или зону действия международного оператора связи. В качестве примеров можно привести глобальную компьютерную сеть общего пользования «Интернет», глобальную навигационную спутниковую систему (ГЛОНАСС) и т.д.⁶

П. С. Пастухов по принадлежности и функциональному назначению называет локальные, корпоративные, ведомственные компьютерные сети; глобальную компьютерную сеть «Интернет»⁷.

Впрочем, кроме территориального охвата и принадлежности, подобные классификации не

выделяют существенных эмерджентных черт каждого вида сетей.

Оптимальным представляется деление сетей по уровню обслуживания на следующие виды:

BAN (Body area network) — нательная сеть, образуемая устройствами, вживленными (установленными) в тело человека или расположенными непосредственно на нем;

PAN (Personal area network) — персональная сеть, образуемая прямым соединением небольшого количества (не более восьми) устройств с помощью беспроводной или проводной коммутации;

LAN (Local area network) — локальная сеть, образуемая через сетевой концентратор или аналогичные устройства компьютерами или иными электронными устройствами, расположенными, как правило, в одном или соседних помещениях; коммутация осуществляется преимущественно проводным способом;

CAN (Campus area network) — кампусная сеть, образуемая несколькими локальными сетями в пределах компактно расположенных строений (студгородок, кампус);

MAN (Megapolis area network) — мегаполисная сеть как объединение локальных и кампусных сетей, а также сеть одного провайдера в пределах поселения или нескольких компактно расположенных поселений;

WAN (Wide area network) — глобальная сеть, допускающая подключение любых сетей и электронных устройств. В настоящее время основная глобальная сеть — это сеть «Интернет».

Некоторые уровни сетей имеют настолько близкий, смежный, взаимопроникающий характер, что их можно рассматривать в рамках единых укрупненных групп. Нам представляется, что сети уровня BAN и PAN можно условно объединить в единую группу — личные сети (некоторые ее устройства могут входить как в одну, так и в другую сеть или быть элементами обеих одновременно). Сети LAN и CAN логично аккумулировать в группу коллективных сетей, а сети мегаполиса (MAN) и глобальные (WAN) — в группу мультипользовательских сетей. С учетом того, что наибольший объем криминали-

⁶ Электронные носители информации в криминалистике : монография / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 167.

⁷ Пастухов П. С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 629.

стически значимой информации, имеющей прямое доказательственное значение, может храниться в последних двух группах, а также того, что нами уже подготовлена статья, посвященная рассмотрению первой группы, в данной публикации мы обратимся к коллективной и мультипользовательской группам.

По типу организации компьютерные сети делятся на централизованные (работающие по принципу «клиент — сервер»), децентрализованные (все узлы которых равнозначны), гибридные (где имеются некоторые узлы, аккумулирующие информацию об адресах других узлов, получив которую пользователи могут перекачивать информацию по прямому соединению).

Релевантная информация может быть извлечена из сетей практически любого типа. Знание типа, иерархии и уровня охвата сети будет способствовать оптимизации расследования за счет повышения оперативности установления провайдера, администратора и получения от него информации о пользователе сети.

Итак, локальная сеть как носитель криминалистически значимой информации может быть интересна следствию с точки зрения как ее иерархии, так и содержащейся в ней информации.

Проводные локальные сети построены в основном по стандартам технологии Ethernet. Беспроводные используют Wi-Fi.

Классическая локальная сеть использует концентратор (хаб), коммутируемая построена на коммутаторах (свитчах). Топология может быть последовательной, общей шиной, звездой и т.д.

Подвидом локальной сети является сеть NAN (Near me area network) — сеть ближнего радиуса действия — логическая беспроводная сеть связи, образованная устройствами, которые могут использовать разные сетевые подключения. Сети NAN делятся на закрытые и глобальные. Закрытые формируются между устройствами, не использующими GPS-системы и обслуживаемые одним оператором. Глобальные используют GPS и подключение к Интернету.

Наиболее ярко специфику локальной сети в плане ее криминалистической емкости отметил В. А. Мещеряков: «Существенными криминалистическими особенностями локальных компьютерных сетей, существенно влияющих

на механизм следообразования в них, является распределение данных, ресурсов и программ»⁸. Локальная сеть дает возможность с любого компьютера сети использовать ресурсы входящего в нее более мощного компьютера (используя свой компьютер практически как только терминал для ввода информации и монитор для вывода, знакомиться с информацией, размещенной на ином компьютере, запускать программы с другого устройства, пользоваться периферийными устройствами (распечатывать или сканировать документы) с любого из включенных в сеть компьютеров).

Следователь должен установить сервер / рабочую станцию локальной сети и локализацию разводки коммутационных линий. При этом необходимо принимать во внимание возможность существования, кроме отдельной серверной комнаты, еще небольших серверных локальных узлов.

При исследовании локальной сети определяются:

— скорость передачи информации в ней (по скорости локальные сети Ethernet могут быть разделены на: Ethernet — 10 Мб/с; Fast Ethernet — 100 Мб/с; Gigabit Ethernet — 1 Гб/с; 10G Ethernet — 10 Гб/с; 40-гигабитный и 100-гигабитный Ethernet с одноименным наименованием);

— IP-адреса подключенных к ней устройств. Они могут быть установлены как с помощью командной строки компьютера, так и через сторонние программные предложения, анализирующие сетевой трафик, например Wireless Network Watcher. Кроме того, соответствующая информация может быть изучена и через административную запись маршрутизаторов (данные для входа в которую могут быть расположены на дне или тыльной стороне маршрутизатора). Некоторые антивирусные комплексы сейчас могут показывать устройства, подключенные к локальной сети, и их состояние (активность) (например, некоторые приложения семейства Kaspersky);

— информация, хранящаяся в памяти каждого элемента локальной сети;

— сетевой трафик.

Следователю и специалисту необходимо обнаружить все устройства, подключенные к локальной сети, и исследовать их на предмет криминалистически релевантной информации.

⁸ Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике : монография. С. 24.

При этом в случае проводной локальной сети данная задача не вызовет больших сложностей; при выявлении же беспроводной сети WLAN в задачу следствия входит сначала определение количества и типа устройств, подключенных к данной сети, и лишь потом поиск в окружающих помещениях устройств соответствующего типа с выявленным MAC-адресом. Конечно, доступ к иному устройству можно получить и с другого компьютера локальной сети, но это не означает открытость всей информации, всех директорий, а также съемных носителей информации, еще не распознанных или неправильно распознанных системой. Следует согласиться с Е. Р. Россинской, что «элементы локальной сети и целые ее сегменты могут быть разнесены не только по разным помещениям в здании, но и по различным географическим регионам, если для построения сети используется технология VPN (от англ. Virtual Privat Network — виртуальная частная сеть)»⁹.

Необходимо определить, имеет ли место изолированная локальная сеть или какое-либо из устройств имеет выход в сеть более высокого уровня. При наличии изолированной сети, когда все ее устройства выявлены и находятся под контролем следователя, можно не производить отключение компьютерных устройств (поскольку нет опасности внешнего воздействия — модификации или уничтожения информации).

В протоколе осмотра подлежат обязательно отражению характер соединения сети, присутствие нештатных устройств. Целесообразно также составить схему подключения и расположения устройств.

Кампусная сеть может быть нескольких категорий:

- 1) CAN на основе Ethernet;
- 2) беспроводная CAN на основе технологии Wi-Fi;
- 3) управляемая CAN (предназначена для обеспечения повышенной безопасности сети и включает брандмауэры, системы обнаружения вторжений и виртуальные частные сети (VPN));
- 4) CAN с резервными линиями связи для гарантированного обеспечения бесперебойного соединения;

5) CAN с кластеризацией серверов (предполагающая объединение нескольких серверов для работы как единой системы).

Исследование кампусной сети имеет характерные черты, в принципе, сходные с исследованием локальной сети — только с учетом масштабирования на более крупную сеть. Следует отметить, что оперативность действий следователя и специалиста по установлению подключенных локальных сетей и изолированных устройств при выявлении кампусной сети имеет повышенное значение, поскольку большое количество подключенных устройств может осложнить установление их местонахождения и контроля над ними. При этом под угрозой ставится возможность использования фактора внезапности. Представляется необходимым для нивелирования проблемы большого количества устройств, включенных в сеть, расширение круга участников следственной группы и привлечение прежде всего дополнительных специалистов. Сети кампусов — это всегда сети с централизованным управлением, и, соответственно, в задачу следствия также должно входить выявление и блокирование компьютера администратора такой сети.

Зная иерархию локальной или кампусной сети, следователь может получить доступ к интересующему его терминалу и расположенной на нем информации с любого иного устройства и применить полученные данные с максимальным использованием фактора внезапности.

Городская сеть MAN (или сеть мегаполиса) чаще всего имеет выход в глобальную сеть и редко существует самостоятельно и изолированно. Наиболее ярким примером городской сети являются кабельные сети телевидения или опорные сети провайдера. К новейшим направлениям использования городской сети можно отнести «умный» транспорт, «умное» коммунальное хозяйство и иные элементы «умного» города.

Такая сеть в диаметре может составлять от 5 до 100 км. Исследование городской сети по сравнению с рассмотренными выше коллективными сетями отличается не просто масштабированием данной сети и увеличенной территориальной разнесенностью, но и возможностью объединения в ней коллективных

⁹ Россинская Е. Р. Особенности тактики и технологии осмотра места происшествия при расследовании компьютерных преступлений // Уголовная политика на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума, Иркутск, 23–25 сентября 2021 г. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. С. 181–188.

сетей, большим количеством участников сети и, как следствие, осложнением поиска конкретного фигуранта. Однако при этом городская сеть расположена в пределах одного поселения, что дает возможность более оперативного реагирования, централизованного управления силами и средствами, задействованными для выявления и задержания злоумышленников. А единый провайдер (в отличие от глобальной сети) способствует оптимизации установления IP-адреса пользователя (что облегчит установление его местонахождения), а также персональных данных пользователей сети, зарегистрированных у провайдера.

Представляется необходимым также выделять национальный уровень сети, промежуточный между городской и глобальной сетями, например «Рунет», французскую Minitel. Практически все национальные сети вошли в качестве составных частей в Интернет, а не остались самостоятельными, имея только шлюзы в «большой» Интернет. Однако инфраструктура соответствующих сетей сохранилась, что дает возможность ее эксплуатации при «отрезании» страны от глобальной сети. При этом криминалистически значимыми факторами таких сетей будут: повышение контроля над содержащейся в них информацией (размещение серверов на территории страны), что устраняет фактор неоперативной работы по запросам или вообще игнорирования запросов в недружественных странах, а также фактор стран, с которыми не заключены соответствующие договоры о правовой помощи; возможность привлечения к ответственности владельцев ресурсов, поскольку они находятся чаще всего на территории страны, являются ее гражданами; возможность отслеживания и соответствующей маркировки информации вне сети; облегчение борьбы с фейковой информацией; возможность повышенного контроля социальных сетей, маркетплейсов путем установления повышенной ответственности владельцев и администраторов подобных ресурсов.

Глобальная сеть обеспечивает взаимодействие неограниченного числа пользователей. Основным примером является глобальная сеть «Интернет». Криминалистическое исследо-

вание данной сети связано с изучением размещенной в ней информации, установлением пользователя и его местонахождения.

С точки зрения открытости информации глобальная сеть «Интернет» делится на три слоя. Первый слой — «открытый Интернет» (Clearnet) — с проиндексированными источниками, доступ к которым осуществляется с помощью обычных браузеров. Однако, по статистике, на данном слое Интернета размещено всего лишь около 3 % информации.

Второй слой — «глубокий Интернет» (Deepnet или Deep web) — совокупность баз и локальных сетей, не индексируемых поисковыми системами, фактически существующих параллельно Clearnet. В этом слое Интернета находится около 90 % всего ценного научно-технического, технологического, финансово-экономического и государственного открытого контента. Объемы этого слоя Интернета постоянно растут¹⁰.

Третий слой — «темный Интернет» (Darknet) — совокупность ресурсов, доступ к которым осуществляется с повышенной анонимизацией, обеспечиваемой с помощью специальных программных комплексов. Здесь содержится лишь 0,1–1 % информации всего Интернета¹¹.

Относительно Clearnet И. Н. Воробец вполне обоснованно отмечает, что «характерной особенностью, имеющей определяющее значение для возможности контроля движения информации в сети, является то, что система адресации в сети «Интернет», описываемая IP-протоколом, построена на основе присвоения каждому компьютеру, подключенному к Сети, уникального идентификационного номера (IP-адреса). IP-адрес — это набор из четырех десятичных чисел, отделенных точками (например, 192.168.100.47). Для удобства работы числовые адреса заменяются символьными с использованием доменной системы преобразования имен. Система доменов позволяет преобразовывать символьные имена в IP-адреса и обратно определять имя домена по числовому адресу. IP-адреса могут быть статистическими и динамическими. Размещение в Сети информации, доступ к ней, а также внутрисетевой обмен информацией осуществляется при участии спе-

¹⁰ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М. : Кн. мир, 2014. С. 5–6.

¹¹ Узденов Р. М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 651.

циализированных организаций — поставщиков услуг (провайдеров)»¹².

Следует учитывать, что IP-адрес может иметь как статический, так и динамический характер. При этом С. И. Кувычков указывает: «Так как чаще всего динамический IP-адрес компьютеру, подключаемому к сети, назначается провайдером автоматически, то при разнице во времени, зависящей от временных поясов, под данным IP-адресом с интервалом даже в один час могли работать разные пользователи. Судебной практике известны случаи, когда правоохранительные органы, не учитывая указанный момент, изымали компьютерную технику и пытались обвинить людей, не причастных к совершению преступления»¹³. Проверка провайдера, обслуживающего указанные адреса, а также географического нахождения устройства может быть осуществлена и с помощью сетевых ресурсов, таких как, например, WHOIS, RIPE. Однако данные названных сайтов могут иметь лишь ориентирующее, а не доказательственное значение. Существует множество способов сокрытия реального IP-адреса. Чаще всего, конечно, встречается использование VPN-серверов и прокси-серверов. В случае использования прокси-сервера существуют рекомендации по установлению реального IP-адреса:

— принуждение злоумышленника выполнить активный сценарий JavaScript или VBScript, ActiveX, plug-ins для программ-браузеров, программу Java на открываемом сайте, которые могут передавать реальный IP-адрес злоумышленника напрямую, минуя прокси-сервер;

— получение журналов в виде лог-файлов с прокси-сервера путем официальных запросов или с помощью методов интернет-разведки¹⁴.

Применение VPN-серверов осложняет установление реального IP. Ведь сам принцип применения виртуальных частных сетей связан с тем, что зашифрованный запрос пользователя провайдер направляет для подключения к виртуальной сети, после чего последующие запросы проходят через эту сеть и от ее имени. Следовательно, следы пользователя уходят из поля зрения провайдера.

Глубокий Интернет в большинстве случаев использует принцип централизованной сети (клиент-серверную организацию). Однако корпоративные файлообменные сети могут иметь и децентрализованный характер.

Даркнет в большей мере использует принцип распределенной информации децентрализованной сети.

В. Б. Вехов выделяет следующие технологии, используемые в Даркнете:

- 1) специальные поисковые системы (интернет-браузеры);
- 2) технологии, предназначенные для обмена информацией между пользователями (это так называемые файлообменники и мессенджеры);
- 3) анонимайзеры;
- 4) операционные системы специального назначения¹⁵.

При применении TOR используются многослойное шифрование и многоступенчатая передача данных. Как указывают Ю. А. Бондаренко и Г. М. Кизилов, «маршрутизатор в начале передачи информации выбирает случайное число промежуточных маршрутизаторов и генерирует CREATE-сообщения, шифруя их симметричным ключом и указывая для каждого маршрутизатора, какой маршрутизатор будет следующим на пути»¹⁶.

¹² Воробец И. Н. Глобальная сеть Интернет как пространство для совершения преступлений // Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России : доклады междунар. науч.-практ. конференции / под ред. А. М. Кустова, Т. Ю. Прокофьевой. М. : Мэйлер, 2012. С. 71.

¹³ Кувычков С. И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 77.

¹⁴ Лабутин Н. Г. Некоторые способы поиска и определения местонахождения злоумышленников в сети Интернет // Математические методы и информационно-технические средства : сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 164–168.

¹⁵ Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 266–271.

¹⁶ Бондаренко Ю. А., Кизилов Г. М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети Darknet // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 99.

Криминалистическому исследованию Даркнета на настоящий момент посвящено не слишком много источников. Так, Российский индекс научного цитирования при поиске информации по подобному запросу выдает не более 20 источников криминалистического характера. Между тем представляется насущно необходимой разработка указанного вопроса, поскольку многие преступления в наше время осуществляются в дистанционном режиме с использованием «темного Интернета», а его повышенная анонимность приводит к неустановлению участников преступления и оставлению преступления нераскрытым.

Среди общих рекомендаций по осмотру сетевых информационных ресурсов можно выделить следующие:

- обязательное привлечение специалиста, поскольку именно он может определить состав локальной или кампусной сети, количество подключенных устройств и многие другие факторы, особенности работы с городской или глобальной сетью;

- скорейшее установление IP-адресов интернет-ресурсов следствие пользователей. При этом необходимо принимать во внимание существование не только статических, но и динамических (периодически меняющихся при новом подключении) IP-адресов устройств;

- обязательную подготовку электронных носителей с большой емкостью памяти для возможного копирования криминалистически релевантной информации (поскольку даже уже не максимальные, а средние показатели объемов памяти частных электронных устройств сейчас достигают 128–256 Гб для смартфонов, 10–20 Тб для стационарных компьютеров и 1–2 Тб для ноутбуков). При этом использование RAID-массивов еще больше увеличивает емкость памяти соответствующего устройства;

- использование только сертифицированного и принятого на вооружение программно-аппаратного обеспечения, исследующего компьютерную информацию, например программного комплекса «Мобильный криминалист»;

- обязательное наличие в материально-техническом оснащении следственной группы соответствующих «мешков Фарадея» или «клеток Фарадея» для переноса электронных носителей информации с полным блокированием внешнего магнитного, радиоволнового и иного воздействия;

- обязательное исследование сетевых журналов и лог-файлов.

С учетом изложенного можно положительно оценить предложения авторов по разработке и внедрению новых видов следственного осмотра, связанных с осмотром сетевых информационных ресурсов¹⁷. Свои предложения по данному вопросу мы уже высказывали неоднократно в прежних публикациях¹⁸.

Фактически дорожки электронных цифровых следов при исследовании любых из рассматриваемых видов сетей будут достаточно сходными. В. Б. Вехов отмечает возможность выявления следующих записей, связанных с использованием сетевых подключений, в элементах отдельного компьютерного устройства: записей в файловой системе (реестре операционной системы и др.) компьютера преступника, свидетельствующих о подключении и использовании модема, либо записей, содержащихся в модуле идентификации абонента и аппарата связи в компьютерной сети оператора; записей в памяти компьютера или аппарата связи преступника; записей в памяти коммутационного компьютерного устройства контроля, авторизации и аутентификации абонентов в сети оператора(-ов) связи; записей в автоматической системе учета данных для начисления платы за оказанные услуги связи; записей, автомати-

¹⁷ См.: Першин А. Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13–16 ; Сысенко А. Р., Герасименко Н. И. Особенности осмотра информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Закон и право. 2022. № 7. С. 214–217 ; Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. Т. 9. № 2. С. 74–77 ; Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023. С. 69.

¹⁸ См.: Смушкин А. Б. Современное состояние «электронных» следственных действий в России // Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : монография по материалам 4.0 Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 24–25 мая 2023 г.) / под ред. Н. Н. Ковалевой. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2023. С. 216–225 ; Он же. Концепция дистанционной криминалистики. М. : Юрлитинформ, 2024 ; Он же. Концеп-

чески регистрируемых в журнале событий компьютерной сети, который находится на сервере оператора связи в ведении администратора сети; записей, автоматически образующихся в памяти транзитных технологических устройств различных операторов при сопряжении с их сетями передачи данных по протоколу IP; записей в памяти серверов (FTP, SMTP, POP3 и др.) оператора связи, обслуживающего абонентский терминал потерпевшего, о входящих на него вызовах, соединениях и передачах компьютерной информации (электронных сообщений, электронных почтовых отправок и др.), а также дистанционном управлении его информационными ресурсами; записей в файловой системе (реестре операционной системы и др.) компьютера потерпевшего о параметрах изменения подключения модема, настроек браузера, а также о нарушении режима работы или деактивации средств защиты портов и компьютерной информации; записей в памяти компьютера или аппарата связи потерпевшего, содержащих сведения о полученной компьютерной информации, вредоносных программах, несанкционированном изменении системного и прикладного программного обеспечения, а также компьютерной информации потерпевшего либо сбоях в работе ЭВМ, его программного обеспечения и периферийного оборудования¹⁹.

Конечно, научно-технический прогресс не стоит на месте, и отдельные элементы сетей

сейчас изменились (так, практически не используются модемы), но сам принцип изучения дорожки электронных следов в сети остается актуальным и по сей день.

Следует также согласиться с Е. Р. Россинской по вопросу о возможности применения в ходе такого изучения субъективного метода осмотра, выражающегося в данном случае в движении по цифровым следам, оставленным в сети, начиная от скомпрометированной станции, далее по цепочке других компьютеров и серверов до устройства, с которого началось проникновение²⁰.

Заключение

Резюмируя изложенное, можно отметить, что знание следователем специфики осматриваемой сети будет способствовать минимизации риска ошибок, связанных с тратами времени на «пустое» устройство и, соответственно, с потерей фактора внезапности в отношении владельцев иных устройств, включенных в данную сеть. Конечно, в глобальных сетях подобный риск снижается, однако имеют место другие риски: так, А. К. Жарова отмечает, что «разработаны программные технологии, которые позволяют менять IP-адрес, например, возможно создавать динамические, или “невидимые”, или нераспознаваемые IP-адреса»²¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко Ю. А., Кизилов Г. М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети Darknet // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 97–101.

Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 45 с.

Воробец И. Н. Глобальная сеть Интернет как пространство для совершения преступлений // Экономические, правовые и прикладные аспекты преодоления кризиса в европейских странах и России : доклады междунар. науч.-практ. конференции / под ред. А. М. Кустова, Т. Ю. Прокофьевой. М. : Мэйлер, 2012. С. 68–73.

Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. М. : Юрлитинформ, 2023. 216 с.

ция «электронных» следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 165–173.

¹⁹ Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 34.

²⁰ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. С. 95.

²¹ Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1. С. 61–67.

- Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1. С. 61–67.
- Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. Т. 9. № 2. С. 74–77.
- Кувычков С. И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 76–81.
- Лабутин Н. Г. Некоторые способы поиска и определения местонахождения злоумышленников в сети Интернет // Математические методы и информационно-технические средства : сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 164–168.
- Ларина Е. С., Овчинский В. С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М. : Кн. мир, 2014. 380 с.
- Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.
- Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с.
- Пастухов П. С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 622–639.
- Першин А. Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13–16.
- Россинская Е. Р. Особенности тактики и технологии осмотра места происшествия при расследовании компьютерных преступлений // Уголовная политика на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума, Иркутск, 23–25 сентября 2021 г. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2021. С. 181–188.
- Смушкин А. Б. Концепция «электронных» следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 3 (19). С. 165–173.
- Смушкин А. Б. Концептуальные основы частной теории электронной цифровой криминалистики (частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) : монография / под общ. ред. В. Б. Вехова. М. : Русайнс, 2022. 222 с.
- Смушкин А. Б. Концепция дистанционной криминалистики. М. : Юрлитинформ, 2024. 256 с.
- Смушкин А. Б. Современное состояние «электронных» следственных действий в России // Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : монография по материалам 4.0 Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 24–25 мая 2023 г.) / под ред. Н. Н. Ковалевой. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. 216–225.
- Сысенко А. Р., Герасименко Н. И. Особенности осмотра информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Закон и право. 2022. № 7. С. 214–217.
- Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков ; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. 256 с.
- Узденов Р. М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 649–655.
- Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 491 с.
- Электронные носители информации в криминалистике : монография / под ред. д-ра юрид. наук О. С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. 300 с.

REFERENCES

- Bondarenko YuA, Kizilov GM. Problems of identifying and using traces of crimes left on the Darknet network. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2019;5:97-101. (In Russ.).
- Ivanov AN. Remote computer information research: criminal procedural and criminalistic problems. *Proceedings of the Saratov University. The Economics series. Management. Law*. 2009;9(2):74-77. (In Russ.).

- Kuchina OS (ed.). Electronic media in criminalistics. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. (In Russ.).
- Kuvychkov SI. On the issue of the use of electronic information in criminal procedural evidence: theoretical and applied aspect. Legal science and practice: *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;2(30):76-81. (In Russ.).
- Labutin NG. Some ways of searching and locating intruders on the Internet. *Mathematical methods and information technology tools: Collection of proceedings of the 11th All-Russian scientific and practical conference*. Krasnodar; 2014. (In Russ.).
- Larina ES. Cyber wars of the 21st century. What Edward Snowden didn't say. Moscow: Knizhnyi mir Publ.; 2014. (In Russ.).
- Meshcheryakov VA. Fundamentals of the methodology for investigating crimes in the field of computer information. Dr. Sci. Diss. Voronezh; 2001. (In Russ.).
- Meshcheryakov VA. Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital criminology. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Pastukhov PS. Forensic research of electronic media as a new branch of technical and forensic activity. *Perm Legal Almanac*. 2021;4:622-639. (In Russ.).
- Pershin AN. Inspection of network information resources — a new type of investigative action? *Russian Investigator*. 2020;1:13-16. (In Russ.).
- Rossinskaya ER, Semikalenova AI, Ryadovsky IA, Saakov TA. Rossinskaya ER (ed.). Theory of information and computer support for criminalistic activities. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. Features of tactics and technology of scene inspection in the investigation of computer crimes. In: Rossinskaya ER. Criminal policy at the present stage: *Proceedings of the International scientific and practical conference held within the framework of the 2nd Baikal Legal Forum, Irkutsk, September 23–25, 2021*. Irkutsk: Baikal State University; 2021. (In Russ.).
- Smushkin AB. The concept of «electronic» investigative actions. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021;3(19):165-173. (In Russ.).
- Smushkin AB. The concept of remote criminology. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).
- Smushkin AB. The current state of «electronic» investigative actions in Russia/Challenges of the Information Society: trends in the development of legal regulation of digital transformations: Monograph based on Proceedings of 4.0 of the International Scientific and Practical Conference (Saratov, May 24–25, 2023). Kovaleva NN (ed.). Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing House of Saratov State Law Academy; 2023. (In Russ.).
- Smushkin AB. Vekhov VB (ed.). Conceptual foundations of the private theory of electronic digital forensics (private theory of collecting, researching and using electronic digital information and information technology devices). Moscow: Rusains Publ.; 2022. (In Russ.).
- Sysenko AR, Gerasimenko NI. Features of inspection of information stored on Internet resources. *Zakon i pravo*. 2022;7:214-217. (In Russ.).
- Uzdenov RM. New frontiers of cybercrime. *All-Russian Journal of Criminology*. 2016;10(4):649-655. (In Russ.).
- Vekhov VB [et al.]. Vekhov VB, Zuev SV (eds.). Digital criminalistics: Textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. (In Russ.).
- Vekhov VB. Criminalistic doctrine of computer information and means of its processing. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Volgograd; 2008. (In Russ.).
- Vorobets IN. The global Internet as a space for committing crimes. In: Kustov AM, Prokofieva TY (eds.). *Economic, legal and applied aspects of overcoming the crisis in European countries and Russia: Reports of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow: MAILER Publ.; 2012. (In Russ.).
- Zharova AK. About the relationship of personal data with an IP address. Russian and foreign experience. *Journal of the Ural Federal District Information Security*. 2016;1:61-67. (In Russ.).
- Zueva SV, Maslennikova LN (eds.). High-tech criminal procedure. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии
д. 1, Вольская ул., г. Саратов 410056, Российская Федерация
skif32@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 24 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 29 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.*

*Received 24.04.2024.
Revised 29.04.2024.
Accepted 15.08.2024.*

Э. С. Теймуров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Международно-правовое регулирование сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 2)

Резюме. Критически важным для принятия эффективных решений и мер по управлению арктическим биоразнообразием является международное научно-техническое сотрудничество. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г. создает прочную правовую основу для интенсификации текущих и проектирования новых научных исследований в целях получения наилучших научных данных как основы для сохранения и управления ресурсами. Основу международно-правового режима по сохранению и управлению биоразнообразием за пределами национальной юрисдикции в Арктике составляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Относительно всех четырех районов открытого моря в Арктике приняты международно-правовые акты по вопросам регулирования рыболовства. Изучение Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части СЛО 2018 г. позволило выявить существенные недостатки: при определении пространственной сферы применения используется не экосистемный подход; не учитывается предосторожный подход к рыболовству; не создается основа для создания региональной рыбохозяйственной организации; остается открытым вопрос рыболовства со стороны третьих государств. Соглашение о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия районов за пределами национальной юрисдикции 2023 г. развивает ряд институтов, включая МОР и проведение ОВОС. Анализ его положений свидетельствует о нецелесообразности участия в нем России с учетом наличия Соглашения 2017 г. и значительной системы организаций, задействованных в осуществлении совместных морских научно-исследовательских проектов. Соглашение 2023 г. не способно оказать существенный позитивный эффект на международное сотрудничество по сохранению биоразнообразия Арктики, а наоборот будет создавать дополнительные препятствия в проведении научных исследований и налагать финансовые обременения.

Ключевые слова: биоразнообразие за пределами национальной юрисдикции; арктическое биоразнообразие; борьба с изменением климата; предотвращение загрязнения морской среды; правовое регулирование рыболовства; Северный ледовитый океан; международное научно-техническое сотрудничество; арктическое сотрудничество; устойчивое развитие; регулирование туризма в Антарктике

Для цитирования: Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 2). *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 84–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.084-095

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Начало см.: *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 112–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.112-129.

International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 2)

Elvin S. Teymurov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation

Abstract. International scientific and technical cooperation is critically important for making effective decisions and measures to manage Arctic biodiversity. The 2017 Agreement on Strengthening International Arctic Scientific Cooperation creates a solid legal basis for intensifying current and designing new scientific research in order to obtain the best scientific data as a basis for conservation and resource management. The basis of the international legal regime for the conservation and management of biodiversity beyond national jurisdiction in the Arctic is the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. International legal acts on fisheries regulation have been adopted for all four areas of the high seas in the Arctic. The study of the Agreement on the Prevention of Unregulated Fishing on the High Seas in the central part of the 2018 SLA revealed significant shortcomings: when determining the spatial scope of application, an ecosystem approach is not used; a precautionary approach to fishing is not taken into account; the basis for the creation of a regional fisheries management organization is not created; the issue of fishing by third States remains open. The Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity in Areas Beyond National Jurisdiction 2023 develops a number of institutions, including IOE and EIA. An analysis of its provisions indicates the inexpediency of Russia's participation in it, taking into account the existence of the 2017 Agreement and a significant system of organizations involved in the implementation of joint marine research projects. The 2023 Agreement is not capable of having a significant positive effect on international cooperation in the conservation of Arctic biodiversity, but on the contrary will create additional obstacles to scientific research and impose financial burdens.

Keywords: biodiversity beyond national jurisdiction; Arctic biodiversity; combating climate change; preventing marine pollution; legal regulation of fisheries; Arctic Ocean; international scientific and technical cooperation; Arctic cooperation; sustainable development; regulation of tourism in Antarctica

Cite as: Teymurov ES. International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 2). *Lex russica*. 2024;77(9):84-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.084-095

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

See the beginning: *Lex russica*. 2024;77(8):112-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.112-129.

Рыболовство и сохранение биоразнообразия северных широт

Морские и прибрежные экосистемы, а также разнообразие видов, составляющих их структуру, предоставляют человечеству широкий спектр критически важных ресурсов и услуг. В первую очередь это обеспечение продовольственных потребностей населения, а также производство питания для скота. Рыболовство является основным источником занятости для многих прибрежных государств мира. Морские экосистемы обеспечивают хранение и круговорот питательных веществ, регулирование водного баланса, защиту земель от эрозии от штормов и волн, а также фильтрацию загряз-

няющих веществ. В более широком масштабе океаны играют важную роль в регулировании планетарного баланса в гидрологии и климате. Океаны фактически представляют собой наиболее крупные абсорбенты парниковых газов, выполняют функции регулирования климата Земли.

К открытому морю в районе Арктики можно отнести четыре участка: районы «Банан» («Banana Hole») в Норвежском море, «Лазейка» («Loophole») в Баренцевом море, «Дыра от бублика» («Donut Hole») в Беринговом море и центральную часть Северного Ледовитого океана¹. Практически всё морское дно под этими районами будет признано континентальными шельфами прибрежных государств.

¹ Schatz V. S., Proelss A., Liu N. The 2018 Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean: A Critical Analysis // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2019. Vol. 34. P. 198.

Участки «Банан» и «Лазейка» относятся к районам регулирования Комиссии по рыболовству в Северо-Восточной части Атлантического океана (НЕАФК), а «Дыра от бублика» попадает под действие Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря 1994 г.²

Данная Конвенция является попыткой устранить последствия нерегулируемого промысла, который привел к истощению запасов минтая. Россия, США, Япония, Китай, Южная Корея и Польша стремились добиться восстановления и поддержания ресурсов минтая и их оптимального использования на основе достоверных научных данных путем установления допустимого уровня добычи и национальных квот. Однако, эксперты отмечают, что, несмотря на предпринятые усилия, до сих пор не удалось добиться восстановления запасов минтая в центральной части Берингова моря³.

Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.

Основываясь на негативном опыте регулирования рыболовства в центральной части Берингова моря, государства — члены Арктического совета начали разработку международного договора о регулировании рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана. С инициативой заключения подобного соглашения выступил Конгресс США в 2007 г. К переговорному процессу были приглашены Китай, ЕС, Исландия, Япония и Южная Корея. Это обусловлено тем, что они:

- значимые участники в области рыболовства в регионе;
- проявили интерес к переговорам;
- включают все арктические государства;
- являются участниками Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря 1994 г. и НЕАФК.

Со стороны Европейского Союза выдвигались предложения по регулированию арктического рыболовства в рамках НЕАФК и подключению к разработке соглашения ООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН), однако Арктический совет заключил, что регулирование рыболовства должно осуществляться в пределах существующих механизмов, предложения ЕС были отвергнуты арктическими государствами, т.к. не все они являются членами НЕАФК⁴.

Следует отметить, что заключению соглашения предшествовало принятие в 2015 г. Декларации Осло о предотвращении НН промысла в центральной части Северного Ледовитого океана, в которой государства отметили необходимость принятия соответствующих мер на национальном уровне⁵.

3 октября 2018 г. пять арктических государств, четыре иных заинтересованных государства и ЕС заключили Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г. (далее — Соглашение 2018 г.). Оно вступило в силу 25 июня 2021 г. Это первое соглашение, принятое в порядке реализации предосторожного подхода: к периоду его разработки и принятия коммерческий рыболовный промысел в центральной части Северного Ледовитого океана не осуществлялся.

Впрочем, изменение климата уже влечет существенное уменьшение ледяного покрова Арктики и открывает возможности для рыболовства. Хотя последствия изменения климата для рыбных запасов Арктики малоизвестны ввиду недостатка научных данных, данные Межправительственной группы экспертов по изменению климата свидетельствует о том, что изменение температурного режима воды существенно расширяет среду обитания рыбных запасов, мигрирующих в более северные участки Мирового океана⁶.

Можно ли признать Соглашение 2018 г. уникальным передовым опытом регулирова-

² Cinelli C. The Law of the Sea and Arctic Ocean // Arctic Review on Law and Politics. 2011. Vol. 2. P. 16.

³ Dubay D. Round Two for Arctic Fishing? // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. M. H. Nordquist, R. Long. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2021. P. 332–333.

⁴ Schatz V. S., Proelss A., Liu N. Op. cit. P. 204–205.

⁵ Declaration Concerning the Prevention of Unregulated High Seas Fishing in the Central Arctic Ocean, 16 July 2015 // URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/vedlegg/folkerett/declaration-on-arctic-fisheries-16-july-2015.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

⁶ IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. Cambridge University Press, 2019. P. 205, 228.

ния рыболовства в целях охраны окружающей среды и ресурсов открытого моря Северного Ледовитого океана? Представляется, что все-таки оно имеет ряд существенных недостатков. В первую очередь, в отличие от Соглашения ООН по сохранению трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г. и Конвенции по сохранению морских живых ресурсов Антарктики 1980 г., Соглашение 2018 г. при определении пространственной сферы применения базируется не на экосистемном подходе, а исключительно на формально-юридическом.

Специалисты в области международного права окружающей среды и морского права, в частности по вопросам управления рыболовством, отмечают необходимость эксплуатации живых ресурсов на основе предосторожного и экосистемного подходов⁷.

В 2000 г. на 5-й Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. в г. Найроби (Кения) было принято Решение V/6 «Экосистемный подход», в котором отмечается общепризнанный характер экосистемного подхода и призыв к государствам-участникам в максимально возможной степени внедрять его на практике, проводить научные исследования, осуществлять обмен опытом, оказывать техническую и финансовую помощь для его реализации, сотрудничать путем принятия деклараций и подписания меморандумов о взаимопонимании относительно экосистемного подхода, учреждения совместных механизмов и т.д. В соответствии с указанным решением экосистемный подход — стратегия комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами, которая обеспечивает достижение трех целей Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.: сохранения, устойчивого использования и справедливого

распределения выгод, вытекающих из использования ресурсов⁸.

В Кирунской декларации 2013 г. Арктический совет принял следующее определение экосистемного подхода: «всеобъемлющее, интегрированное управление деятельностью человека на основе наилучших имеющихся научных данных и традиционных знаний об экосистеме и ее динамике с целью выявления и принятия мер воздействия, которые имеют решающее значение для состояния экосистем, обеспечивая устойчивое использование экосистемных товаров и услуг и поддержание целостности экосистемы. Эксперты рабочих групп Арктического совета выделяют в нем четыре ключевые составляющие экосистемного подхода:

- 1) касается управления человеческой деятельностью;
- 2) основано на лучших имеющихся научных данных об экосистеме;
- 3) имеет целью принятие эффективных управленческих решений;
- 4) обеспечивает устойчивое использование ресурсов при сохранении целостности экосистемы⁹.

Таким образом, экосистемный подход предусматривает учет целостности экосистем. В то же время Соглашение 2018 г. не учитывает взаимосвязанность ресурсов в рамках экосистем. Так, статья 1 Соглашения 2018 г. в понятие «рыба» включает виды рыб, моллюсков и ракообразных, за исключением сидячих видов, согласно ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Представляется крайне сомнительным утверждать, что ресурсы открытого моря не связаны с сидячими видами. Наличие соответствующего исключения объясняется незавершенным процессом делимитации континентальных шельфов прибрежных государств и, вероятно, является компромиссом, чтобы

⁷ Schatz V. S., Proelss A., Liu N. Op. cit. P. 214–215 ; Бекашев Д. К. Управление рыболовством в центральной части Северного Ледовитого океана // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. Москва, 22 апреля 2017 г. М., 2018. С. 172 ; Он же. Международно-правовой принцип предосторожного подхода в управлении рыболовством // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 44–50 ; Он же. Международно-правовой принцип экосистемного подхода в управлении рыболовством // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 182–190.

⁸ COP Decision V/6 «Ecosystem approach», 15–26 May 2000 // URL: <https://www.cbd.int/decision/cop/?id=7148> (дата обращения: 21.10.2023).

⁹ Løgerwell E., Skjoldal H. R. Guidelines for Implementing an Ecosystem Approach to Management of Arctic Marine Ecosystems. Arctic Council Joint PAME, CAFF, AMAP, SDWG Ecosystem Approach Expert Group. 2019 // URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/28be7b54-05d9-47bc-9fa0-7f6d7263bb89/content> (дата обращения: 21.10.2023).

Соглашение 2018 г. не затрагивало возможные суверенные права прибрежных государств на ресурсы континентального шельфа, тем не менее оно ограничивает применение экосистемного подхода.

Следует заметить, что наличие расширенного континентального шельфа и суверенных прав на сидячие виды является одной из проблем сохранения биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции, которые обсуждались в переговорах по разработке международного юридически обязательного документа на базе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции¹⁰. По мнению ряда авторов, в связи с экологической взаимосвязанностью биоразнообразия прибрежные государства должны быть наделены большим объемом прав в отношении регулирования использования и управления биоразнообразием за пределами национальной юрисдикции, расположенным над континентальным шельфом. Для недопущения возникновения у прибрежных государств более выгодного положения в обмен на эти права они должны принять на себя дополнительные экологические обязательства¹¹. Представляется, что подобные идеи могут быть реализованы в Арктике с учетом особой роли арктических государств в управлении и сохранении биологического разнообразия региона.

С другой стороны, Соглашение 2018 г. не запрещает устанавливать более жесткие меры в районах в пределах юрисдикции государств, включая меры в отношении сидячих видов. Кроме того, неизвестно, насколько возможные меры будут необходимы и значимы для рыбных запасов открытого моря, т.к. сейчас не ведется их промысел.

Наконец, Соглашение 2018 г. все-таки является дополняющим универсальный режим рыболовства. В его преамбуле содержатся прямые отсылки к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Соглашению по сохранению трансграничных рыбных запасов и запасов

далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г., Кодексу ведения ответственного рыболовства 1995 г. и иным документам, принятым ФАО. Более того, статья 14 Соглашения 2018 г. определяет, что оно не наносит ущерб правам, юрисдикции и обязанностям государств, вытекающим из Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Соглашения по рыбным запасам 1995 г.

Группа исследователей Гамбургского университета, анализируя пространственную сферу действия Соглашения 2018 г., обращает внимание, что формулировка «вóды, в которых государства осуществляют рыболовную юрисдикцию» (пп. «а» ст. 1) касается архипелага Шпицберген и звучит нестандартно для рыболовных соглашений, оперирующих термином «морские пространства в пределах национальной юрисдикции». Такая формулировка, по их мнению, указывает на то, что, во-первых, Шпицберген не подпадает под действие Соглашения 2018 г.; во-вторых, признает право Норвегии устанавливать рыбоохранные зоны в этом районе; в-третьих, не свидетельствует о признании этих районов морскими пространствами Норвегии, позволяющим исключить из них другие государства¹².

Соглашение 2018 г. действительно не распространяется на воды вокруг архипелага Шпицберген. В то же время это не свидетельствует об отказе государств от деятельности в этом регионе. В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года одной из основных задач в сфере развития международного сотрудничества закреплено обеспечение российского присутствия на архипелаге Шпицберген на условиях равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Норвегией и другими государствами — участниками Договора о Шпицбергене 1920 г.

Соглашение 2018 г. также невозможно рассматривать всецело как договор, основанный на предосторожном подходе к рыболовству. Оно не налагает полного запрета на коммерческое рыболовство, а запрещает лишь нерегулируемое рыболовство. Согласно ст. 3

¹⁰ Вспомогательные материалы Председателя для проведения переговоров. A/CONF.232/2019/1 от 03.12.2018 // URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.232/2019/1> (дата обращения: 21.10.2023).

¹¹ Mossop J., Schofield C. Biodiversity beyond National Jurisdiction and the Limits of the Commons: Spatial and Functional Complexities // *Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction*. P. 299, 304–305 ; Oegroseno A. H. Managing High Seas through a Sui Generis // *Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction*. P. 19.

¹² Schatz V. S., Proelss A., Liu N. Op. cit. P. 216–217.

Соглашения 2018 г. государства при соблюдении определенных условий могут разрешить судам под их флагами осуществлять промышленное рыболовство в районе действия этого договора.

В соответствии с Соглашением 2018 г. стороны могут разрешить научно-поисковое рыболовство, которое должно ограничиваться по продолжительности, объему работы и масштабу и соответствовать Совместной программе научных исследований и мониторинга или национальной научной программе (ст. 5). Однако не учтена практика Японии относительно моратория на китобойный промысел, который фактически осуществлялся под видом научных исследований¹³, и Соглашение 2018 г. не исключает подобных действий и не содержит механизмов их предотвращения.

Кроме того, как свидетельствует практика региональных рыбохозяйственных организаций (РФМО), поисковое рыболовство тоже может представлять опасность для биоразнообразия. Оно допускается при наличии надежных научных исследований (пп. «с.III» п. 1 ст. 5). Как полагают эксперты, вероятно, среди участников Соглашения 2018 г. было множество дискуссий относительно рассмотрения его в качестве промышленного или некоммерческого рыболовства¹⁴.

Детальные требования к регулированию научных исследований в Соглашении 2018 г. отсутствуют, не установлены ограничения по субъектам и количеству вылавливаемых видов. Их предстоит определять при разработке национальных программ или Совместной программы научных исследований и мониторинга. Стороны закрепили необходимость учета в Совместной программе научных исследований и мониторинга опыта и результатов деятельности соответствующих научных и технических организаций, органов и программ, а также знаний коренных народов и местных жителей (п. 4 ст. 4). К числу этих организаций можно отнести прежде всего упомянутые в Декларации Осло по предотвращению ННН промысла 2015 г. Международный совет по исследованию моря (ИКЕС) и Международную организацию по морским наукам северной части Тихого океана (ПИКЕС), а также организации и инициативы, отмеченные в преамбуле Соглашения по укреп-

лению международного арктического научного сотрудничества 2017 г.

При анализе Соглашения 2018 г. возникает еще один вопрос: а можно ли рассматривать его в качестве основы для создания РФМО? Участники Соглашения 2018 г. в преамбуле отметили, что «в ближайшем будущем осуществление промышленного рыболовства на участке открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана маловероятно и, следовательно, преждевременно учреждать какие-либо дополнительные региональные или субрегиональные рыбохозяйственные организации». При этом в соответствии со ст. 5 Соглашения 2018 г. на основе обзоров его выполнения не исключается возможность создания РФМО или дополнительных договоренностей в будущем.

Кроме того, в преамбуле Соглашения 2018 г. отдельно упоминается НЕАФК и его компетенция в области принятия мер по управлению и сохранению ресурсов центральной части Северного Ледовитого океана. В Арктике фактически функционируют четыре рыбохозяйственные организации (Российско-Норвежская комиссия по рыболовству, НЕАФК, Международная комиссия по сохранению атлантических тунцов (ИККАТ) и Организация по сохранению лосося в северной части Атлантического океана (НАСКО)), которые могли бы распространить сферу регулятивного воздействия на центральную часть Северного Ледовитого океана, однако все они воздержались от соответствующих действий.

Наконец, остается открытым вопрос рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана со стороны государств, не являющихся участниками Соглашения 2018 г. В статье 8 стороны предусмотрели поощрение принятия соответствующих достигнутым договоренностям мер иными государствами, а также принятия мер в соответствии с международным правом для противодействия деятельности судов, имеющих право ходить под флагами иных государств, подрывающей эффективность выполнения Соглашения 2018 г. Представляется обоснованной позиция, согласно которой государства, не являющиеся участниками Соглашения 2018 г., будут обязаны сотрудничать с его участниками по вопросам применения мер по сохранению рыбных запасов на основе Кон-

¹³ Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening), Judgment of the I. C. J. March 31, 2014 // I. C. J. Reports 2014.

¹⁴ Schatz V. S., Proelss A., Liu N. Op. cit. P. 226–227.

венции ООН по морскому праву 1982 г., нормы которой уже стали международно-правовым обычаем, а также соответствующих положений Соглашения по рыбным запасам 1995 г.¹⁵ Тем не менее вопрос остается неопределенным и может привести к возникновению конфликтных ситуаций на практике.

Как показывает практика государств, а также представленный выше анализ Соглашения 2018 г., основу международно-правового режима по сохранению и управлению биоразнообразием за пределами национальной юрисдикции составляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Это подтверждается и тем, что на ее положениях базируется значительное количество договоров, в том числе имплементационное Соглашение по трансграничным рыбным запасам 1995 г.

Соглашение о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия районов за пределами национальной юрисдикции 2023 г.

В связи с необходимостью более детального регулирования сохранения морского биоразнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции в 2004 г. была учреждена неформальная рабочая группа открытого состава для изучения этого вопроса¹⁶. В 2015 г. государствами достигнуто согласие о разработке международного юридически обязательного документа на базе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. относительно сохранения и устойчивого использования морского биологического разнообразия в районах за пределами действия

национальной юрисдикции¹⁷ и об учреждении Подготовительного комитета.

В декабре 2017 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о необходимости созыва Межправительственной конференции по международному юридически обязательному документу на базе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁸ На 5-й сессии 19 июня 2023 г. переговоры были успешно завершены путем согласования текста Соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия районов за пределами действия национальной юрисдикции¹⁹ (далее — Соглашение 2023 г.). Оно открыто для подписания с 20 сентября 2023 г., в настоящий момент его подписали 83 государства, в том числе из государств арктической пятерки — США, Дания и Норвегия²⁰.

Соглашение 2023 г. регулирует вопросы использования и распределения выгод от использования морских генетических ресурсов, под которыми понимаются «любой материал морского растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности и имеющий фактическую или потенциальную ценность» (п. 8 ст. 1). К использованию морских генетических ресурсов не относится рыболовство и связанная с ним деятельность, а рыба и другие живые морские ресурсы, извлеченные при рыболовной и связанной с промыслом деятельности, не рассматриваются в качестве генетических ресурсов (ст. 10).

В период разработки Соглашения 2023 г. велись дискуссии относительно применения к морским генетическим ресурсам режима

¹⁵ *Dubay D.* Op. cit. P. 337.

¹⁶ Oceans and the law of the sea. General Assembly Resolution A/RES/59/24, 17 November 2004 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/24> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁷ Development of an international legally binding instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. General Assembly Resolution A/RES/69/292, 19 June 2015 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/292> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁸ Intergovernmental Conference on an international legally binding instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction // URL: <https://www.un.org/bbnj/> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁹ Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction // URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=a%2Fconf.232%2F2023%2F4> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁰ URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-10&chapter=21&clang=_en (дата обращения: 21.10.2023).

открытого моря или концепции общего наследия человечества; в согласованном тексте договора нашел отражение второй подход. В соответствии с Соглашением 2023 г. создается информационно-координационный механизм, представляющий собой некую платформу, обеспечивающую доступ к информации о видах деятельности, регулируемых Соглашением 2023 г. Государства-участники обязуются предвзвешенно направлять информацию о деятельности, связанной с использованием морских генетических ресурсов, в информационно-координационный механизм, а также сообщать информацию о результатах этой деятельности и обеспечивать доступ к ним.

Кроме того, создается Комитет по обеспечению доступа и совместному использованию выгод, который готовит рекомендации относительно использования выгод от использования морских генетических ресурсов и цифровой информации о последовательностях в отношении морских генетических ресурсов в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Государства-участники вносят платежи или взносы, связанные с коммерциализацией продукции, включая выплату процента от выручки от продажи продукции. Распределение финансовых средств в основном предусмотрено в пользу наращивания потенциала развивающихся и малых островных государств.

В связи с этим требуется серьезный анализ потенциальных выгод от доступа к информации и технологиям, представляемым другими государствами, в сравнении с той, которую Российской Федерации необходимо будет представлять в порядке реализации Соглашения 2023 г., если будет выражено согласие на его обязательность. Применительно к Арктическому региону возникает еще больше вопросов о целесообразности принятия подобных обязательств с учетом наличия Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г., а также целой системы организаций, задействованных в совместных морских научно-исследовательских проектах.

Части III и IV Соглашения 2023 г. посвящены унификации на глобальном уровне порядка и критериев установления зонально привязанных инструментов хозяйствования, включая морские охраняемые районы (МОР), а также проведения оценки воздействия на окружающую среду планируемых видов деятельности, выдачи разрешений на их осуществление и контроля за соблюдением условий осуществления. Как зонально привязанные инструменты хозяйствования, так и проведение оценки воздействия на окружающую среду являются распространенными институтами в международном и национальном праве²¹. Для оценки целесообразности их установления и соответствия положениям Соглашения 2023 г. учреждается Научно-технический орган. В целом можно позитивно оценить попытку унификации и раскрытия соответствующих институтов на универсальном уровне, в особенности обеспечение связанности различных зонально привязанных инструментов хозяйствования. Однако стоит согласиться с мнением Т. Л. МакДормана, который отмечает, что «МОР устанавливаются решением конференций сторон, и, как показывает опыт конференций сторон Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г., их решения не являются обязательными. Соответственно, никакого реального эффекта относительно существующих режимов РФМО это не окажет»²².

В Соглашении 2023 г. подробно урегулированы вопросы сотрудничества по наращиванию потенциала и передаче морской технологии. Это предполагает содействие, в частности, развивающимся государствам-участникам в реализации Соглашения 2023 г., обеспечение инклюзивного, равноправного и эффективного сотрудничества, развитие морского научно-технического потенциала, в том числе путем предоставления доступа к морской технологии, обмен знаниями о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Для контроля исполнения соответствующих положений учре-

²¹ См. подробнее: *Вылегжанин А. Н., Пушкарева Э. Ф.* Международно-правовые вопросы установления морских охраняемых районов // *Московский журнал международного права.* 2019. № 3. С. 22–46; *Теймуров Э. С.* Морской охраняемый район и иные зонально привязанные инструменты хозяйствования: международно-правовые проблемы // *Lex russica.* 2021. № 7 (176). С. 95–110.

²² *McDorman T. L.* A Few Words on the «Cross-Cutting Issue» — The Relationship between a BBNJ Convention and Existing, Relevant Instruments and Frameworks and Relevant Global, Regional and Sectoral Bodies // *Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction.* P. 283–284.

дается Комитет по наращиванию потенциала и передаче морской технологии. С учетом того, что в Арктическом совете и заключенных под его эгидой соглашениях участвуют развитые государства, указанные положения вряд ли способны внести заметный вклад в развитие сотрудничества по сохранению и управлению биоразнообразием северных широт.

Таким образом, ратификация Соглашения 2023 г. фактически не способна оказать весомое позитивное влияние на международное сотрудничество по сохранению и управлению биоразнообразием Арктики, а, наоборот, будет создавать дополнительные препятствия в проведении научных исследований и налагать финансовые обременения в виде различных выплат за использование морских генетических ресурсов участков открытого моря.

Несомненно, вклад в эффективное управление биоразнообразием в северных широтах вносит и Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., а также принимаемые конференциями сторон этой Конвенции решения. Несмотря на то что в литературе высказывается мнение о том, что данная Конвенция применима только в районах под юрисдикцией государств²³, ее требования могут распространяться и в районах за пределами юрисдикции государств в отношении лиц и осуществляемых ими видов деятельности, подчиняющихся требованиям государства флага. Пункт 2 ст. 22 Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. предписывает, что относительно морской среды государства-участники осуществляют положения Конвенции, не вступая в противоречие с правами и обязанностями государств, предусмотренными морским правом. Конвенция налагает целый ряд общих обязательств, подлежащих имплементации в национальных правовых порядках: например, стороны должны разработать национальные планы, стратегии или программы по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия; проводить мониторинг биоразнообразия на своих территориях; выявлять и регулировать деструктивную деятельность; интегрировать вопросы биоразнообразия в процесс принятия решений на национальном уровне; сохранять традиционные знания коренных народов. Более того, в рамках Конвенции

осуществляют функции различные группы экспертов, в том числе по вопросам сохранения морского биоразнообразия. Например, Группой экспертов по программе работы по морскому и прибрежному биоразнообразию сформированы требования к установлению морских и прибрежных охраняемых районов, которые утверждены решением Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.²⁴.

Немаловажную регулятивную роль в этой сфере играют также иные международные акты. Так, Соглашение 2018 г. отсылает к «международным стандартам» в области рыболовства (пп. «а» п. 1 ст. 3). К ним, в частности, могут быть отнесены Соглашение ФАО о содействии соблюдению международных мер по сохранению и управлению рыболовными судами в открытом море 1993 г., Кодекс ведения ответственного рыболовства 1995 г. и другие акты, принятые ФАО и РФМО в пределах их компетенций.

Таким образом, основу международно-правового режима по сохранению биоразнообразия и управлению им за пределами национальной юрисдикции составляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Соглашение по трансграничным рыбным запасам 1995 г. и ряд других международных договоров. Относительно всех четырех районов открытого моря в Арктике приняты международно-правовые акты по вопросам регулирования рыболовства. При этом Соглашение 2018 г. имеет ряд существенных недостатков. В первую очередь отсутствие должного экосистемного подхода в связи с исключением сидячих видов из сферы действия документа. Соглашение 2018 г. также не может рассматриваться всецело как договор, основанный на предосторожном подходе к рыболовству, т.к. оно запрещает лишь нерегулируемое рыболовство, а не в целом коммерческое рыболовство. Кроме того, не исключаются риски злоупотребления научно-поисковым рыболовством в связи с отсутствием требований на международном уровне. Проблемой также может стать осуществление рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана со стороны государств, не являющихся участниками Соглашения 2018 г.

Применительно к Арктическому региону нецелесообразно присоединение к Соглашению

²³ Qureshi W. A. Marine Biodiversity Conservation: The International Legal Framework and Challenges // *Houston Journal of International Law*. 2018. Vol. 40. P. 893–897.

²⁴ COP Decision VII/5 «Marine and coastal biological diversity», 13 April 2004 // URL: <https://www.cbd.int/decisions/cop/7/5> (дата обращения: 21.10.2023).

на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия районов за пределами национальной юрисдикции 2023 г. За счет распространения концепции общего наследия человечества на морские генетические ресурсы, наложения финансовых обязательств в связи с их использованием и наращиванием потенциала, за счет регламентации проведения научных исследований Соглашение 2023 г. фактически не способно позитивно повлиять на международное сотрудничество по сохранению и управлению биоразнообразием Арктики. Оно будет создавать дополнительные препятствия в проведении научных исследований и налагать финансовые обременения.

Заключение

Основу международно-правового режима по сохранению и управлению биоразнообразием за пределами национальной юрисдикции составляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Это подтверждается практикой арктических государств и тем, что на положениях этой Конвенции базируется значительное количество договоров, в том числе Соглашение по трансграничным рыбным запасам 1995 г. Относительно всех четырех районов открытого моря в Арктике приняты международно-правовые акты по вопросам регулирования рыболовства. Они относятся к районам регулирования НЕАФК, Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря 1994 г. и Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.

Соглашение 2018 г. имеет ряд существенных недостатков. В первую очередь при определении пространственной сферы применения документ базируется не на экосистемном подходе, а на формально-юридическом и не учитывает взаимосвязанность ресурсов в рамках экосистем (из сферы его действия исключены сидячие виды). С учетом экологической взаимосвязанности биоразнообразия арктические государства могли бы рассмотреть возможность добиваться большего объема прав в отношении биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции, расположенного над расширенным континентальным шельфом, — в обмен на экологические обязательства.

Соглашение 2018 г. невозможно рассматривать как договор, основанный на предосторожном подходе к рыболовству. Оно запрещает не вообще коммерческое рыболовство, а лишь нерегулируемое рыболовство. Государства при соблюдении определенных условий могут разрешить промышленное рыболовство. Кроме того, разрешается научно-поисковое рыболовство без особых требований, определенных на международном уровне. С учетом практики Японии относительно моратория на китобойный промысел Соглашение 2018 г. не исключает подобных действий и не содержит механизмов их предотвращения.

Соглашение 2018 г. не является основой для создания РФМО, однако не исключает подобную возможность в будущем. В преамбуле Соглашения отдельно упоминается НЕАФК и его компетенция в области принятия мер по управлению и сохранению ресурсов центральной части Северного Ледовитого океана. При этом в Арктике фактически функционируют четыре рыбохозяйственные организации (Российско-Норвежская комиссия по рыболовству, НЕАФК, ИККАТ и НАСКО), которые могли бы распространить сферу регулятивного воздействия на центральную часть Северного Ледовитого океана, однако они воздержались от этого.

Остается открытым вопрос рыболовства в центральной части Северного Ледовитого океана со стороны государств, не являющихся участниками Соглашения 2018 г. Государства-участники предусмотрели принятие мер в соответствии с международным правом для противодействия деятельности иностранных судов, подрывающих эффективность выполнения Соглашения 2018 г. Государства, не являющиеся участниками Соглашения 2018 г., будут обязаны сотрудничать с его участниками по вопросам применения мер по сохранению рыбных запасов на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., нормы которой уже стали международно-правовым обычаем, а также соответствующих положений Соглашения по рыбным запасам 1995 г.

19 июня 2023 г. заключено Соглашение на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия районов за пределами национальной юрисдикции. Соглашение 2023 г. регулирует вопросы использования и распределения выгод от использования морских генетических ресурсов, фактически распространяя на них концепцию общего наследия чело-

вещества. В связи с этим возникает потребность в серьезном анализе потенциальных выгод от доступа к соответствующей информации и технологиям, предоставляемым другими государствами, в сравнении с той, которую России необходимо будет представлять в порядке реализации Соглашения 2023 г. Применительно к Арктическому региону возникает еще больше вопросов о целесообразности принятия подобных обязательств с учетом наличия Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г., а также системы организаций, задействованных в совместных морских научно-исследовательских проектах.

Ряд разделов Соглашения 2023 г. посвящен унификации на глобальном уровне порядка и критериев установления зонально привязанных инструментов хозяйствования, проведения оценки воздействия на окружающую среду планируемых видов деятельности, а также сотрудничеству по наращиванию потенциала и передаче морской технологии. В целом можно позитивно оценить попытку унификации и раскрытия соответствующих институтов на универ-

сальном уровне, в особенности обеспечение связанности различных зонально привязанных инструментов хозяйствования. Однако поскольку в Арктике деятельность осуществляют развитые государства, Соглашение 2023 г. фактически не будет иметь позитивного эффекта в области международного сотрудничества по сохранению и управлению биоразнообразием Арктики, наоборот, оно создаст дополнительные препятствия для научных исследований и наложит финансовые обременения.

Значительное влияние на эффективное управление биоразнообразием в северных широтах оказывает Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., а также принимаемые конференциями сторон этой Конвенции решения. Кроме того, немаловажную регулятивную роль в этой сфере играют иные международные акты, к числу которых могут быть отнесены Соглашение ФАО о содействии соблюдению международных мер по сохранению и управлению рыболовными судами в открытом море 1993 г., Кодекс ведения ответственного рыболовства 1995 г. и другие акты, принятые ФАО и РФМО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекашев Д. К. Международно-правовой принцип предосторожного подхода в управлении рыболовством // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 44–50.
- Бекашев Д. К. Международно-правовой принцип экосистемного подхода в управлении рыболовством // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 182–190.
- Бекашев Д. К. Управление рыболовством в центральной части Северного Ледовитого океана // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. Москва, 22 апреля 2017 г. М., 2018. С. 171–179.
- Вылегжанин А. Н., Пушкарева Э. Ф. Международно-правовые вопросы установления морских охраняемых районов // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 22–46.
- Теймуров Э. С. Морской охраняемый район и иные зонально привязанные инструменты хозяйствования: международно-правовые проблемы // Lex russica. 2021. № 7 (176). С. 95–110.
- Cinelli C. The Law of the Sea and Arctic Ocean // Arctic Review on Law and Politics. 2011. Vol. 2. P. 4–24.
- Dubay D. Round Two for Arctic Fishing? // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. M. H. Nordquist, R. Long. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2021. P. 331–342.
- Logerwell E., Skjoldal H. R. Guidelines for Implementing an Ecosystem Approach to Management of Arctic Marine Ecosystems. Arctic Council Joint PAME, CAFF, AMAP, SDWG Ecosystem Approach Expert Group. 2019. 20 p. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/28be7b54-05d9-47bc-9fa0-7f6d7263bb89/content>.
- McDorman T. L. A Few Words on the «Cross-Cutting Issue» — The Relationship between a BBNJ Convention and Existing, Relevant Instruments and Frameworks and Relevant Global, Regional and Sectoral Bodies // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. M. H. Nordquist, R. Long. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2021. P. 273–284.
- Mossop J., Schofield C. Biodiversity beyond National Jurisdiction and the Limits of the Commons: Spatial and Functional Complexities // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. M. H. Nordquist, R. Long. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2021. P. 285–308.
- Oegroseno A. H. Managing High Seas through a Sui Generis // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. M. H. Nordquist, R. Long. Leiden ; Boston : Brill Nijhoff, 2021. P. 18–19.

Qureshi W. A. Marine Biodiversity Conservation: The International Legal Framework and Challenges // *Houston Journal of International Law*. 2018. Vol. 40. P. 845–935.

Schatz V. S., Proelss A., Liu N. The 2018 Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean: A Critical Analysis // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2019. Vol. 34. P. 195–244.

REFERENCES

Bekyashev DK. Fisheries management in the central part of the Arctic Ocean. In: Aktualnie problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Proceedings of the 15th International Congress. In 3 vol. Abashidze AKh, Emelyanova NN, editors. 2018. Pp. 171–179. (In Russ.).

Bekyashev DK. The international legal principle of a precautionary approach in fisheries management. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2016;2(93):44-50. (In Russ.).

Bekyashev DK. The international legal principle of the ecosystem approach in fisheries management. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2016;8(69):182-190. (In Russ.).

Cinelli C. The Law of the Sea and Arctic Ocean. *Arctic Review on Law and Politics*. 2011;2:4-24.

Dubay D. Round Two for Arctic Fishing? In: Nordquist MH, editor. Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction. Series: Center for Oceans Law and Policy. Brill; 2021. Pp. 331–342.

Logerwell E, Skjoldal HR. Guidelines for Implementing an Ecosystem Approach to Management of Arctic Marine Ecosystems. Arctic Council Joint PAME, CAFF, AMAP, SDWG Ecosystem Approach Expert Group. 2019. [Electronic resource]. Accessed from: <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/28be7b54-05d9-47bc-9fa0-7f6d7263bb89/content>.

McDorman TL. A Few Words on the «Cross- Cutting Issue» — The Relationship between a BBNJ Convention and Existing, Relevant Instruments and Frameworks and Relevant Global, Regional and Sectoral Bodies. In: Nordquist MH, editor. Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction. Series: Center for Oceans Law and Policy. Brill; 2021. Pp. 273–284.

Mossop J, Schofield C. Biodiversity beyond National Jurisdiction and the Limits of the Commons: Spatial and Functional Complexities. In: Nordquist MH, editor. Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction. Series: Center for Oceans Law and Policy. Brill; 2021. Pp. 285–308.

Oegroseno AH. Managing High Seas through a Sui Generis. In: Nordquist MH, editor. Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction. Series: Center for Oceans Law and Policy. Brill; 2021. Pp. 18–19.

Qureshi WA. Marine Biodiversity Conservation: The International Legal Framework and Challenges. *Houston Journal of International Law*. 2018;40:845-935.

Schatz VS, Proelss A, Liu N. The 2018 Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean: A Critical Analysis. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2019;34:195-244.

Teimurov ES. Marine protected area and other zonally linked management tools: international legal problems. *Lex Russica*. 2021;7(176):95-110. (In Russ.).

Vylegzhanin AN, Pushkareva EF. International legal issues of establishing marine protected areas. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2019;3:22-46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
esteymurov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvin S. Teymurov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
esteymurov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 13 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 12 июля 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 13.03.2024.
Revised 12.07.2024.
Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.096-106

Д. С. ВечернинМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Перспективы совершенствования международно-правовых основ коллективной продовольственной безопасности в рамках реализации концепции устойчивого развития

Резюме. В статье проводится анализ международно-правовых документов в области устойчивого развития с целью выявления проблем правового регулирования обеспечения коллективной продовольственной безопасности и подготовки предложений по его совершенствованию. Автор приходит к следующим выводам: 1) в международно-правовых документах не содержится универсального нормативного определения понятий «коллективная продовольственная безопасность» и «устойчивое развитие», на глобальном уровне существующие определения являются частью актов, которые принято относить к нормам «мягкого» права; 2) на уровне региональных международных организаций прослеживается обратная тенденция — нормативное закрепление понятия «продовольственная безопасность», принципов и подходов к ее достижению на коллективной основе в контексте концепции устойчивого развития; 3) неудовлетворительные промежуточные результаты в части ликвидации голода и достижения продовольственной безопасности (ЦУР 2) на глобальном уровне вызваны несовершенством нормативного регулирования и недостаточно эффективной международной системой контроля за достижением поставленных задач. Предложены правовые меры для более эффективного достижения целей устойчивого развития, в частности обоснована необходимость разработки проекта международного договора о реализации целей устойчивого развития до 2045 г. При подготовке международно-правовых документов рекомендуется учитывать положения актов региональных международных организаций стратегического характера, в том числе затрагивающих вопросы продовольственной безопасности. С учетом успешного обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне предлагается усовершенствовать механизм глобального контроля достижения ЦУР 2 путем заключения рамочных конвенций на уровне региональных международных организаций.

Ключевые слова: международное право; устойчивое развитие; цели устойчивого развития (ЦУР); Организация Объединенных Наций; Повестка-2030; продовольственная безопасность; питание

Для цитирования: Вечернин Д. С. Перспективы совершенствования международно-правовых основ коллективной продовольственной безопасности в рамках реализации концепции устойчивого развития. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 96–106. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.096-106

Prospects for Improving the International Legal Framework for Collective Food Security along the Implementation of the Concept of Sustainable Development

Denis S. VecherninKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes international legal documents in the field of sustainable development in order to identify problems of legal regulation of collective food security and prepare proposals for its improvement.

© Вечернин Д. С., 2024

The author comes to the following conclusions. 1. International legal documents do not contain a universal regulatory definition of the concepts of «collective food security» and «sustainable development». At the global level, the currently existing definitions are part of acts that are commonly attributed to the norms of «soft» law. 2. At the level of regional international organizations, there is a reverse trend of normative consolidation of the concept of «food security», principles and approaches to achieve it on a collective basis in the context of the concept of sustainable development. 3. Unsatisfactory interim results in parts of eliminating hunger and achieving food security (SDG 2) at the global level are caused by imperfect legal regulation and an insufficiently effective international system for monitoring the achievement of the set goals. The author proposes legal measures to achieve the sustainable development goals more effectively. In particular, the need to prepare a draft international treaty on the implementation of the sustainable development goals until 2045 is justified. When preparing international legal documents in the field of sustainable development, it is recommended to take into account the provisions of acts of regional international organizations of a strategic nature, including those affecting food securities. Taking into account the successful provision it is proposed to improve the mechanism for global monitoring of the achievement of SDG 2 at the regional level by concluding framework conventions at the level of regional international organizations.

Keywords: international law; sustainable development; Sustainable Development Goals (SDGs); United Nations; Agenda 2030; food security; nutrition

Cite as: Vechernin D.S. Prospects for Improving the International Legal Framework for Collective Food Security along the Implementation of the Concept of Sustainable Development. *Lex russica*. 2024;77(9):96-106. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.096-106

Обеспечение населения земли безопасным и полноценным питанием является одной из самых насущных глобальных проблем человечества.

По прогнозам ООН¹, население в мире к 2030 г. достигнет 8,5 млрд человек, к 2050 г. — 9,7 млрд и к 2100 г. — 10,4 млрд. Основной прирост до 2050 г. придется на Африканский континент. Как отмечают эксперты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН)², в странах Африки доля населения, сталкивающегося с проблемой голода, значительно выше, чем в других регионах мира, и составляет около 20 % населения. При этом распространенность голода в Африке с 2015 г. увеличилась на 4,4 процентных пункта.

К 2030 г. около 8 % населения мира столкнется с голодом (в 2022 г. — 2,8 %)³. В развивающихся африканских странах с наибольшим

приростом населения прогнозируется существенный рост масштабов голода, что грозит мировому сообществу крайне негативными политическими и социально-экономическими последствиями.

Текущее положение дел в сфере обеспечения продовольствием населения в мире характеризуется учреждениями ООН как глобальный продовольственный кризис. По оценкам экспертов Всемирной продовольственной программы, в 78 странах более 333 млн человек столкнулось с острой проблемой отсутствия продовольственной безопасности в 2023 г.⁴ Это рост почти на 200 млн человек по сравнению с уровнями до пандемии COVID-19.

Как справедливо отметил исполнительный директор Всемирной продовольственной программы Д. Бисли⁵, игнорирование продовольственного кризиса может в скором времени

¹ Глобальные вопросы повестки дня. Народонаселение // URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 31.03.2024).

² Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире, 2023 // URL: <https://www.fao.org/3/cc3017ru/online/state-food-security-and-nutrition-2023/food-security-nutrition-indicators.html> (дата обращения: 31.03.2024).

³ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире, 2022 // URL: <https://www.fao.org/3/cc0639ru/online/sofi-2022/key-messages.html> (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Глобальный продовольственный кризис, 2023 : Еще один год крайней опасности для тех, кто изо всех сил пытается прокормить свои семьи // URL: <https://www.wfp.org/global-hunger-crisis> (дата обращения: 31.03.2024).

⁵ Директор программы ООН предупредил о массовом голоде в случае сохранения продовольственного кризиса // Коммерсант. 2022. 20 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5470338?ysclid=lsizstoo-cr766411525> (дата обращения: 31.03.2024).

привести к массовому голоду, политической дестабилизации в десятках стран и неконтролируемой миграции.

Отличительной особенностью обеспечения продовольственной безопасности является то, что данная глобальная проблема человечества не может быть решена обособленными усилиями отдельных государств и требует международного сотрудничества, совместных согласованных действий субъектов международного права на национальном, региональном и глобальном уровнях.

С принятием Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания, одобренной резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1974 г., было официально признано существование продовольственной проблемы на международном уровне и началось создание системы обеспечения всемирной продовольственной безопасности.

Решение проблемы продовольственной безопасности рассматривается научным сообществом в контексте реализации концепции устойчивого развития, которая представляет собой складывающуюся с конца XX в. новую модель социального и технологического прогресса человеческой цивилизации, призванную обеспечить баланс между социально-экономическим развитием и сохранением окружающей среды.

В октябре 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁶ (далее — Повестка дня на период до 2030 года), которая выделяет 17 целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, отражающих самые важные направления развития человечества, в том числе обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания.

Однако, несмотря на прилагаемые ООН и ее специализированными учреждениями, международными организациями и отдельными странами значительные усилия, в обла-

сти достижения целей устойчивого развития сложилась неблагоприятная ситуация. Политическая декларация, принятая на политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2023 г., констатирует⁷, что по прошествии половины срока, отведенного на реализацию Повестки дня на период до 2030 года, в достижении большинства ЦУР наблюдается либо слишком медленный прогресс, либо откат назад по сравнению с базовыми показателями 2015 г.

Так, ЦУР 2, предусматривающая к 2030 г. ликвидацию голода и достижение продовольственной безопасности, в 2023 г. не только по-прежнему далека от достижения, но и сам тренд демонстрирует негативную динамику⁸, что ставит под сомнение ее достижение в заявленные сроки.

В настоящем исследовании автором принята попытка анализа международно-правовых документов в области устойчивого развития для выявления проблем правового регулирования обеспечения коллективной продовольственной безопасности и подготовки предложений по его совершенствованию.

В научном сообществе не прекращается дискуссия о содержании, роли и значении концепции устойчивого развития в современном международном праве. Учитывая активное использование понятия «устойчивое развитие» в различных правовых источниках и широкий спектр целей и задач Повестки дня на период до 2030 года, исследователи стремятся уточнить содержание данной дефиниции и определить ее место в системе международного права.

Необходимо отметить, что в доктрине международного права концепция устойчивого развития изучается главным образом через призму норм международного права, регулирующих природопользование и охрану окружающей среды. В данном контексте необходимо отметить как отечественных исследователей⁹, так и их зарубежных коллег¹⁰.

⁶ URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

⁷ URL: <https://www.un.org/en/conferences/SDGSummit2023/political-declaration> (дата обращения: 13.02.2024).

⁸ Глобальный доклад об устойчивом развитии за 2023 год «Времена кризиса, времена перемен: наука для ускорения преобразований в направлении устойчивого развития» // URL: <https://sdgs.un.org/gsdrr/gsdrr2023> (дата обращения: 13.02.2024).

⁹ См., например: Андреева Е. М. Устойчивое развитие как основа современных концепций права природопользования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 91; Бринчук М. М. Устойчивое развитие как фактор обеспечения экологической безопасности // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 155; Соколова Н. А. Концепция устойчивого разви-

В академическом сообществе господствует представление о том, что концепция устойчивого развития начала формироваться в связи с потребностью решения глобальных экологических проблем и нашла первоначальное закрепление в Стокгольмской декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды¹¹ и Докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» 1987 г.¹²

На наш взгляд, проблема голода и недоедания, а также создание эффективной системы продовольственной безопасности в планетарном масштабе являются составляющими концепции устойчивого развития с момента начала ее формирования в середине XX в.

Устав Организации Объединенных Наций провозглашает цели и принципы, которые касаются достижения международного прогресса и развития посредством обеспечения международной безопасности, в том числе в продовольственной сфере.

В этой связи полагаем, что международные договоры и декларации, объектом которых являются отношения субъектов международного права по поддержанию продовольственной безопасности, также являются важным элементом концепции устойчивого развития и должны способствовать ее эффективной реализации на международном, региональном и национальном уровне.

В качестве примера можно привести первую Конвенцию о продовольственной помощи, которая являлась частью Международного соглашения по зерну 1967 г.¹³ и была призвана осуществлять программу продовольственной

помощи в интересах развивающихся стран. Одноименные редакции данной конвенции были приняты в 1971, 1980, 1995 и 1999 гг.

Опирающаяся на постулаты устойчивого развития действующая Конвенция о продовольственном содействии 2012 г.¹⁴ направлена на повышение эффективности, производительности и качества продовольственного содействия в целях сохранения жизни и облегчения страдания наиболее уязвимых групп населения планеты.

Что касается иных источников договорного права, а также актов «мягкого» международного права, то в данном контексте необходимо отметить прежде всего Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹⁵, провозгласивший право каждого индивидуума на свободу от голода, которое должно обеспечиваться индивидуальными или коллективными действиями государств посредством улучшения технологий производства, хранения и распределения продуктов питания на основе использования накопленных научных и технических знаний (данная характеристика позднее эволюционировала в формулировку «устойчивое развитие сельскохозяйственного сектора»).

Принятая в рамках реализации положений данного Пакта Декларация социального прогресса и развития 1969 г.¹⁶ обозначила ликвидацию голода и недоедания и гарантию права на надлежащее питание в качестве главных целей достижения международного прогресса и развития.

Декларация о праве на развитие, принятая резолюцией 41/128 Генеральной ассамблеи ООН 4 декабря 1986 г.¹⁷, сформировала новый

тия и международное право окружающей среды // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1 (11). С. 229.

¹⁰ См., например: *Atapattu S. A. Emerging Principles of International Environmental Law*. Ardsley, N. Y. : Transnat. Publ., 2006 ; *Birnie P. W., Boyle A. International Law and the Environment*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002 ; *Sands Ph. Principles of International Environmental Law*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 200.

¹¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 13.02.2024).

¹² World Commission on Environment and Development, «Our Common Future» / ed. G. Brundtland. Oxford : Oxford Univ. Press, 1987.

¹³ International Grains Arrangement 1967 // URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20727/volume-727-I-10455-English.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁴ Food Assistance Convention 2012 // URL: https://treaties.un.org/doc/source/signature/2012/CTC_XIX-48.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 13.03.2024).

¹⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения: 13.03.2024).

¹⁷ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 04.04.2024).

подход к решению проблемы устойчивого развития посредством реализации прав человека и определила доступ к питанию в качестве одного из важнейших направлений реализации права на развитие на национальном уровне.

Нормативное закрепление концепции устойчивого развития в международном праве традиционно связывается с результатами Конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-Де-Жанейро, которая прошла с 3 по 14 июня 1992 г. и завершилась принятием ряда важных документов, в том числе Повестки дня на XXI век¹⁸.

Являющаяся одним из первых программных планов действий человечества в новом столетии, Повестка дня на XXI век закрепляет в качестве условия достижения устойчивого развития коллективное решение ее ключевых социально-экономических задач. В числе таких задач — содействие устойчивому ведению сельского хозяйства и развитию сельских районов, которое невозможно без обеспечения продовольственной безопасности¹⁹. Иными словами, достижение продовольственной безопасности в рамках рациональной (устойчивой) сельскохозяйственной деятельности становится одной из долгосрочных целей устойчивого развития.

Развивая идеи Повестки дня на XXI век, Римская декларация о мировой продовольственной безопасности 1996 г. и План действий всемирного продовольственного саммита установили²⁰, что достижение устойчивой мировой продовольственной безопасности является неотъемлемой частью достижения социальных, экономических, экологических целей и целей человеческого развития.

Одобренная Генеральной ассамблеей ООН по итогам состоявшейся в июне 1997 г. дискуссии резолюция «Повестка дня для развития»²¹ уточнила, что экономическое развитие, социальное развитие и охрана окружающей среды являются взаимозависимыми и взаимоусиливающими компонентами устойчивого развития, которое представляет собой основу для усилий по повышению уровня жизни всех людей. Данная резолюция также подтвердила, что борьба с голодом и недоеданием и достижение продовольственной безопасности относятся к основным целям повестки дня.

Данный подход к содержанию концепции устойчивого развития был в дальнейшем закреплён в таких важных международно-правовых документах, как Декларация тысячелетия²², Декларация Всемирного продовольственного саммита: Пять лет спустя (13.06.2002)²³, Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию²⁴, Декларация Всемирного продовольственного саммита (18.11.2009)²⁵, итоговая резолюция Конференции ООН «Будущее, которого мы хотим» 2012 г. и, наконец, Повестка дня на период до 2030 года.

Анализ вышеуказанных источников позволяет сделать вывод о том, что несмотря на развитие идеи устойчивого развития в международном праве после Второй мировой войны и принятие большого количества международно-правовых актов, относящихся к международно-правовому обеспечению устойчивого развития в целом, созданный массив международных документов не содержит универсального нормативного определения понятий «коллективная продовольственная безопасность» и «устойчивое развитие». Существующие на

¹⁸ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml (дата обращения: 13.04.2024).

¹⁹ Как отмечается в Повестке дня на XXI век, основной целью обеспечения продовольственной безопасности является значительный рост сельскохозяйственного производства на устойчивой основе и достижение существенного улучшения снабжения населения адекватным продовольствием и традиционными продуктами питания.

²⁰ URL: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm> (дата обращения: 13.04.2024).

²¹ URL: <https://base.garant.ru/2565426/?ysclid=lv0xw4j6n1431417687> (дата обращения: 13.04.2024).

²² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 13.04.2024).

²³ URL: https://en.wikisource.org/wiki/Declaration_of_the_World_Food_Summit:_five_years_later (дата обращения: 13.04.2024).

²⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 13.04.2024).

²⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 13.04.2024).

глобальном уровне определения являются преимущественно частью актов, имеющих рекомендательный и не связывающий обязательствами характер.

Данная ситуация характерна не только для концепции устойчивого развития, но и для концепции развития, теоретические и нормативные основы которой до сих пор ждут разъяснения в официальных документах ООН²⁶.

На региональном уровне реализация различных направлений устойчивого развития, включая обеспечение продовольственной безопасности, осуществляется в рамках международных организаций.

Неэффективность решения проблемы продовольственной безопасности на уровне отдельных государств Африки и рост масштабов голода на Африканском континенте привели к включению данного вопроса в повестку Африканского союза и принятию соответствующих политических и нормативных решений в рамках данной международной организации.

В январе 2015 г. главами государств и правительств государств — членов Африканского союза была одобрена Повестка дня на период до 2063 года²⁷, являющаяся программой коллективных целей стран и народов на предстоящие десятилетия.

Раскрывая содержание стремления государств Африканского союза добиться процветания на основе инклюзивного роста и устойчивого развития, данная Повестка дня декларирует необходимость создания к 2063 г. современной сельскохозяйственной отрасли, которая должна обеспечить коллективную продовольственную безопасность.

Положения Повестки дня на период до 2063 года в дальнейшем были закреплены как в стратегических документах Африканского союза, так и в национальных стратегиях и планах развития государств.

В частности, Африканская региональная стратегия в области питания на 2015–2025 годы²⁸ (далее — Стратегия) учитывает не только намерения Повестки дня на период до 2063 года, но и цели Повестки дня на период до 2030 года,

в том числе ЦУР 2 в части обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания. Данная Стратегия закрепляет общий подход стран к пониманию коллективной продовольственной безопасности, а также предлагает конкретные меры, которые должны быть приняты для ее достижения. Например, Комиссии Африканского союза предписывается проводить не менее одной ежегодной конференции по вопросам питания и продовольственной безопасности для выработки консолидированной позиции стран региона. Общая ответственность за реализацию Стратегии была возложена на Комиссию Африканского союза, которая наделена полномочиями разрабатывать трехлетние стратегические планы, осуществлять региональные мероприятия, оценивать прогресс реализации Стратегии, а также запрашивать поддержку у государств — членов Африканского союза, доноров и партнеров.

Несмотря на активизацию обсуждения проблемы поддержания продовольственной безопасности в контексте реализации целей устойчивого развития и принятие ряда нормативных решений на уровне Африканского союза, полагаем, что требуется дальнейшая систематизация деятельности африканских стран в этом направлении, которая может выразиться в разработке и подписании соответствующего международного договора — Конвенции Африканского союза о продовольственной безопасности.

На постсоветском пространстве реализация международно-правовых актов в области устойчивого развития обеспечивается путем принятия соответствующих решений в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и в дальнейшем Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Говоря о нормативно-правовой базе СНГ, регулирующей отношения по поводу обеспечения коллективной продовольственной безопасности в целях устойчивого развития, необходимо отметить Концепцию повышения продовольственной безопасности государств —

²⁶ Международно-правовые измерения Повестки дня 2030 : учебник / под ред. А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2024. С. 8–9.

²⁷ AGENDA-2063: The Future We Want for Africa // URL: http://www.uneca.org/sites/default/files/uploads/zero_draft_agenda_2063_document_19.03.2014_rev1.pdf (дата обращения: 08.03.2024).

²⁸ URL: <https://au.int/en/documents/20220401/africa-regional-nutrition-strategy-2015-2025> (дата обращения: 25.03.2024).

участников СНГ²⁹, одобренную Советом глав правительств Содружества 19 ноября 2010 г. Данная Концепция не только установила цели и задачи обеспечения продовольственной безопасности, термины и определения³⁰, но и, развивая положения Повестки дня на XXI век и Повестки дня для развития, задекларировала в качестве важнейшей задачи обеспечения продовольственной безопасности устойчивое развитие внутреннего производства основных видов продовольствия, достаточное для обеспечения продовольственной независимости государств — участников СНГ.

Принятая в декабре 2009 г. Концепция продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества³¹ также закрепила устойчивое развитие внутреннего производства основных видов продовольствия в качестве задачи обеспечения продовольственной безопасности. Концепция определила продовольственную безопасность ЕвразЭС как способность содействовать обеспечению продовольственной независимости³² государств-членов и гарантированности физической и экономической доступности продовольствия для всего населения Сообщества в количестве и качестве, необходимых для активной и здоровой жизни.

Дальнейшая реализация концепции устойчивого развития в части обеспечения продовольственной безопасности на евразийском пространстве связана с подготовкой проекта Концепции коллективной продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза³³. Развивая положения Концепция продовольственной безопасности ЕвразЭС, данный проект содержит новый термин «коллективная продовольственная безопасность», который определен как способность обеспечивать достаточный уровень физической и экономической доступности

продуктов питания для населения государств-членов преимущественно за счет собственного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Проект концепции обозначает формирование устойчивой системы по обеспечению коллективной продовольственной безопасности государств — членов ЕАЭС в качестве важнейшего приоритета деятельности международной организации. В свою очередь, устойчивая коллективная продовольственная безопасность является предпосылкой устойчивого развития агропромышленного комплекса стран ЕАЭС.

Стремление обеспечить коллективную продовольственную безопасность на региональном уровне также выразилось в заключении Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (12.11.2013)³⁴, мандат которой предполагает содействие в осуществлении мероприятий, направленных на избавление человечества от голода. В данном Меморандуме сотрудничество международных организаций обосновывается в рамках парадигмы устойчивого развития через признание важности обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития для настоящих и будущих поколений, а также наличие общих целей и задач в этой сфере.

В целях совершенствования механизма участия ЕАЭС в реализации передовых глобальных инициатив, в том числе целей и задач Повестки дня на период до 2030 года, была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, а также развивающие ее положения Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года³⁵. Рассматривающие обеспечение

²⁹ URL: <https://base.garant.ru/2570896/?ysclid=lv0ykcdxn8736494291> (дата обращения: 29.12.2023).

³⁰ Вечернин Д. С. Правовые основы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере продовольственной безопасности // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2023. № 7–8(206–207). С. 32.

³¹ URL: <https://base.garant.ru/2568772/?ysclid=lrkm81j5lg849254560> (дата обращения: 29.12.2023).

³² Продовольственная независимость была определена в Концепции как состояние экономики, при котором производство жизненно важных пищевых продуктов за год составляет в соответствии с рекомендациями ФАО 80 % годовой потребности населения в этих пищевых продуктах в соответствии с физиологическими нормами питания.

³³ URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0103906/pd_28062019 (дата обращения: 29.12.2023).

³⁴ URL: https://docs.eueunion.org/docs/ru-ru/0143826/ms_18112013 (дата обращения: 29.12.2023).

³⁵ URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiy <https://base.garant.ru/2570896/?ysclid=lv0ywxdu1725928446> (дата обращения: 17.04.2024).

устойчивого развития в качестве одного из интеграционных приоритетов Союза, указанные Стратегические направления должны были представить механизмы содействия экономическому развитию государств-членов. Общие принципы и подходы к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов Союза³⁶, которые, по мнению разработчиков Стратегических направлений должны были стать составной частью механизма экономического развития стран ЕАЭС до 2025 г., закрепили принцип обеспечения устойчивого развития агропромышленных комплексов государств-членов и общего аграрного рынка Союза.

Таким образом, на уровне региональных международных организаций, в отличие от уровня ООН, который характеризуется принятием рекомендательных международных актов, прослеживается тенденция к нормативному закреплению понятия «продовольственная безопасность», принципов и подходов к ее достижению на коллективной основе в контексте концепции устойчивого развития.

В настоящее время в связи с приближением срока завершения реализации глобальных целей, предусмотренных Повесткой дня на период до 2030 года, важной проблемой является оценка эффективности институциональных и правовых механизмов реализации концепции устойчивого развития.

Как уже было отмечено ранее, на уровне ООН и других международных организаций признаются серьезные проблемы на пути достижения целей в области устойчивого развития, которые требуют немедленного решения. В частности, в докладе Генерального секретаря ООН А. Гутерриша о ходе достижения целей в области устойчивого развития за 2023 г.³⁷ отмечается, что из примерно 140 задач ЦУР, по которым имеются данные, только около 12 % выполняются по графику. Более чем в половине случаев наблюдается отставание от графика, а

примерно в 30 % либо не наблюдается никаких изменений, либо наблюдается регресс ниже базового уровня 2015 г. Что касается динамики достижения ЦУР 2, то, по данным Генерального секретаря, величина голодающих в мире в 2023 г. вернулась к уровню, не наблюдавшемуся с 2005 г., а цены на продовольствие остаются в большинстве стран мира выше, чем в 2015–2019 гг.

Среди многочисленных участников международного сотрудничества Организация Объединенных Наций в силу универсального характера и всеобъемлющего мандата играет центральную роль в реализации повестки устойчивого развития, а органы, организации и учреждения, входящие в ее систему, призваны обеспечивать надзор за осуществлением целей и задач Повестки дня на период до 2030 года.

Повестка дня на период до 2030 года не только зафиксировала цели и задачи развития, но и определила механизм их реализации.

Стоит отметить, что в научной литературе неоднократно критиковали деятельность ООН в части функционирования механизма реализации концепции устойчивого развития и обращали внимание на отсутствие разграничения полномочий между органами и учреждениями в системе данной международной организации³⁸.

Проведенный анализ не позволяет сделать вывод о том, что в рамках системы ООН существует эффективная система достижения целей устойчивого развития, так как:

- не определен уполномоченный орган, который должен осуществлять единый контроль за реализацией глобального комплекса мероприятий по достижению ЦУР. В числе надзорных органов названы Политический форум высокого уровня, Генеральная Ассамблея, Экономический и Социальный совет;

- контроль достижения Повестки дня на период до 2030 года сводится к регулярным добровольным обзорам политического форума

³⁶ Решение Совета ЕЭК от 14.09.2021 № 89 «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств — членов Евразийского экономического союза» // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01030281/err_08102021_89 (дата обращения: 17.04.2024).

³⁷ URL: <https://irsepi.ru/wp-content/uploads/2023/07/Доклад-Генерального-секретаря-ООН-Цели-устойчивого-развития-под-угрозой-17-апреля-2023-г.pdf?ysclid=lv0ys3ug2t493641870> (дата обращения: 10.04.2024).

³⁸ См., например: Мордовец А. В. Деятельность ООН по реализации концепции устойчивого развития в глобализирующемся мире : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007 ; Сидорова Т. Ю. Проблемы эффективности механизмов ООН в области устойчивого развития // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 138–141 ; Пасенов А. С. Институциональная характеристика концепции устойчивого развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10. № 1. С. 10–18.

высокого уровня на основе доклада Генерального секретаря ООН с использованием системы глобальных показателей;

— достижение целей и задач устойчивого развития осуществляется добровольно по инициативе заинтересованных стран в рамках национальных программ с возможностью включения дополнительных показателей;

— в области международно-правового регулирования устойчивого развития на уровне ООН преобладают нормы «мягкого» права, которые не содержат традиционных конвенциональных обязательств, что приводит к различной практике реализации ЦУР на уровне отдельных стран и отставанию от графика их достижения.

На наш взгляд, существующий неэффективный международный механизм достижения целей устойчивого развития характеризуется наличием различных органов и организаций на универсальном, межрегиональном и региональном уровне без четкой системы взаимодействия и соподчинения. В связи с этим возникает потребность в усилении координации между указанными субъектами для недопущения фрагментаризации и дублирования их функций³⁹, а также в обеспечении согласованного взаимодействия.

Для того чтобы концепция устойчивого развития стала глобальной стратегией, подкрепленной действенными международно-правовыми механизмами, необходимы системные усилия международного сообщества по преодолению тенденций нормативного регулирования в данной сфере.

Разделяя мнение о необходимости повышения эффективности международного сотрудничества по дальнейшему прогрессивному развитию международного права, а также усиления систем управления переходом к устойчивому развитию на международно-правовой основе⁴⁰, считаем целесообразным рассмотреть возможность разработки международного универсального договора о реализации целей устойчивого развития, который в скором времени может заменить Повестку дня на период до 2030 года. Такой проект может быть разработан при участии Комиссии международного права, других

органов и специализированных учреждений ООН, а также национальных и международных организаций, занимающихся вопросами международного права.

В заключение сформулируем ряд выводов, которые отражают результаты проведенного исследования.

Во-первых, в международно-правовых документах не содержится универсального нормативного определения понятий «коллективная продовольственная безопасность» и «устойчивое развитие». На глобальном уровне определения являются частью актов, которые принято относить к нормам «мягкого» права.

Во-вторых, на региональном уровне прослеживается тенденция к нормативному закреплению понятия «продовольственная безопасность», принципов и подходов к ее достижению на коллективной основе в контексте концепции устойчивого развития.

В-третьих, неудовлетворительные промежуточные результаты в части ликвидации голода и достижения продовольственной безопасности (ЦУР 2) на глобальном уровне вызваны несовершенством нормативного регулирования и недостаточно эффективной международной системой контроля над достижением поставленных задач.

Наконец, для своевременного достижения глобальных целей и задач в сфере продовольственной безопасности и устойчивого развития рекомендуется:

— при подготовке международно-правовых документов в сфере устойчивого развития учитывать акты региональных экономических организаций стратегического характера, в том числе затрагивающие вопросы продовольственной безопасности;

— отмечая позитивный опыт обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне, предлагается усовершенствовать механизм контроля достижения глобальной цели, предусматривающей ликвидацию голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства (ЦУР 2), путем заключения рамочных конвен-

³⁹ Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В., Конева А. Е., Круглов Д. А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2016. № 1. С. 74.

⁴⁰ Шугуров М. В. Международно-правовые основания перехода к устойчивому развитию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2 (91). С. 178.

ций на уровне региональных международных организаций при консультационной поддержке Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН;

— в связи с предстоящим завершением реализации Повестки дня на период до 2030 года предлагается разработать проект международного договора о реализации целей устойчивого

развития до 2045 г., в котором необходимо закрепить универсальное нормативное определение понятия «устойчивое развитие», обновленные глобальные цели и задачи устойчивого развития, а также систему международного контроля за их реализацией с наделением соответствующими полномочиями уполномоченного органа в системе ООН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В., Конева А. Е., Круглов Д. А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2016. № 1. С. 65–78.

Андреева Е. М. Устойчивое развитие как основа современных концепций права природопользования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 87–92.

Бринчук М. М. Устойчивое развитие как фактор обеспечения экологической безопасности // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 155–161.

Вечернин Д. С. Правовые основы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых государств в сфере продовольственной безопасности // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2023. № 7–8(206–207). С. 29–35.

Международно-правовые измерения Повестки дня 2030 : учебник / под ред. А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2024. 286 с.

Мордовец А. В. Деятельность ООН по реализации концепции устойчивого развития в глобализирующемся мире : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007. 185 с.

Пасенов А. С. Институциональная характеристика концепции устойчивого развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10. № 1. С. 10–18.

Сидорова Т. Ю. Проблемы эффективности механизмов ООН в области устойчивого развития // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 138–141.

Соколова Н. А. Концепция устойчивого развития и международное право окружающей среды // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1 (11). С. 225–232.

Шугуров М. В. Международно-правовые основания перехода к устойчивому развитию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2 (91). С. 161–180.

Atapattu S. A. Emerging Principles of International Environmental Law. Ardsley, N. Y. : Transnat. Publ., 2006. 535 p.

Birnie P. W., Boyle A. International Law and the Environment. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. 832 p.

Sands Ph. Principles of International Environmental Law. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. 1116 p.

REFERENCES

Abashidze AH, Solntsev AM, Kiseleva EV, Koneva AE, Kruglov DA. Achieving the Sustainable Development Goals (2016–2030): An international legal dimension. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. 2016;1(8):65-78. (In Russ.).

Abashidze AKh, editor. International legal dimensions of the 2030 Agenda: A textbook. Moscow: RUDN; 2024. (In Russ.).

Andreeva EM. Sustainable development as the basis of modern concepts of environmental law. *Vestnik Yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta*. 2022;9(1):87-92. (In Russ.).

Atapattu SA. Emerging Principles of International Environmental Law. Ardsley, NY: Transnat. Publ., 2006.

Birnie PW, Boyle A. International Law and the Environment. Oxford: Oxford Univ. Press; 2002.

Brinchuk MM. Sustainable development as a factor of ensuring environmental safety. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2017;4(115):155-161. (In Russ.).

Mordovets AV. UN activities aimed at sustainable development in a globalizing world. Cand. Diss. (Political Sciences). St. Petersburg; 2007. (In Russ.).

Pasenov AS. Institutional characteristics of the concept of sustainable development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo [Proceedings of the Southwest State University. History and Law Series]*. 2020;10(1):10-18. (In Russ.).

Sands Ph. Principles of International Environmental Law. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2003.

Shugurov MV. International legal grounds for the transition to sustainable development. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2013;2(91):161-180. (In Russ.).

Sidorova TYu. Problems of the UN mechanisms effectiveness in the field of sustainable development. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Law Herald]*. 2016;2(73):138-141. (In Russ.).

Sokolova NA. The concept of sustainable development and International Environmental Law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2021;1(11):225-232. (In Russ.).

Vechernin DS. Legal bases of cooperation of the member states of the Commonwealth of Independent States in the field of food security. *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*. 2023;7-8(206-207):29-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вечернин Денис Сергеевич, кандидат юридических наук, руководитель проекта Центра управления изменениями Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
d.vechernin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis S. Vechernin, Cand. Sci. (Law), Project Manager, Change Management Center, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
d.vechernin@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 20 мая 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 17.04.2024.

Revised 20.05.2024.

Accepted 15.08.2024.

Е. С. Гринь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики

Резюме. В статье рассматриваются современные подходы судебной практики к определению правовой природы сложных объектов интеллектуальных прав, а также результатов творческого труда, создаваемых в социальных сетях. Автор анализирует Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2024 г. и практику Суда по интеллектуальным правам, посвященные актуальным вопросам судебной защиты результатов творческого труда в сети «Интернет», а также доктринальные источники и зарубежный опыт. Проводится правовой анализ сложных объектов интеллектуальных прав, способов их использования в сети «Интернет», а также пробелов законодательного регулирования в данной сфере. Отдельно рассматриваются вопросы правового статуса информационного посредника, определения нарушителя в социальных сетях, особенно в телеграм-каналах, а также возможности и критерии для применения обеспечительных мер в случае нарушения авторских и смежных прав. Помимо этого, рассматриваются примеры из правоприменительной практики, когда правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, поскольку отсутствие запрета не считается согласием (разрешением), что является частым нарушением, особенно в сети «Интернет».

Ключевые слова: авторские права; сеть Интернет; защита интеллектуальных прав; сложные объекты; мультимедийные продукты; искусственный интеллект; информационный посредник

Для цитирования: Гринь Е. С. Правовая охрана объектов авторских прав и сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях: вопросы судебной практики. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 107–115. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.107-115

Legal Protection of Copyright Works and Complex Intellectual Property Objects on Social Networks: Court Practice Issues

Elena S. Grin

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines modern approaches of court practice in order to determine the legal nature of complex intellectual property objects, as well as creative outputs generated on social networks. The author analyzes the Judicial Review of the Supreme Court of the Russian Federation 2024 and the practice of the Intellectual Property Rights Court, devoted to topical issues of judicial protection of creative outputs on the Internet, as well as doctrinal sources, foreign experience on the issues under consideration. A legal analysis of complex intellectual property objects, ways of using them on the Internet, as well as gaps in legislative regulation

© Гринь Е. С., 2024

in this area is carried out. The issues of the legal status of the information intermediary, the definition of the violator in social networks, especially on telegram channels, as well as the possibilities and criteria for the application of interim measures in case of violation of copyright and related rights are considered separately. In addition, cases and examples from law enforcement practice are considered when the copyright holder may, at their discretion, allow or prohibit other persons from using the result of intellectual activity or a means of individualization, since the absence of a ban is not considered consent (permission), which is a frequent violation, especially on the Internet.

Keywords: copyright; Internet; intellectual property rights protection; complex objects; multimedia products; artificial intelligence; information intermediary

Cite as: Grin ES. Legal Protection of Copyright Works and Complex Intellectual Property Objects on Social Networks: Court Practice Issues. *Lex russica*. 2024;77(9):107-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.107-115

Введение

Вопросам правовой охраны произведений, которые создаются с помощью технологий искусственного интеллекта и в сети «Интернет», в том числе в социальных сетях, уделяется большое внимание как в научной доктрине, так и в судебной практике. Это связано прежде всего с неопределенностью правового положения новейших объектов, сложностью квалификации их с учетом критериев охраноспособности, которые предъявляются законом к правовой охране таких объектов. В юридической литературе нет единого подхода к правовой природе результатов творческого труда, создаваемых в сети «Интернет». Например, правовой режим аккаунтов в социальных сетях определяется по-разному. И правовая квалификация зависит от того, какие результаты использовались в таком аккаунте: данные ли это учетной записи или сложный объект интеллектуальных прав (как правило, мультимедийный продукт), который включает в себя различные результаты творческого труда — не только персонаж произведения, но и целую виртуальную реальность¹. Чаще аккаунты в социальных сетях рассматривают именно такие, которые включают в себя текстовые материалы (как охраноспособные, так и неохраноспособные), видео, товарные знаки и иные объекты правовой охраны. В судебной практике отдельное внимание уделяется правовой охране фотографических произведений

и сложных объектов интеллектуальных прав в сети Интернет, поскольку именно такие результаты часто используются в том числе в социальных сетях, но не для всех определен правовой режим и возникают сложности с авторством новых результатов творческого труда².

Основная часть

Объекты правовой охраны в социальных сетях. В правоприменительной практике возникает большое количество вопросов относительно правовой охраны результатов творческого труда, создаваемых в сети «Интернет». Это связано прежде всего с особенностью использования новых цифровых технологий и различным подходом в судебной практике к правовой квалификации отдельных категорий таких объектов. Так, нет единого подхода к определению понятия правового режима аккаунта в социальных сетях. Точки зрения в юридической литературе можно разделить на несколько групп: 1) такие аккаунты рассматриваются как программы для ЭВМ (ст. 1260 ГК РФ); 2) аккаунты рассматриваются как интернет-сайт и являются составным произведением (что чаще встречается и в судебной практике); 3) рассматриваемые аккаунты — не более чем учетная запись, которая содержит персональные данные; 4) такие аккаунты признаются сложными объектами интеллектуальных прав, например мультимедийными про-

¹ Как, например, в виртуальных играх-мирах Roblox, где через аккаунт пользователя можно воссоздать не только внешний вид игрока, но и построить дом, вести переписку с иными участниками, и такой аккаунт уже больше похож на отдельный интернет-сайт либо мультимедийный продукт. URL: <https://www.roblox.com> (дата обращения: 10.05.2024).

² См.: Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

дуктами, если подпадают под критерии охраноспособности таких объектов³.

Для того чтобы определить режим правовой охраны данных результатов, необходимо, чтобы они соответствовали критериям охраноспособности, в частности в социальных сетях; важна фиксация даты их создания/обнародования. Это связано с тем, что достаточное большое количество нарушений интеллектуальных прав авторов не всегда получается оперативно зафиксировать и подтвердить, поскольку оперативно можно удалить любую информацию из Сети. В судебной практике приводятся различные способы такой фиксации, но главное, чтобы они были надлежащим образом оформлены в соответствии с законом. Например, распечатки материалов или скриншоты должны обязательно содержать адрес сайта, с которого они были сделаны, а также дату и время их получения. Поэтому даже скриншоты (в том числе нотариально не заверенные) являются важным доказательством, например, момента создания произведения (что важно для правовой охраны прежде всего объектов авторских прав) и могут использоваться для оперативной фиксации нарушений⁴.

В качестве доказательств также можно использовать депонирование — регистрацию объектов авторских прав, которая необязательна в силу закона для возникновения правовой охраны, но в спорах в сети «Интернет» имеет значение для фиксации даты создания произведения и подтверждения того, что именно конкретное лицо первое создало такое произведение. Вместе с тем депонирование не является подтверждением авторства, а лишь фиксирует факт создания произведения⁵. И даже если автор произведения (например, фотографии), размещенного в Сети, не был указан, нельзя свободно использовать такой объект, если нет подтверждения, что истек его срок охраны либо произведение перешло в общественное достояние.

Как отмечено выше, для правовой охраны произведений, создаваемых в социальных сетях, необходимо соблюдение критериев охраноспособности, которые присущи и тем объектам авторских прав, которые создаются не в цифровой форме, а именно: творческий характер труда и объективная форма выражения. Эти же правила распространяются и на новейшие объекты, которые создаются с помощью технологий искусственного интеллекта, и, например, на дизайн сайта, аккаунт в социальных сетях, фото- и видеоматериалы, тексты постов. Дизайн сайта в сети «Интернет» может быть отнесен к объектам авторского права, если он является результатом творческого труда автора. Нужно установить, каким образом было создано произведение: проявил ли его автор творчество или скопировал чужой результат. Права автора переработки охраняются в Интернете независимо от охраны прав авторов оригинальных произведений, на основании которых создавалась такая переработка⁶.

Цитирование фотографий. Фотографические произведения — одни из самых частых объектов правовой охраны, которые используются для написания публикаций статей, текстов в социальных сетях (постов). В последнее время увеличилось количество нарушений прав авторов при использовании произведений с несоблюдением правил цитирования. В законе предусматриваются случаи свободного использования произведений в информационных, научных, учебных или культурных целях. Вместе с тем в судебной практике после спора блогеров с издательством «Архи.ру» для фотографических произведений было выработано отдельное правило цитирования. Цитировать фотографии необходимо таким образом, чтобы можно было однозначно определить автора произведения и источник заимствования. Согласно выводам судов, свободное использования фотографий в социальных сетях и сети «Интернет» возможно при соблюдении четырех условий в

³ См.: Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

⁴ См.: п. 36 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024).

⁵ См.: п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2.

⁶ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.09.2022 № 78-КГ22-29-К3.

совокупности (отсутствие хотя бы одного из них будет свидетельствовать о нарушенном праве):

- 1) указание автора;
- 2) ссылка, откуда была взята фотография;
- 3) цели использования;
- 4) достаточный объем использования.

Указание на автора и источник заимствования должны быть ясными, понятными и видимыми пользователям. В одном из судебных споров предприниматель обратился в суд с иском о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографическое произведение путем его размещения на сайте в сети «Интернет» без его разрешения. Фотография была размещена в блоге в социальных сетях без указания информации об авторе и без его разрешения. Ссылки на автора, источник необходимо указывать на самом фотографическом произведении либо в месте цитаты⁷. Более того, как указывается в ст. 1274 ГК РФ, свободное использование произведения (в том числе в информационных целях) возможно исключительно с обязательным указанием автора произведения, ссылки на источник, но данной информации не содержалось.

При цитировании и свободном использовании фотографий необходимо учитывать цели использования. В статье 1274 ГК РФ отмечается, что к таким целям относятся: образовательные (как правило, характерны для вузов, школ, которые имеют образовательную лицензию) либо культурные цели и иные. Данные положения подтверждаются и в судебной практике. По вопросу достаточного объема использования фотографических произведений суды отмечают, что если в тексте постов или статье были использованы 10 фотографий разных авторов, с корректным их указанием, ссылками на источники, а также соблюдением целей, то речь может идти о достаточном объеме цитирования, которое подпадает под критерии свободного использования произведения. Если же одно фотографическое произведение только одного автора используется в тексте материала статей,

то необходимо спрашивать согласие на использование⁸.

В зарубежных странах есть разные подходы к определению правовой природы фотографических произведений и их фиксации, цитирования. В США, например, охраняются объекты, которые являются оригинальным произведением автора и зафиксированы на материальном носителе (Закон США об авторском праве 1976 г. (17 U.S.C. § 102 (2012))). Произведение для правовой охраны должно обладать минимальным уровнем творчества. Такой подход подтверждается в судебной практике, например, в деле *Feist Publications vs Rural Telephone Service*⁹ Верховный суд США отметил, что «оригинальность означает не новизну, поэтому если имело место случайное сходство, то произведение может быть оригинальным». Сходным с отечественной судебной практикой представляется подход, согласно которому важен творческий вклад фотографа в создание произведения. Если речь идет об автоматизированной съемке, то не будет минимально необходимого уровня творчества для предоставления правовой охраны. Если же фотограф, например, поставил фотоаппарат для съемки заката или природного события и смонтировал затем из отснятого материала кадры, то можно говорить о творческой работе.

Интересен случай из американской судебной практики: за врачом, который фотографировал результат стоматологической работы — рот пациентки, было признано авторство на такую фотографию. Суд указал, что врач сфотографировал пациентку «до», когда она сидела в кресле стоматолога, и «после», когда она стояла перед фотоэкраном. Было доказано, что врач выбирал ракурс для съемки¹⁰.

В судебной практике США выделяются три варианта оригинальности: оригинальное исполнение, оригинальность в выборе момента и оригинальность в создании объекта фотографирования. Если бы сходный правовой спор рассматривался отечественными судами, пред-

⁷ См.: п. 11 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015).

⁸ См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 № 305-ЭС16-18302 по делу № А40-142345/2015. См. также: Вопросы, связанные с определением критериев творческой деятельности на примере фотографических произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL: http://ipcmagazine.ru/images/articles/news_5779/1.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

⁹ *Feist Publ'ns v. Rural Tel. Serv. Co.*, 499 U.S. 340, 345 (1991).

¹⁰ См.: *Mitchell A. Pohl, DDS v. MH Sub I LLC*, 407 F. Supp. 3d 1253 (2019).

ставляется, что были бы приняты во внимание такие критерии, как выбор ракурса, настройка фотоаппарата, и они позволили бы сделать вывод, что фотография является творческим результатом и подлежит авторско-правовой охране.

Во Франции, например, фотографии охраняются, как и любое другое произведение, «до тех пор, пока они имеют оригинальный характер», то есть важно, смог ли автор отразить свой творческий подход при создании фотографии¹¹.

И в юридической литературе, и в судебной практике отдельно подчеркивается, что течение срока исковой давности по требованию о взыскании компенсации за нарушение авторских прав в Интернете (в том числе при размещении произведения в социальных сетях) начинается не с момента неправомерного размещения объекта авторских прав, а со дня, когда правообладатель узнал или должен был узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком¹². Это важное дополнение для пользователей результатов интеллектуальной деятельности в Сети с учетом развивающегося фототроллинга: речь идет о случаях, когда за защитой нарушенного права обращаются авторы либо их представители спустя 8–10 лет после публикации фотографий.

Вопросы информационных посредников и владельцев сайтов также важны в интернет-спорах. Информационным посредником признается владелец сайта, на страницах которого размещены гиперссылка на материал, который может содержать различные творческие результаты, в том числе охраноспособные. Суд обращает внимание на то, как оформлена такая ссылка и как ее воспринимают посетители сайта. Если ссылка ведет на другой сайт, на котором размещаются охраноспособные результаты творческого труда, в том числе и товарные знаки, то владелец такого сайта может быть

признан информационным посредником (п. 5 ст. 1253.1 ГК РФ)¹³.

С учетом анализа правоприменительной практики ст. 1253.1 ГК РФ авторы отмечают, что при квалификации информационного посредничества необходимо обращать внимание именно на вид деятельности, а не на категорию провайдера¹⁴.

Способы использования музыкальных произведений в сложных объектах интеллектуальных прав. Сообщение произведения в эфир, его переработка, использование в составе сложного объекта, как отметил Верховный Суд РФ, являются самостоятельными способами использования произведения, и для каждого из них нужно получить одобрение от правообладателя¹⁵. Такие случаи использования характерны для музыкальных произведений, которые используются в сложных объектах интеллектуальных прав. Так, при использовании музыкальных произведений, например, в телепередачах необходимо получать разрешение посредством заключения договора с Российским авторским обществом (РАО) или правообладателем. Верховный Суд РФ отметил, что трансляция музыкального трека в эфире телепередачи не освобождает ее создателя от обязанности получить соответствующее разрешение у лица, обладающего исключительными правами на музыкальное произведение¹⁶.

К такому выводу Суд пришел по итогам рассмотрения следующего спора: правообладатели обратились в суд с иском к телеканалу о запрете совершать действия по неправомерному использованию музыкального произведения, включая текст песни и музыкальное сопровождение, о возложении обязанности прекратить неправомерное использование музыкального произведения путем удаления всех материалов, содержащих музыкальное произведение, в том числе в сети «Интернет», о взыскании в

¹¹ Эти и иные обзоры зарубежного опыта были представлены на заседании НКС Суда по интеллектуальным правам 16 февраля 2024 г. См.: Журнал Суда по интеллектуальным правам. URL: http://ipcmagazine.ru/images/articles/news_5779/1.pdf (дата обращения: 10.05.2024).

¹² См.: решение Арбитражного суда Свердловской области от 14.12.2020 по делу № А60-50883/2020.

¹³ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.12.2022 № С01-2045/2022 по делу № А40-231181/2021.

¹⁴ См.: Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

¹⁵ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.12.2022 № 5-КГ22-117-К2.

¹⁶ См.: п. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.).

пользу каждого истца компенсации и судебной неустойки за каждый день просрочки исполнения обязанности прекратить неправомерное использование данного музыкального произведения.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требования правообладателей, основывался на том, что включение музыкальных произведений в состав телепередачи не является самостоятельным способом их использования. Поскольку сообщение музыкальных произведений в эфир в составе телепередачи подразумевает факт включения данных произведений в состав телепередачи, следовательно, разрешение на такое использование предоставляется в соответствии с договором с РАО. И так как между РАО и телеканалом был заключен лицензионный договор, то телеканал получил разрешение на такое использование. Более того, суд отметил, что телеканал приобрел права на телепередачу как результат интеллектуальной деятельности у РАО (лицензиар) на основании лицензионного договора и телеканал является обладателем исключительных прав на телепередачу, автором (организатором) создания которой телеканал не является, а потому в силу ст. 1240 ГК РФ не относится к субъектам нарушения авторских прав, допущенного при создании сложного объекта.

С данными выводами согласился и суд апелляционной инстанции. Более того, было отмечено, что телеканал вправе получать разрешение на использование спорного музыкального произведения с выплатой вознаграждения через организацию по управлению правами на коллективной основе, получившую государственную аккредитацию на осуществление деятельности в этой сфере коллективного управления, в данном случае РАО. Кассационный суд общей юрисдикции решение суда и апелляционное определение оставил без изменения. И до обзора Верховного Суда РФ такая практика являлась частной при использовании музыкальных произведений в телепрограммах.

Суд основывался на том, что согласно п. 1 ст. 1240 ГК РФ лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной дея-

тельности, приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности. Понятия и признаков сложного объекта в законе не содержится, но они содержатся в юридической литературе. Отмечается, что помимо сложности и единства структуры, множества объектов, которые объединяются в единое сложное произведения, сложным объектам присущи иные признаки¹⁷.

Поэтому, например, телеканал либо лицо, организовавшее создание сложного объекта (в том числе телепередачи) и/или распространяющее такой сложный объект, не освобождено от обязанности соблюдения требований ст. 1240 ГК РФ по заключению лицензионных договоров или договоров об отчуждении исключительного права с обладателями исключительного права на все результаты интеллектуальной деятельности, включенные в такой объект (телепередачу). Несоблюдение такой обязанности является нарушением исключительного права правообладателя и служит основанием для привлечения нарушителя к предусмотренной законом ответственности.

Включение произведения в состав сложного объекта (телепередачи) при его создании предшествует сообщению в эфир этой телепередачи, указанные этапы являются последовательными по отношению друг к другу и представляют собой самостоятельные способы использования результатов интеллектуальной деятельности, и не должно производиться «подмены» способами использования исключительных прав при создании сложного объекта интеллектуальных прав.

Отдельно в судебной практике отмечается особенность правовой охраны таких аудиовизуальных произведений в социальных сетях, как рилс, ВК-клипы, видеоролики.

Согласно одному из судебных споров ответчик полностью скопировал сценарий аудиовизуального произведения истца. Суд указал, что полное копирование структуры и содержания аудиовизуального произведения, кото-

¹⁷ См. об этом: *Гринь Е. С.* Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 99–105 ; *Она же.* Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. 2015. № 2. С. 10–18 ; *Право интеллектуальной собственности : учебник / М. А. Рожкова, Л. А. Новоселова, В. С. Ламбина [и др.]. М., 2018.*

рые были оригинально изложены и записаны в видеоформате, являются нарушением прав на аудиовизуальное произведение. Суд указал критерии, которые будут свидетельствовать не о творческом характере объекта, созданного в сети «Интернет», а о копировании и нарушении прав автора¹⁸. Данный спор важен для правовой охраны контента, который создается в социальных сетях, поскольку ранее отмечалось, что методика не охраняется авторским правом и в случае нарушения права на видео необходимо доказывать, что была нарушена именно форма аудиовизуального произведения. Помимо этого, суды признали, что форматы кратких видеороликов, таких как рилс, охраноспособны и признаются сложными объектами — аудиовизуальными произведениями.

Определение размера и снижение компенсации за нарушение исключительного права, обеспечительные меры. Верховный Суд РФ указывает, что при определении и расчете компенсации необходимо учитывать следующие критерии: обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике), а также характер нарушения, наличие и степень вины нарушителя, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности и др.¹⁹

В судебной практике отмечается также, что при определении/снижении компенсации учитываются данные о посещаемости и доходности сайта, систематичность нарушения (создание нарушителем копий сайтов для сохранения доступа к информации, распространяемой с нарушениями) и др.²⁰ Так, в одном из дел Суд по интеллектуальным правам подчеркнул, что были нарушены исключительные права на литературные произведения только одного из соавторов и определил долю и размер компенсации исходя из данных обстоятельств, не привлекая к участию в деле второго соавтора. Изначально одним из соавторов (М. О. Ильяхо-

вым) заявлялась компенсация в размере около 9 млн руб. за нарушение исключительных прав на книги «Пиши, сокращай» и «Новые правила деловой переписки» с предложением к продаже доступа к ним без согласия правообладателей. Иск был в итоге удовлетворен, а размер компенсации был снижен до 2 млн руб.²¹

Неоднократное размещение произведения на нескольких сайтах или страницах сайта в сети «Интернет» образует одно нарушение. Например, если охраноспособный результат был размещен в одном материале, одной статье, одном рекламном объявлении либо на официальном сайте, то речь идет об одном нарушении²². Количество скачиваний может быть учтено при определении размера компенсации, взыскиваемой с лица, незаконно разместившего произведение²³.

В интернет-спорах и социальных сетях имеют значение предварительные обеспечительные меры по защите авторских прав. Достаточно большое количество споров рассматриваются в досудебном порядке, но использование предварительных обеспечительных мер является важным правовым механизмом эффективной защиты нарушенных прав в сети «Интернет». Такие меры используются до предъявления иска (например, о взыскании компенсации). В Московский городской суд необходимо обратиться с заявлением о предварительном обеспечении защиты авторских и/или смежных прав (кроме прав на фотографии) — о блокировке сайта, на котором размещены материалы, нарушающие исключительные права на объекты авторских прав. Необходимо доказать принадлежность заявителю исключительного права на объект авторских прав и его использование на конкретной странице сайта. Доказательствами принадлежности исключительных прав могут быть документы, подтверждающие авторство (свидетельство о депонировании, скриншоты и иные), а также подтверждающие приобретение исключитель-

¹⁸ См.: решение Арбитражного суда Московской области от 26.04.2024 по делу № А41-101804/2023.

¹⁹ См.: п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК Российской Федерации».

²⁰ См.: апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.11.2023 № 66-2699/2023.

²¹ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.12.2022 по делу № А40-145258/2022.

²² См.: определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 № 88-5668/2023.

²³ См.: решение Арбитражного суда города Москвы от 26.06.2020 по делу № А40-343405/2019.

ного права (договоры об отчуждении, лицензионные договоры)²⁴.

Рассмотренные категории споров стали одними из основных, которые были выявлены с учетом анализа правоприменительной практики по защите авторских прав, сложных объектов интеллектуальных прав в социальных сетях и сети «Интернет»²⁵.

Заключение

Защита нарушенных прав авторов в сети «Интернет» и социальных сетях, сложных объектов интеллектуальных прав, безусловно, является одним из самых актуальных вопросов в сфере интеллектуальных прав. Это подтверждается и возросшим количеством споров (по сравнению, например, с налоговыми и иными спорами) по делам об охране интеллектуальной собственности — на 31 %²⁶.

Более детального правового регулирования требует правовая охрана результатов творческого труда, создаваемых с помощью искусственного интеллекта. Так, в зарубежной практике уже рассматривались споры между пользователями программ искусственного интеллекта и правообладателями не только фотографических произведений, но и музыкальных

произведений, когда без согласия правообладателей пользователи программ искусственного интеллекта использовали такие объекты с целью создания производных произведений²⁷. Речь идет о правовой квалификации объектов как производных произведений, которые были созданы с нарушением прав тех лиц, на основе произведений которых такие объекты были созданы. Например, для обучения программ искусственного интеллекта используются охраноспособные объекты без согласия правообладателей и под критерии свободного использования либо доктрины добросовестного использования (fair use) такие объекты не попадают.

Правовые споры возникают по поводу критериев творчества, свободного использования произведений в Сети и применения искусственного интеллекта. Необходимо определение правовой природы новейших объектов, таких как аккаунт в социальных сетях, виртуальные музеи, компьютерные игры, и закрепление данных категорий на законодательном уровне. Это позволит определять круг авторов данных объектов, границы свободного использования таких произведений, так как, на взгляд автора статьи, для таких объектов, в том числе и сложных объектов интеллектуальных прав, необходимо предусмотреть особый режим использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гринь Е. С. Модернизация положений о договорах в сфере интеллектуальных прав // Законодательство. 2015. № 2. С. 10–18.

Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2 (135). С. 128–134.

Гринь Е. С. Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 99–105.

Моргунова Е. А., Шахназаров Б. А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 152 с.

Право интеллектуальной собственности : учебник / М. А. Рожкова, Л. А. Новоселова, В. С. Ламбина, Б. А. Булаевский [и др.]. М., 2018.

²⁴ См. об этом также: апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 06.04.2022 № 66-1149/2022.

²⁵ См.: определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 № 88-3299/2021.

²⁶ См.: Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных отношений по первой инстанции за 12 месяцев 2023 года // URL: <https://pskov.arbitr.ru/storage/sites/pskov/files/90/Отчет%20о%20работе%20арбитражных%20судов%20РФ%20общий%20за%202023%20год.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁷ См. об этом: URL: <https://nypost.com/2024/06/24/business/sony-universal-warner-sue-ai-startups-suno-audio-for-infringement/> (дата обращения: 10.05.2024).

REFERENCES

Grin ES. Inheriting Social Media Accounts: Russian and Foreign Experience. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(2);128-134. (In Russ.).

Grin ES. Modernization of provisions on contracts in the field of intellectual property rights. *Zakonodatelstvo [Legislation]*. 2015;2:10-18. (In Russ.).

Grin ES. Registries of complex of intellectual property objects (the case of audiovisual works). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;8(81):99-105. (In Russ.).

Morgunova EA, Shakhnazarov BA. Intellectual property law in the context of the development of new technologies: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M; 2023. (In Russ.).

Rozhkova MA, Novoselova LA, Lambina VS, et al. Intellectual property law. A textbook. Academic course. Moscow; 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гринь Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
helenkotenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Intellectual Property Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
helenkotenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 20.05.2024.

Revised 13.08.2024.

Accepted 15.08.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

О. В. Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Цифровое право в системе российского права

Резюме. Происходящая под влиянием повсеместного внедрения цифровых технологий трансформация общественных отношений потребовала формирования новой нормативно-правовой базы, которая имеет тенденцию к постоянному расширению. В связи с этим в науке обсуждается выделение цифрового права в качестве самостоятельной отрасли, хотя иногда подвергается сомнению сама возможность использования сочетания «цифровое право». В качестве альтернативы этому сочетанию предлагаются категории «интернет-право», «киберправо» и т.п. На основе анализа существующих в науке точек зрения, а также оценки специфики отношений, возникающих при реализации цифровых прав и использовании цифровых технологий, автор приходит к выводу о возможности и целесообразности отраслевого обособления цифрового права ввиду специфики составляющих его предмет отношений, характеризующихся особым субъектным составом, сферой их практической реализации, принципами построения этих отношений, что, в свою очередь, предопределяет особенности метода их регулирования, характеризующегося сочетанием императивного и диспозитивного подходов, законодательной регламентации при сохранении значительной роли саморегулирования. Вместе с тем необходимо признать, что выстраиванию системы цифрового права в некоторой мере препятствует процесс перманентной трансформации отношений в этой сфере.

Ключевые слова: цифровое право; цифровые технологии; отрасль права; предмет регулирования; метод регулирования

Для цитирования: Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

Digital Law in the Russian Legal System

Oleg V. Zaytsev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. The transformation of public relations, taking place under the influence of the widespread introduction of digital technologies, required the formation of a new legal framework, which tends to constantly expand. In this regard, the possibility of distinguishing digital law as an independent branch is widely discussed in science, although the very possibility of using the combination of «digital law» is sometimes questioned. As an alternative to this combination, the categories of «Internet law», cyber law, etc. are periodically used. Based on an analysis of existing scientific points of view, as well as an assessment of the specifics of relations arising from the implementation of digital rights and the use of digital technologies, the author concludes that there is the possibility and expediency to divide digital law into sections. This is due to the specifics of the relations that make up its subject, characterized by the special subject construction, the scope of their practical implementation, the principles of building these relations. This in turn determines the peculiarities of the method of their regulation, characterized by a combination of imperative and dispositive approaches, legislative regulation while maintaining a significant role of self-regulation. At the same time, it must be recognized that building a coherent system of digital law is to some extent hindered by the process of permanent transformation of relations arising in this area.

Keywords: digital law; digital technologies; branch of law; subject of regulation; method of regulation

Cite as: Zaytsev OV. Digital Law in the Russian Legal System. *Lex russica*. 2024;77(9):116-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

© Зайцев О. В., 2024

Введение

Цифровизация практически всех сфер общественной жизни обусловила трансформацию соответствующих отношений, придав новую форму уже существующим и породив новые, что, в свою очередь, потребовало формирования новой нормативно-правовой базы, которая имеет тенденцию к постоянному расширению. Ситуация усугубляется постоянной трансформацией отношений в цифровой среде, появлением новых форм взаимодействия субъектов, приобретающих принципиально иные возможности как для получения, так и для предложения товаров, работ и услуг. Современные бизнес-проекты, опираясь на технологии цифровых платформ, заметно влияют на отношения за пределами цифрового мира. Фактически речь идет о качественно новом развитии экономики, радикально меняющей традиционные подходы к выстраиванию общественных отношений в контексте взаимодействия участников гражданского оборота и выстраивания контактов с органами власти. И эта новая реальность, порождающая дополнительные риски для участников общественных отношений, очевидно, нуждается в системном и последовательном правовом регулировании, в силу чего вопрос о формировании цифрового права, определении его правовой природы и места в системе права становится исключительно актуальным.

Основная часть

Следует признать, что отраслевая принадлежность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с применением цифровых технологий, а также возможность формирования самостоятельной отрасли права является предметом горячих научных дискуссий. Высказываемые в связи с этим точки зрения варьируются от категорического неприятия

подобной идеи на фоне резко возросшего количества попыток обосновать наличие в системе права той или иной самостоятельной отрасли¹ до стремления детально обосновать необходимость выделения новой отрасли права, суждения относительно которой, впрочем, также отличаются разнообразием.

Так, А. А. Карцхия, выделяя цифровое право в качестве самостоятельной отрасли, мотивирует это тем, что широко используемые цифровые технологии обусловили формирование отдельной отрасли права, которая «автономно регулирует общественные отношения в сфере цифровизации вне зависимости от иных отраслей, используя свои способы регулирования процессов жизненного цикла в экономике, политике, праве, в предпринимательских правоотношениях»². В этом усматривается весьма прагматичный западный подход, базирующийся на представлении о необходимости специального регулирования системы общественных отношений в определенной сфере «в силу того, что они встречаются в практике с констатируемой частотой»³.

Впрочем, скептическое отношение к подобным принципам выстраивания правовой системы отмечается и в зарубежной юриспруденции. Показательна публикация судьи Апелляционного суда седьмого округа США Ф. Истербрука «Киберпространство и право лошадей», появившаяся на заре развития Интернета, в которой он выступал против идеи определения кибернаправления как уникального раздела правовых исследований и судебных разбирательств⁴. Однако теория Истербрука была подвергнута критике профессором Гарвардской школы права Л. Лессигом, последовательно отстаивавшим идею о том, что правовые представления и правила будут неизбежно эволюционировать по мере развития и расширения киберпространства⁵. Основной акцент был сделан на специфике киберпространства, в котором существуют особые механизмы

¹ См.: Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.

² Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 45.

³ Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 21.

⁴ См.: Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse // The University of Chicago Legal Forum. 1996. [207]. P. 207–216.

⁵ См. также: Национальная юрисдикция : Курс на конкурентоспособность правовой системы России : доклад / под общ. ред. И. Н. Барцица, А. С. Ерёменко. М. : Дело, 2019.

взаимодействия, затруднена идентификация участников отношений, а для защиты конфиденциальности требуются совершенно иные инструменты, и пр.⁶

Споры относительно отраслевого обособления норм, регулирующих общественные отношения, возникающие или трансформирующиеся в условиях цифровизации, по сути, являются следствием дискуссии о системе права и критериях ее построения. В 1938–1940 гг. в вопросе разграничения отраслей права акцент был сделан на предмете правового регулирования. В 1956–1958 гг. была отмечена необходимость выделения двух взаимосвязанных элементов — предмета и метода правового регулирования. Третья дискуссия ознаменовалась значительным расширением критериев для выделения самостоятельных отраслей, куда стали относиться задачи (функции) правового регулирования (В. Н. Кудрявцев), специфика ответственности (В. Г. Беляев), правовой режим (С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев), статус субъектов (В. М. Сырых), принципы и цели правового регулирования и др.⁷ Наряду с этим, были высказаны интересные мысли об определенной доле условности в понимании и предмета, и метода правового регулирования как основы для систематизации права (М. И. Пискотин) и даже об отсутствии достаточных оснований для спора об отраслевом делении права, которое следует рассматривать в качестве единого, не разделенного на части массива правовых норм (Р. З. Лившиц, В. Б. Исаков, У. А. Ямпольская)⁸. Интерес к этой проблеме возродился в 2001–2002 гг., но окончательное ее решение до сих пор не найдено, отчасти ввиду динамичной трансформации привычной нам системы отношений. В этой связи нельзя не вспомнить Н. К. Ренненкампа, который отмечал: «Не должно думать, что система права может быть вполне законченной и постоянною: каждое время и государства понимают по-своему значение, границы и соотношение частей права»⁹.

Считается, что предпосылкой для выделения новой отрасли изначально является формирование качественно иной сферы общественных отношений, которые потенциально будут составлять предмет правового регулирования. При этом важно отграничивать подобные процессы от обычной трансформации уже существующих отношений, связанной, в частности, с использованием их новых форм. Очевидно, что, когда законодатель закреплял возможность совершения сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде (ст. 160 ГК РФ), не предполагалось, что это даст основание для обособления возникающих отношений от норм гражданского права. Не возникло подобных идей и при отнесении бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств к категории имущественных прав (ст. 128 ГК РФ).

Новый импульс дискуссиям дала статья 141.1 ГК РФ, закрепившая положения о цифровых правах и сформулировавшая отсылку к федеральным законам, призванным детально регламентировать их оборот. По мнению Е. А. Суханова, «цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом», а следовательно, «закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе способы распоряжения ими»¹⁰. Эту позицию поддерживают и другие ученые, считающие цифровое право не отдельным подразделением в системе права, а цифровой формой частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых

⁶ См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. No. 113(2). P. 501–549.

⁷ См.: Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 103–105.

⁸ См.: Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 69.

⁹ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1913. С. 214.

¹⁰ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой¹¹. В частности, отмечается что «соответствующие группы отношений (интеллектуальная собственность в киберпространстве, электронная коммерция, персональные данные, информационная безопасность и т.п.) уже входят в предметную группу существующих отраслей права, не составляя в силу своего многообразия и гетерогенности некоего нового отраслевого образования в виде интернет-права, киберправа, цифрового права и т.п.»¹².

Но означает ли это невозможность выявления специфики правоотношений, связанных с приобретением, реализацией и защитой прав, и формирования на этой основе новой отрасли права? Достаточно посмотреть в этом смысле на соотношение гражданского и финансового права. В обоих случаях предметом правового регулирования выступают имущественные отношения, однако субъектный состав правоотношений, методы их регулирования дают основания для их отраслевого размежевания даже в межотраслевых институтах, таких как государственные займы, где вопросы эмиссии государственных облигаций составляют предмет финансового права, а отношения между государством в лице уполномоченных органов и заемщиком по договору государственного займа — предмет гражданского права.

Здесь нельзя не учитывать, что цифровые технологии являются не только способом придания новой формы уже известным общественным отношениям, но и инструментом качественного изменения поведения субъектов. Кроме того, современная цифровая практика обуславливает некоторое размывание границ

между абсолютными и относительными правами, в том числе в контексте реализации мер правовой защиты. Как отмечает Л. Г. Ефимова, бездокументарные ценные бумаги, безналичные деньги и цифровые деньги, являясь обязательственными правами (требованиями) по договору о выдаче и об использовании, о совершении платежей, одновременно выступают объектом абсолютных правоотношений их владельца со всеми третьими лицами¹³.

Наконец, нельзя не признать, что некоторые правоотношения существуют только в условиях особой цифровой среды, которая заметно видоизменяет характер взаимодействия их участников, иногда фактически создавая новую реальность, для которой характерны «бесконечное существование; синхронизация с реальностью; отсутствие ограничений по количеству одновременно подключившихся пользователей; собственная полноценно функционирующая экономика; интеграция цифрового и реального мира, публичные и частные платформы, частные и общедоступные сети; беспрецедентная совместимость данных, контента, активов, предметов, которые можно передавать между виртуальными мирами (трансплатформенность); наполненность контентом и опытом широкого круга пользователей в виде индивидуальных или коллективных участников»¹⁴. Очевидно, что это обстоятельство не может долго игнорироваться ни законодателем, ни правоприменителем. Причем подобная трансформация правоотношений отмечается достаточно давно и изначально связывалась с развитием Интернета, что обусловило появление категорий «интернет-право»¹⁵, «киберправо» и «сетевое право»¹⁶. Позднее стали говорить

¹¹ См.: Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 14 (2). С. 492–509; Фомина О. Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

¹² Терентьева Л. В. Концепция устойчивого развития в киберпространстве: вопросы управления и суверенитета // Право и цифровая экономика. 2023. № 4. С. 21–32.

¹³ См.: Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

¹⁴ Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.

¹⁵ См.: Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстицинформ, 2014.

¹⁶ См.: Голоскоков Л. В. О сущности сетевого права // Сетевое право и финансы : сборник науч. трудов / Академия бюджета и казначейства ; отв. ред. А. П. Альбов. М., 2011. С. 8.

¹⁷ См.: Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. 2016. 137. Р. 87–153; Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

о платформенном праве¹⁷ и праве цифровых технологий¹⁸. Фактически все они используются как синоним цифрового права и базируются на смешении традиционных и «новых правовых институтов и положений, появившихся и развившихся именно в связи с Интернетом»¹⁹, что объективно поднимает вопрос о месте соответствующих правовых норм в системе права.

Существование интернет-среды как основы для выстраивания подобных отношений закономерно обусловило смещение акцентов в части их правового регулирования в сторону информационного права и формирования представлений о его трансформации. Ряд ученых считают, что цифровое право должно выступать в качестве подотрасли информационного права²⁰, в том числе вследствие того, что «цифровые права, регулируемые в Гражданском кодексе РФ, можно считать частным случаем информационно-коммуникативных прав»²¹. Впрочем, есть и более глубокое обоснование такого подхода, базирующееся на представлении о генезисе норм цифрового права, начинающегося «в разнородной, смешанной группе цифровых отношений, которые тем не менее в реальной жизни выглядят как определенное однородное поведение субъектов деятельности по поводу оборота информации в цифровом виде и использования цифровых технологий, когда частные и публичные отношения переплетаются и зачастую сливаются в единое целое»²².

Между тем разделение оборота цифровых данных и применения информационных технологий проводится уже на конституционном уровне. Причем и те и другие рассматриваются в контексте обеспечения безопасности личности, общества и государства (п. «м» ч. 1 ст. 71

Конституции РФ). К тому же подобный подход не обеспечит целостности и системности правового регулирования оборота цифровых прав. Еще более сомнительной представляется идея рассмотрения цифрового права как комплексного института российского права²³, поскольку многообразие возникающих при этом отношений со всей очевидностью не уложится в эти весьма тесные рамки.

Ряд ученых отстаивают необходимость выделения не цифрового, а платформенного права как совокупности «правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере взаимодействия с платформенными решениями в разных сферах общественной жизни»²⁴. Эта идея достаточно давно дискутируется в зарубежной юриспруденции, поскольку цифровые платформы произвели парадигмальный сдвиг в производстве, потреблении, разнообразных видах активности, включая работу, учебу и отдых. Новая волна стартапов, опирающихся на эту технологию, объединяет людей и трансформирует их поведение и взаимоотношения за пределами цифрового мира. Обеспечиваемые цифровыми платформами новые бизнес-модели ежегодно приносят колоссальный доход и демонстрируют ошеломляющие темпы роста. Экономика платформ радикально меняет традиционное равновесие спроса и предложения, стирая границы между владельцами и пользователями, производителями и потребителями, преодолевая пространственные границы личного и профессионального, бизнеса и дома, рынка и досуга²⁵. В ряде случаев киберпространства, создаваемые отдельными субъектами, имеют собственные правила, обладающие достаточной степенью формализации для того, чтобы не порождать

¹⁸ См.: Зыкова О. А. Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // *Гражданское право*. 2023. № 1. С. 12–21.

¹⁹ Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // *Хозяйственное право*. 2020. № 4. С. 3–12.

²⁰ См.: Городов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1. С. 36–43; Тимов О. В., Шевченко А. Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // *Российская юстиция*. 2019. № 10. С. 6–9.

²¹ Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса // *Юрист*. 2021. № 11. С. 8–12.

²² Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // *Право и экономика*. 2024. № 1. С. 15.

²³ См.: Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // *Проблемы права*. 2019. № 4 (73). С. 58–64.

²⁴ Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // *Предпринимательское право*. 2020. № 4. С. 17–24.

²⁵ См.: Lobel O. Op. cit. P. 88.

потребности в обращении к законодательным актам, которые нередко специфику этих отношений не учитывают. Это бросает вызов общепринятой теории регулирования, что вызывает обеспокоенность законодателей во всем мире, вынужденных так или иначе реагировать на происходящие процессы, и, как следствие, обуславливает появление некой совокупности нормативных правовых актов, определяющих правила поведения участников соответствующих отношений, пределы реализации ими своих прав и особенности ответственности.

Подобный подход интересен с точки зрения обособления отдельной сферы применения цифровых технологий, он позволяет развеять опасения относительно излишней широты предмета правового регулирования, способной, по мнению некоторых авторов, вызвать отторжение²⁶. Впрочем, они разделяются не всеми, учитывая формулируемое определение цифрового права как отрасли права, объединяющей правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий физическими и юридическими лицами²⁷. Правда, иногда оговаривается, что эта отрасль находится в процессе становления. При этом ряд ученых связывают формирование соответствующей отрасли с трансформацией самого права, которая станет возможна в случае официального признания за цифровым кодом свойств источника права, а также использования новых форм правореализации, основанных преимущественно на функционировании различных информационных систем²⁸.

Основанием для такого вывода, вероятно, служит несовершенство сформированной законодателем нормативной правовой базы, что

в значительной мере объясняется отсутствием единообразных доктринальных подходов к пониманию правовой природы общественных отношений в этой сфере, формированию терминологии, обоснованию принципов и методов правового регулирования.

Одним из ключевых вопросов для отраслевого обособления совокупности правовых норм является предмет правового регулирования. Здесь нельзя не отметить многообразие подходов к его определению. Считается, что его составляют отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых данных и применением цифровых технологий²⁹. Иногда в качестве их особенности называется виртуальный характер³⁰. В некоторых работах обращается внимание на то, что к цифровым можно отнести только те правоотношения, для которых цифровая среда выступает фактором, определяющим их возникновение и развитие³¹. Таким образом, их специфика всегда раскрывается через техническую и технологическую составляющую³². Проблема, однако, в том, что цифровая трансформация затрагивает одновременно все сферы общественной жизни, обуславливая необходимость разграничения частных и публичных цифровых отношений.

Из этого очевидного факта в доктрине выводятся два принципиально разных положения. Одно из них, базируясь на представлении о том, что новая форма не меняет содержания, заключается в том, что цифровые отношения могут иметь различную отраслевую принадлежность, а следовательно, оснований для выделения цифрового права как отрасли нет³³. В то же время неоднородность правоотношений дает основание говорить о комплексном характере цифрового права. И если одни ученые видят в подобном подходе решение проблемы отрас-

²⁶ См.: Талапина Э. В. Указ. соч. С. 25.

²⁷ См.: Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14.

²⁸ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. С. 26.

²⁹ См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 36 ; Рожкова М. А. Указ. соч. С. 7.

³⁰ См.: Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 17.

³¹ См.: Пащенко И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43. С. 23.

³² См.: Щербаков М. Г. К вопросу о коэволюции права и технологий (алгоритмов): постановка проблемы // Право и цифровая экономика. 2023. № 3. С. 33–37.

³³ См.: Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Указ. соч. С. 496–497.

левого деления, то другие опасаются стирания границ между публичным и частным правом³⁴.

Проблема заключается в неоднозначной оценке самой идеи существования комплексных отраслей, высказанной В. К. Райхером и поддержанной рядом ученых³⁵. До сих пор диапазон мнений варьируется от оценки данной категории как плодотворной до ее отрицания как неоправданного подхода, недоразумения, способствующего «размыванию» системы права, а также ведущего к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем³⁶.

Между тем столь критический взгляд не вполне оправдан: границы между частным и публичным становятся всё более подвижными и гражданско-правовые инструменты всё чаще используются в публично-правовой сфере, государственное регулирование может достаточно глубоко проникать в частноправовые отношения, особенно когда речь идет о необходимости защиты государственных и общественных интересов, а также интересов слабой стороны. Рассматривая общественные отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий, нельзя не обратить внимание на то, что их существование возможно только в специально созданной среде, функционирование которой, в свою очередь, является следствием реализации организационно-предпосылочных отношений. Так, взаимодействие между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции с использованием инвестиционных платформ, возможно только как результат построения организационных отношений на основе совокупности предусмотренных законом договоров (договор об оказании услуг по привлечению инвестиций и договор об оказании услуг по содействию в

инвестировании, заключаемых оператором инвестиционной платформы с лицом, привлекающим инвестиции, и инвестором) и в строгом соответствии с требованиями, установленными законом — к операторам инвестиционных платформ, сделкам и пр., и с правилами инвестиционной платформы, согласованными с Центральным банком РФ³⁷. С учетом этого, как представляется, возникающие отношения нельзя отождествлять с отношениями сторон по договору займа, предусмотренному в ГК РФ, ограничиваясь указанием на иную форму их существования.

Различная правовая природа рассматриваемых отношений, обеспечивающая формирование представлений о цифровом праве как комплексной отрасли, обуславливает применение методов, свойственных не только частным, но и публичным отраслям права. Этого требуют защита персональных данных, обеспечение здоровой конкуренции на цифровых платформах и т.п. Выделение собственного метода регулирования вызывает некоторые трудности. По крайней мере, высказывается мнение о том, что нормы, регулирующие отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, не объединены единым методом регулирования, а следовательно, относятся к различным отраслям права³⁸.

Впрочем, попытки выделения собственного метода цифрового права всё же предпринимаются. В частности, А. В. Минбалева говорит о технико-юридическом методе, основанном на методах информатики, поскольку в любой модели регулирования цифровых технологий определяющее значение имеет техническое регулирование, которое и является основой для правового регулирования их использования, а также саморегулирования и сорегулирования³⁹.

³⁴ См.: Талапина Э. В. Указ. соч. С. 28.

³⁵ См.: Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М. ; Л., 1947. С. 190 ; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 361–362 ; Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–45 ; Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 146.

³⁶ См.: Красавчиков О. А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. № 2. С. 65 ; Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2016. № 2. С. 74.

³⁷ См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³⁸ См.: Рожкова М. А. Указ. соч. С. 7.

³⁹ Минбалева А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 34. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.

Содержательные характеристики любой отрасли, позволяющие говорить о ее специфике, отчетливо демонстрируют принципы правового регулирования отношений, составляющих ее предмет. Наиболее полно и системно они были изложены А. В. Даниленковым, который предложил выделять:

1) принципы организации и функционирования сети Интернет, включающие принцип сетевой нейтральности и принцип открытой архитектуры;

2) принципы управления сетью Интернет, включая, но не исключительно: принцип многостороннего партнерства; принципы государственного суверенитета и ответственности государства за обеспечение реализации права на доступ к сети Интернет и контроль складывающихся в ней отношений в контексте поддержания публичного порядка; принцип subsidiarity национально-правового регулирования по отношению к международно-правовому; принцип децентрализованного управления сетью Интернет; принцип законодательного минимализма в сфере интернет-регулирования и др.;

3) гуманитарные принципы, охватывающие принцип свободной реализации прав и законных интересов в Интернете, принцип приватности, принцип культурного и языкового разнообразия;

4) принципы рассмотрения и разрешения судебных и административных споров в сети Интернет⁴⁰.

Это, впрочем, не исключает обращения к иным принципам правового регулирования с учетом содержательной характеристики соответствующих отношений.

Можно выделить и другие критерии, позволяющие говорить об относительной самостоятельности цифрового права, притом что использование подобного словосочетания до сих пор критикуется. Речь идет не только об использовании специфического понятийного аппарата, определении правового статуса субъектов правоотношений, без участия которых реализация цифровых прав становится объективно невозможной, но и о формировании системы нормативного регулирования отношений, в которой особое место продолжают занимать акты

саморегулирования, технические и даже этические нормы, обеспечивающие формирование собственного арсенала средств взаимодействия участников правоотношений. Специфика рассматриваемых отношений иногда приводит к весьма категоричному и, на наш взгляд, спорному выводу о том, что цифровое право как соединение неправовых регуляторов «может состояться только на основе отказа от предыдущей регуляторной практики», поскольку его «система определяется не предметом, не методом и даже не типом правового регулирования», а «цифровыми транзакциями и выступает в этом смысле как социологическая реальность, чистое живое право»⁴¹.

Заслуживает внимания и система цифрового права как отрасли. Ориентиром здесь могут служить как общетеоретические подходы к решению данного вопроса, предполагающие выделение в ее структуре общей и особенной части, так и сущностные характеристики правоотношений, составляющих его предмет. Общую часть цифрового права, на наш взгляд, образуют нормы, закрепляющие его принципы, правовой статус участников цифровых отношений, объекты цифрового права, а также правовые средства государственного воздействия на них. Его особенная часть может быть выстроена с учетом перечня сквозных цифровых технологий, в свое время утвержденных Правительством РФ в рамках принятой в 2017 г. программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и включающих большие данные, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорику, нейротехнологии и искусственный интеллект, новые производственные технологии. Каждая технология должна быть рассмотрена с позиции особенностей реализации в публично-правовой и частноправовой сфере общественных отношений.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что тенденции цифровизации всех сфер обществен-

⁴⁰ См.: Даниленков А. В. Принципы интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 146–150.

⁴¹ См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 19–22.

ной жизни создают объективные предпосылки для отраслевого обособления цифрового права. Потенциал, заложенный в цифровых технологиях, способен не только существенно трансформировать имеющиеся, но и создать принципиально новые отношения, что не позволяет согласиться с утверждением о том, что их применение обуславливает лишь новую форму их существования.

В целом возможность рассмотрения цифрового права в качестве комплексной отрасли права прежде всего связывается:

1) со спецификой составляющих его предмет отношений, возникновение и существование

которых невозможно без применения тех или иных цифровых технологий;

2) с особенностями метода их регулирования, характеризующегося сочетанием императивного и диспозитивного регулирования, законодательной регламентации при сохранении значительной роли саморегулирования и необходимости учета специфики национальной юрисдикции в интернет-пространстве;

3) с формированием особой, обусловленной спецификой киберпространства системы принципов построения соответствующих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.

Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 492–509.

Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.

Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.

Городов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–43. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043.

Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстицинформ, 2014. 142 с.

Даниленков А. В. Принципы интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 144–154.

Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

Зыкова О. А. Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // Цивилист. 2023. № 1. С. 12–21.

Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.

Минбалева А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 31–36. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.

Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58–64.

Национальная юрисдикция : Курс на конкурентоспособность правовой системы России : доклад / под общ. ред. И. Н. Барцица, А. С. Ерёмченко. М. : Дело, 2019.

Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса // Юрист. 2021. № 11. С. 8–12.

Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.

Пашенко И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43. С. 21–25.

Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйственное право. 2020. № 4. С. 3–12.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 103–105.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 49–70.

Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.

Танимов О. В., Шевченко А. Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 6–9.

Терентьева Л. В. Концепция устойчивого развития в киберпространстве: вопросы управления и суверенитета // Право и цифровая экономика. 2023. № 4. С. 21–32.

Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2016. № 2. С. 74.

Фомина О. Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse // The University of Chicago Legal Forum. 1996. [207]. P. 207–216.

Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. No. 113 (2). P. 501–549.

Lobel O. The Law of the Platform // University of Minnesota Law School. 2016. [101:87]. P. 87–153.

REFERENCES

Altukhov AV, Ershova IV, Kashkin SYu. Platform law as a driver of innovation development. *Predprinimatelskoe pravo [Business law]*. 2020;4:17-24. (In Russ.).

Amelin RV, Channov SE. The evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).

Banakas S, Petrov DA, Popondopulo VF, Silina EV. Digital relations as a subject of legal research. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2023;14(2):492-509. (In Russ.).

Bartsits IN, Binda O, Danilenko E, et al. National jurisdiction: A course for the competitiveness of the Russian legal system. Moscow; 2019. (In Russ.).

Belykh VS, Bolobonova MO. The concept, meaning and trends in the development of digital law. *Yurist [Jurist]*. 2020;1:5-14. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

Blazheev VV, Egorova MA, editors. Digital law: A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Danilenkov AV. Internet law. Moscow: Yusticinform Publ.; 2014. (In Russ.).

Danilenkov AV. Principles of Internet Law. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2016;2(7):144-154. (In Russ.).

Easterbrook FH. Cyberspace and the Law of the Horse. The university of Chicago legal forum. 1996. [207] pp. 207–216.

Efimova LG. On the legal nature of non-cash money, digital currency and the digital ruble. *Tsivilist*. 2022;4:6-15. (In Russ.).

Fomina ON. From property rights to rights to intangible and digital objects. *Grazhdanskoe pravo*. 2023;2:42-45. (In Russ.).

Golovina AA. Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Gorodov OA. Digital law as a sub-branch of information law. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 2021;1:36-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043

Kartskhiya AA. Digital rights and law enforcement. *Monitoring pravoprimeneniya*. 2019;2(31):43-46. (In Russ.).

Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. *Harvard Law Review*. 1999;113(2):501-549.

Lobel O. The Law of the Platform. *University of Minnesota Law School*. 2016;101(87):87-153.

Minbaleev AV. Digital law as a complex institute of Russian law. *Problemy prava*. 2019;4(73):58-64. (In Russ.).

Minbaleev AV. Transformation of regulation of digital relations. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*. 2019;12:31-36. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

- Nesterov AV. Digital law against the Information Code. *Yurist [Jurist]*. 2021;11:8-12. (In Russ.).
- Nigmatzyanova DA. NFT as the basis of the economy of the metaverses. *Pravo i biznes*. 2022;4:26-31. (In Russ.).
- Pashchenko IYu. Digital legal relations as a new phenomenon for the system of legal regulation. *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti*. 2022;43:21-25. (In Russ.).
- Rozhkova MA. Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a digital code? *Khozyaystvennoe pravo*. 2020;4:3-12. (In Russ.).
- Sukanov EA. On the civil nature of «digital property». *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Talapina EV. Comparative Digital Law: Formation and prospects. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2021;9:18-32. (In Russ.).
- Tanimov OV, Shevchenko AR. Digital law: Basic essential aspects. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2019;10:6-9. (In Russ.).
- Terentyeva LV. The concept of sustainable development in cyberspace: Issues of governance and sovereignty. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 2023;4:21-32. (In Russ.).
- The system of Soviet law and prospects for its development. *Sov. gos-vo i pravo*. 1982;7:103-105. (In Russ.).
- The system of Soviet law and prospects for its development. *Sov. gos-vo i pravo*. 1982;8:49-70. (In Russ.).
- Tonkov EE, Sinenko VC. Complex branches of law: A fruitful idea or a rejection of formal certainty in legal science? *Vestnik VGU. Seriya: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Law Series]*. 2016;2:74. (In Russ.).
- Vaypan VA. Digital law: Origins, concept and place in the legal system. *Pravo i ekonomika*. 2024;1:5-27. (In Russ.).
- Zykova OA. The nature of digital law and its relation to related legal categories. *Tsivilist*. 2023;1:12-21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы правоведения ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
zaytsev-ov@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Zaitsev, Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Higher School of Jurisprudence, IGSAU of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
zaytsev-ov@ranepa.ru

Материал поступил в редакцию 22 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 22.05.2024.

Revised 13.08.2024.

Accepted 15.08.2024.

Двусторонние иски (actio duplex): от римского гражданского процесса до современных российских процессуальных реалий

Резюме. Статья представляет собой исследование двусторонних исков (actio duplex) римского гражданского процесса в контексте их интерпретации учеными второй половины XIX — начала XX в. Автором изучена монография Э. Эка, посвященная двусторонним искам, и подробно изложены выводы ученого, полагавшего, что как таковая модель двусторонних исков нехарактерна ни для римского, ни для гражданского процесса его времени. В статье проанализировано современное положение дел в теории гражданского процесса в отношении данных исков, а также обоснованы правоприменительные потребности в формировании особого подхода к подобного рода явлениям. В первой части статьи речь идет о том, как развивались представления о двусторонних исках римского гражданского процесса преимущественно в немецкой науке к началу XX в. Во второй части статьи автор концентрируется на монографии Э. Эка и излагает его взгляды, основанные на изучении римских первоисточников и их последующем анализе. Подробно излагаются аргументы Э. Эка о не-двойственной природе исков о разделе общего имущества. В третьей части статьи уделяется внимание современному швейцарскому гражданскому процессу и российским процессуальным реалиям. В итоге автор формулирует ряд признаков исков, связанных с так называемым двусторонним присуждением, которые позволяют рассматривать их как отдельное правовое явление.

Ключевые слова: римский гражданский процесс; гражданское процессуальное право; иск; двусторонние иски; иск о присуждении; иск о применении последствий недействительности сделки; иск о расторжении договора; исполнительное производство; правоприменение

Для цитирования: Карпова А. А. Двусторонние иски (actio duplex): от римского гражданского процесса до современных российских процессуальных реалий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 127–146. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.127-146

Bilateral Lawsuits (Actio Duplex): From Roman Civil Procedure to Modern Russian Procedural Realities

Anastasia A. Karpova
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. This paper is a study on the so-called bilateral claims (actio duplex) of the Roman civil procedure in the context of their interpretation by scientists of the second half of the 19th — early 20th century. The author has scrutinized the monograph of E. Eck devoted to bilateral lawsuits. The monograph provides detailed conclusions of the scientist, who believed that as such the model of bilateral lawsuits was not typical for either the Roman or the civil procedure of his time. The paper also analyzes the current state of affairs in the theory of civil procedure in relation to these claims, and substantiates the law enforcement needs for the formation of a special approach to

such phenomena. In the first part of the paper, we are talking about how ideas about bilateral claims of the Roman civil procedure developed mainly in German science by the beginning of the 20th century. In the second part of the article, the author concentrates on Eck's monograph on the so-called bilateral lawsuits and sets out his views based on the study of Roman primary sources and their subsequent analysis. Eck's arguments are also described in detail. This is about the non-dual nature of claims for the division of common property. The third part of the article focuses on modern Swiss civil procedure and Russian procedural realities. As a result, the author formulates a number of signs of claims related to the so-called bilateral award, which allow them to be considered as a separate legal phenomenon.

Keywords: Roman civil procedure; civil procedural law; claim; bilateral claims; award claim; claim for enforcement of implications of an invalidated transaction; rescissory action claim; enforcement proceedings; law enforcement

Cite as: Karpova AA. Bilateral Lawsuits (Actio Duplex): From Roman Civil Procedure to Modern Russian Procedural Realities. *Lex russica*. 2024;77(9):127-146. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.127-146

Введение

Одной из аксиом в доктрине цивилистического процесса является правило о том, что в случае удовлетворения иска о присуждении именно ответчик присуждается к исполнению определенного материально-правового требования в пользу истца, но не наоборот: истец — в пользу ответчика, при этом роли сторон процесса строго определены, истец не может быть одновременно ответчиком, а ответчик — истцом (в отсутствие встречного иска).

Между тем можно столкнуться с особым развитием событий, когда истец в иске просит суд присудить что-либо не только в свою пользу, но и в пользу ответчика, а по судебному решению присуждение происходит и в пользу истца, и в пользу ответчика¹. Редкое ли это явление? Если вспомнить иски о применении последствий недействительности сделки, иски о расторжении договора с восстановлением имущественного положения каждой из сторон, некоторые наследственные иски и иски о разделе общего имущества, то становится очевидным, что явление отнюдь не уникально и довольно распространено, поэтому его крайне важно рассмотреть и изучить, ведь оно сопровождается целым рядом проблем, связанных с особенностями формулирования просительной части иска, оплаты государственной пошлины, вынесения и исполнения решения по такому иску, а также распределения судебных расходов. Не совсем очевиден ответ на вопрос о соотношении принципов диспозитивности и

состязательности с особенностями конструирования подобного рода исков о присуждении не только ответчика в пользу истца, но и истца в пользу ответчика (в отсутствие встречного иска). Неясно также, как поступить суду, если по требованию истца о признании сделки недействительной просительная часть иска содержит только требование истца к ответчику, но не наоборот, в то время как механизм реализации двусторонней реституции подразумевает присуждение сторон к исполнению материально-правовых требований в пользу друг друга, то есть в двух направлениях.

Аналогичные сложности могут возникнуть и при рассмотрении иска о расторжении договора, полностью или частично исполненного сторонами, с обязательством каждой из сторон возратить полученное.

Вероятно, разрешение некоторых из поставленных вопросов невозможно без понимания того, как именно идентифицировать предмет подобных исков. Если мы утверждаем, что предметом иска является исключительно материально-правовое требование истца к ответчику, как объяснить природу «встречного» требования относительно присуждения истца исполнить в пользу ответчика материально-правовое требование (в отсутствие какого-либо встречного иска)?

Определение особенностей конструкции подобного рода исков важно и для разрешения последующих проблем исполнения решений по ним².

Прежде чем выработать представление о природе подобных исков, о том, каким образом

¹ Указанные особенности подробно и системно были рассмотрены здесь, см.: См.: Юдин А. В. Возложение юридической обязанности на «себя самого», или к вопросу об уточнении правового положения истца в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С. 13–16.

² О возможных путях разрешения возникающих проблем исполнения подобных решений можно см.: Комашко М. Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 161–165 ;

они соотносятся с классической процессуальной классификацией исков, имеют ли какие-то особенности в сравнении с иными видами исков и существуют ли как самостоятельный вид (подвид), следует обратиться к римскому образу подобных исков.

Статья представляет собой исследование так называемых двусторонних исков (actio duplex) римского гражданского процесса и воззрений ученых, преимущественно второй половины XIX — начала XX в., а также современного положения дел в теории гражданского процесса в отношении данных исков.

Таким образом, речь пойдет об исках, которые Г. Ф. Пухта обозначал в качестве особой категории, уточняя, что «все эти иски отличаются равенством сторон как по отношению к обязанности представлять доказательства, так и по отношению к condemnatio³, так как их результатом может быть присуждение к чему-либо самого истца, что положительно невозможно при других исках»⁴.

1. Развитие взглядов о двусторонних исках римского гражданского процесса в немецкой литературе второй половины XIX — начала XX в.

Подобное явление Ф. К. Савиньи называл «малочисленным исключением» и определял данные иски как duplices actiones, duplicia iudicia (в том числе интердикты: duplicia interdicta) либо mixtae actiones, указывая, что каждая сторона в таких делах объединяет в себе качества как истца, так и ответчика, осуждена может быть любая сторона (однако при распределении бремени

доказывания всё же наблюдалось четкое разделение ролей истца и ответчика). Ф. К. Савиньи относил к подобным искам небольшое число случаев: иски о разделе общей собственности — communi dividundo, familiae herciscundae, finium regundorum, а также два interdicta retinendae possessionis — uti possidetis и utrobi⁵.

Б. Виндшейд, напротив, полагал, что понятие actio duplex не имеет никакого значения для современного права, за исключением требований о разделе общей собственности в случае их судебного рассмотрения, поскольку истец не может быть обвинен (понуужден к исполнению) по итогам судебного разбирательства, кроме случаев возмещения судебных издержек либо заявления ответчиком своих притязаний к истцу (решение выносится о двух притязаниях, например требование о передаче вещи и требование об уплате выкупной цены). Ученый отрицал существование особенности в рассматриваемых исках, отмечая, что то, что ответчик является вместе с тем и истцом, это лишь результат составления формулы таким образом, что «вследствие представленного ответчиком требования можно было обвинить и истца»⁶.

Т. Мутер оспаривал аргументацию Б. Виндшейда об утрате данными исками значения, поскольку во всех случаях возможно обвинение истца при наличии соответствующего требования ответчика, для ответчика дозвоительно также выступать в качестве истца по встречному иску, при этом Т. Мутер апеллировал к работе Х. Байера и «приведенным там авторам», рекомендуя заинтересованным почитать о разнице между iudicium duplex и случаем заявления иска и встречного иска⁷.

Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.). С. 444 (автор комментария к статье — Д. О. Тузов) ; *Словеский К. И.* Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 108–122 ; *Карпова А. А.* Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в цивилистическом процессе. М. : Статут, 2024. С. 169–175.

³ Под condemnatio здесь и далее следует понимать «часть процессуальной формулы, уполномочивающую судью присудить или освободить ответчика в зависимости от того, признает он интенцию (требовательная часть формулы) верной или нет». См.: *Бартошек М.* Римское право : (Понятие, термины, определения). М. : Юрид. лит., 1989.

⁴ *Пухта Г. Ф.* Курс римского гражданского права. М., 1874. С. 235–236.

⁵ *Савиньи Ф. К.* Система современного римского права : в 8 т. М. : Статут, 2013. Т. 3. С. 406–407.

⁶ *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. СПб., 1874. Т. 1 : Общая часть. С. 327–328 ; *Windscheid B.* Die actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf, 1856. S. 27, o. Fn. 2.

⁷ *Muter T.* Zur Lehre von der römischen Actio, dem Heutigen Klagerecht, der Litiscontestation und der Singularsuccession in Obligationen eine Kritik des Windscheid'schen Buchs: «Die Actio des Römischen Civilrechts». Erlangen, 1857. S. 60.

Х. Байер действительно полагал, что отличие *judicium duplex* от иска и встречного иска состоит в том, что в первом случае речь идет об одном иске, который касается одного и того же спорного правоотношения, во втором случае речь идет о двух исках, каждый из которых имеет свой предмет и свое основание⁸.

Б. Виндшейд, отвечая на критику Т. Мутера, повторно указал, что *actio duplex* не имеет более значения в праве, особенность данных исков состоит в самой формуле, которая позволяет не без заявления ответчика, кроме исков о разделе имущества, вынести решение не в пользу истца (осудить истца). Ученый также подверг критике отсылку к Х. Байеру: когда ответчик по делу о разделе общей собственности требует взыскания с истца расходов за эксплуатацию и повреждение имущества либо если по *interdictum uti possidetis*⁹ ответчиком заявлено требование о признании его в качестве владельца, а оппонента в качестве нарушителя, указанные требования также являются отдельными исками. При этом аналогично и в ситуации заявления ответчиком, к которому предъявлен иск о выплате покупной цены, требования о передаче вещи. Об «одном» иске можно говорить тогда, когда это прямо предусмотрено формулой¹⁰. Так, Б. Виндшейд не видел различий между структурой «иск — встречный иск» и иском в рамках *actio duplex*, если подходить с позиции распространенного в то время понимания последнего как иска, в основе которого лежит единое правоотношение.

Г. Дернбург указывал, что двусторонние иски (*actio duplex*) являются исключением, поскольку по общему правилу иск оканчивается либо присуждением ответчика, либо отказом в иске, а не присуждением истца (кроме судебных расходов). Однако в ряде случаев (требования о разделе общего имущества, иски об установлении спорных границ, иски об удержании владения) речь идет о том, что решение по итогам рассмотрения дела возможно одинаково как в интересах истца, так и в интересах ответчика. Такие

иски, как правило, не должны оканчиваться «одним отрицательным результатом — отказом в иске истцу, они имеют в виду положительное урегулирование отношений не только для пользы сторон, но и в интересах публичных»¹¹.

Ю. Барон полагал, что в двусторонних исках каждая сторона соединяет в своем лице роль истца и ответчика вместе, к таковым относимы иски о разделе, где каждой стороне что-либо присуждается и в чем-либо отказывается. Помимо этого, некоторые варианты интердиктов *retinendae possessionis*, в которых двусторонность вытекает не из самого понятия этих интердиктов, а «из требования сторон, поэтому ее может и не быть». «Там, где двусторонность имеет место, она состоит не в том, что каждая сторона в одно и то же время и побеждает, и подвергается присуждению, а, напротив, побеждает одна сторона, другая же подвергается присуждению»¹².

Э. Эк, проанализировав существовавшие на тот момент работы, выделил следующие характеристики двусторонних исков:

1) «в таких исках каждая сторона объединяет в себе качества и истца и ответчика и имеет равные права с другой стороной» (Ф. К. Савиньи);

2) «иск надлежит рассматривать так, как если бы ответчик также подал иск» (Г. Ф. Пухта);

3) в отдельности всё же о другой стороне ограниченно добавляется, что в некоторых случаях неотъемлемо разграничение истца и ответчика, истцом следует считать того, кто первый обратился в суд (Ф. К. Савиньи);

4) смешение ролей сторон в процессе не должно быть радикальным (Г. Ветцель);

5) некоторые делают далеко идущие практические выводы из двойственности, например: любой, в отношении которого возможно инициировать *actio duplex*, также имеет право инициировать соответствующий иск (К. Синтенис, К. Кох); в отношении истца не только по требованию ответчика, но и в отсутствие такового может быть вынесено решение (Ф. К. Савиньи)¹³.

По итогам анализа источников Э. Эк заявляет об отсутствии удовлетворяющих ответов на во-

⁸ Bayer H. Vorträge über den deutschen gemeinen ordentlichen Civilprocess: zunächst für seine Zuhörer herausgegeben. München, 1869. S. 369.

⁹ Об интердиктах будет сказано далее.

¹⁰ Windscheid B. Die Actio: Abwehr gegen Dr. Theodor Muther. Düsseldorf, 1857. S. 40–41.

¹¹ Дернбург Г. Пандекты. М.: Университетская типография, 1906. Т. 1: Общая часть. С. 360–361.

¹² Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. I: Общая часть. СПб.: Склад издания в книжном магазине Н. К. Мартынова, 1909. С. 190–191.

¹³ Eck E. Die sogenannten doppelseitigen Klagen des Römischen und gemeinen Deutschen Rechts. Berlin, 1870. S. 3.

прос, как сочетается «смешение ролей сторон» или «равенство прав» для обеих сторон с материальным пониманием иска (*actio*) и с принципом состязательности. Также не определены основания и пределы действия данного явления. От глоссаторов до наших дней встречается только повторение немногих положений, содержащихся в источниках: о том, что каждая сторона является и истцом и ответчиком, роли которых определяются либо по тому, кто первый обратился с иском, либо по жребию. Как отграничить изучаемое явление от родственного ему иска и встречного иска, притом что в литературе различие сводится только к тому, что при *actio duplex* один иск и одно спорное правоотношение для каждой стороны, в случае же встречного иска — объединение двух самостоятельных исков, каждый из которых может иметь свой предмет и свое основание. Указанное следует из трудов: Х. Байера, Т. Мутера, Г. Ветцеля и др. Аналогичные наблюдения, но более неопределенные, встречаются у Ф. К. Савиньи: двойственность при встречном иске возникает по воле ответчика, а в *actio duplex* — посредством общей природы иска¹⁴.

Понимание «единства спорного правоотношения» как материально-правовой характеристики спора, положенного в основу иска, достигалось через противопоставление с совокупностью исков, где каждый может иметь свое основание и предмет. Однако, по мнению Э. Эка, эта возможность сама по себе не в состоянии обосновать существенность различия. Бесспорно, что очень часто в суде рассматриваются притязания в качестве иска и встречного иска, предмет и основания которых ничуть не более различаются, чем при притязаниях сторон в *iudiciis duplicibus*, например иски двух наследников друг к другу. При правильном восприятии единство спорного правоотношения означает единство правового вопроса: права двух сторон на иск в правоотношении находятся в том положении друг к другу, что рассмотрение и разрешение одного из них невозможно без рассмотрения и разрешения другого. В пример автор привел несколько случаев, один из них — о споре двух сторон о действительности/недействительности сделки. В этой ситуации

вынесение решения в отношении одного из требований сопровождает и ему противостоящее. Напротив, здесь идентичность оснований и предметов двух требований не требуется, не достаточна. С одной стороны, из одного и того же основания могут возникать несколько независимых друг от друга требований. С другой стороны, если несколько субъектов заявляют одинаковое право на один и тот же объект, хотя решение об удовлетворении притязания в отношении одного из заявителей одновременно для других будет решающим, но не равно как и отказное решение. Таким образом, в этом случае о единстве спорного правоотношения не может идти речь¹⁵.

Между тем с указанными выводами Э. Эка впоследствии согласились не все исследователи. Так, признается, что исследование Э. Эка производит отличное впечатление благодаря его солидности, ясности представлений и обоснования и воспринимается как первая критическая работа в отношении господствующего взгляда по заданной тематике, но в то же время его выводы не могут быть одобрены¹⁶.

Далее автор излагает свои общие представления по вышеизложенным замечаниям Э. Эка: распространенное определение или описание двойственности несовершенно, однако Э. Эк не оценил его по достоинству. При этом отличие от рассмотрения в одном процессе объединенных иска и встречного иска состоит в том, что связь иска и встречного иска основана на свободном решении ответчика, инициирующего встречный иск; напротив, при двойственности в основе находится слияние двусторонних исков в одном процессе, основанное на сути самих отношений. В первом случае — два самостоятельных иска, во втором — один иск из двух частей и единство спорного правоотношения. Между тем утверждение о единстве спорного правоотношения — это неудовлетворительная попытка объяснить природу этой двойственности. Автор обосновывает ее ссылкой на то, что для обособления этой группы исков достаточно того, что они касаются случаев, когда не от усмотрения ответчика зависит, инициировать ли ему встречный иск и поставить себя в роли истца, одномоментно оставаясь в положении ответ-

¹⁴ Eck E. Op. cit. S. 3.

¹⁵ Eck E. Op. cit. S. 4–5.

¹⁶ Göppert Review: Reviewed Work: die sogenannten doppelseitigen Klagen des römischen und gemeinen deutschen Rechts by E. Eck // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (KritV). 1872. Vol. 14. No. 4. S. 532–561.

чика, поскольку указанное происходит согласно правовому предписанию или правовой необходимости в выполнении обеими сторонами процесса двойных ролей. При этом автор рассматривает двойственность в некоторых случаях как инструмент по защите интересов ответчика, который не просто должен отрицать притязание истца, но и заявить противоположенное. Если двойственная позиция сторон обосновывается указанными соображениями, то не может идти речи о нарушении принципа состязательности либо противоречии с термином *actio*¹⁷.

По итогам первой части статьи следует сделать вывод о том, что в теории гражданского процесса к началу XX в. сложилось некое устоявшееся понимание модели двусторонних исков в римском гражданском процессе. Исследователи практически единогласно утверждали, что в этой группе исков роли истца и ответчика не разграничиваются и совпадают, а присуждение возможно как в отношении истца, так и в отношении ответчика, существование подобной модели могло быть предусмотрено только формулой. Э. Эк в глубоком исследовании о двусторонних исках поставил перед собой цель более детально разобраться в данном явлении.

2. Монография Э. Эка о так называемых двусторонних исках

В монографии Э. Эк последовательно рассматривает каждый из исков и интердиктов римского права, которые были отнесены исследователями к двусторонним, и, внимательно всматриваясь в их природу, в итоге приходит к небезынтересным выводам относительно их двусторонней (двойственной) конструкции.

2.1. *Legis actio sacramento in rem*

Первым иском, о котором пойдет речь, является *rei vindication* в наиболее древнем виде искового судопроизводства в римском праве — *legis actio sacramento in rem*¹⁸.

Как утверждает Э. Эк, о данном иске имеется единогласное мнение о его двойственности, однако отсутствует единое понимание природы и действия этой двойственности. При попытке дать правовую характеристику правоотношению в рамках данного спора станет ясно, что речь идет о двух самостоятельных исках, каждый из которых имеет собственное основание, однако тот же самый предмет. Из тождества предмета следует, что одно притязание исключает другое. Единство материального правоотношения здесь отсутствует¹⁹.

Для целей нашего исследования важна именно мотивировка данного утверждения Э. Эка: во-первых, каждое из притязаний (материально-правовых требований) вполне может быть заявлено как единственное, без необходимости противопоставлять ему второе, во-вторых, если оба притязания заявлены, то в решении об удовлетворении одного из них, а не в решении об отказе содержится также суждение и о другом притязании. В действительности данное правоотношение — во многом то же самое, которое в позднем римском и современном процессе образуется посредством связи иска и встречного иска при условии, если оба иска направлены на тот же предмет и однородны. Однако у рассматриваемого иска имеется одна важная особенность, отличающая его от более поздних аналогов: заявление встречного притязания — обязательная форма защиты, из чего Э. Эк делает вывод о том, что к отношениям сторон в рамках рассматриваемого иска могло бы подойти не столько *actio duplex*, сколько *reconventio necessaria* (принудительный встречный иск)²⁰.

2.2. Поссесорные интердикты

Следует также остановиться на поссесорных интердиктах (*uti possidetis, uti frui*), которые также во многих источниках признаются *duplex*²¹.

Как указывал Д. И. Азаревич, «интердикты эти принадлежат к числу *actiones duplices*, т.е. по ним каждая сторона может очутиться в роли как истца, так и ответчика. Если судья призна-

¹⁷ Göppert Review... S. 533–534.

¹⁸ Подробнее о сути и особенностях данного способа защиты см.: Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний Сад, 1998. С. 338–340; Салозубова Е. В. Римский гражданский процесс. М.: Городец, 2018. С. 54–56.

¹⁹ Eck E. Op. cit. S. 8–9.

²⁰ Eck E. Op. cit. S. 8–9.

²¹ Подробно об особенностях преторской защиты владения см.: Барон Ю. Система римского гражданского права. СПб., 1908. Кн. II: Владение. Кн. III: Вещные права. С. 19–24; Покровский И. А. Указ. соч. С. 344–351.

вал, что владеет ответчик, то не ограничивался одним отказом истцу, но признавал ответчика владельцем. Так, если истец владел *vitiose* по отношению к ответчику, то *exceptio vitiosae possessionis* последнего вело не только к отказу истцу, но и к признанию владения за ответчиком»²².

Ю. Барон, напротив, уточнял, что не все интердикты *uti possidetis* имели характер *interdictum duplex*, а только те, которые являлись приготовлением к последующему процессу о праве собственности на вещь и посредством которых разрешался спор о владении: «Судья определяет только в своем решении, кто беспорочный владелец участка во время издания интердикта, и заставляет противника признать этот факт»²³. Позже этот интердикт применялся и в тех ситуациях, когда лицо, нарушающее владение другого лица, не утверждало о своем владении. Особенность *interdictum duplex* здесь уже не выделяется, иск является деликтным²⁴.

Интердикт называется *duplex*, когда претор формулирует два приказа одного содержания в отношении каждой из двух сторон в одном предложении, в отличие от случая, когда в отношении каждой стороны издается отдельный интердикт, того же или иного содержания. Собственно, суть этого понятия лежит в форме приказа. Между тем случаи подобных интердиктов описаны в источниках не исчерпывающе, а приведены только в качестве примеров²⁵.

При этом в отношении интердиктов *uti possidetis* и *utrubi* до сих пор не выяснены спорные вопросы, состоит ли их происхождение в разрешении спора о владении или в запрете применения силы и всегда ли они были сформулированы как *duplex* либо они могли быть также односторонними²⁶.

На основании анализа источников Э. Эк пришел к выводу о том, что какие-либо особенности в так называемой двойственности интердиктного процесса в классическом римском праве фактически отсутствовали.

Среди аргументов ученого можно выделить следующие.

Простым следствием содержащегося в интердикте двойного приказа является прежде всего то, что каждая сторона получила иск; указанное ничем не отличается от ситуации, как если бы в отношении каждой из сторон был издан односторонний интердикт (*interdictum simplex*). То, что одновременно могли быть предъявлены оба иска, тоже не представляет собой нечто особенное (кроме отношений, где такая возможность не могла быть реализована в связи с особым состоянием владения, например *res vindicatio*). Однако если *in iudicium* иски обеих сторон рассматривались совместно, полное совпадение сторон либо единство правового спора не возникало: каждый оставался по отношению к предъявленному им материально-правовому требованию истцом, а другой по отношению к нему — ответчиком. Такого рода отношение, в сущности, то же самое, что и предъявление ответчиком встречных требований в классическом римском праве в ходе литисконтестации, которые распределяются тому же судье для совместного рассмотрения, неважно, происходят ли встречные притязания из того же правоотношения или из разных сделок (правоотношений)²⁷.

Существенные различия в подобном процессе и процессе между двумя претендентами на владение отсутствуют. Оба предъявленных иска однородны и направлены на один и тот же предмет, везде повторяются те же явления: что в вышеописанном *legis actio sacramento in rem*, что в споре о владении. Таким образом, в качестве двойственного определяют не процесс, возникающий из интердикта, а только сам интердикт. Это явно подтверждает, что двойственность является свойством формулы, в которой обе стороны рассматривались в качестве истца и в качестве ответчика и ее значение не распространяется на иски из интердикта. Вывод Э. Эка состоит в том, что необходимо сделать выбор: либо опустить перенесенное современниками в соответствии с источниками выражение *iudicium duplex*, либо распространить его на все случаи, когда иск и встречный иск совместно рассматриваются в одном процессе²⁸.

²² См.: Азаревич Д. И. Система римского права. СПб., 1887. Т. 1. С. 328–369.

²³ Барон Ю. Указ. соч. С. 21.

²⁴ Барон Ю. Указ. соч. С. 22.

²⁵ Eck E. Op. cit. S. 28.

²⁶ Eck E. Op. cit. S. 30.

²⁷ Eck E. Op. cit. S. 47–48.

Относительно соответствия рассматриваемого интердикта характеристике duplex в праве Юстиниана можно отметить следующее.

Очевидно, что о двойственности, которую придавали интердикту классические юристы, речи быть не могло. Если в основе прежних представлений было то, что вынесение интердикта осуществляется не только в пользу истца, но также в пользу того, на кого направлен приказ, то со времен Диоклетиана эта особенность преобразовалась в характер общих принципов, которые приняли на себя все интердикты. Как и все правовые нормы, они больше не представляли иск конкретному субъекту, а каждому и с аналогичными предпосылками как для него, так и против него. Вместе с тем нужно внимательно посмотреть не на эту особенность абстрактной правовой нормы, которая обещает владельцу защиту, а утверждает иск о владении, называемый *actio duplex* и поставленный как аналогичное явление в ряд с исками о разделе общей собственности²⁹.

У Г. Витте можно найти следующее описание сути владельческих интердиктов: поводом к предъявлению иска о владении могло быть любое его нарушение; ответчик, в свою очередь, также свободен в предъявлении иска о владении. Интердикт имел одностороннюю природу в том случае, если ответчик не оспаривал владение истца, однако отрицал свое нарушение или, оспаривая владение и нарушение, не заявлял о своем владении³⁰. Напротив, если ответчик или сам владел, или утратил владение по причине насильственных действий истца, то процесс осуществлялся как *iudicium duplex*, при этом решение могло быть вынесено не в пользу истца, судебное установление владения ответчика возможно на основании его утверждения об этом в отсутствие соответствующего заявления (ходатайства)³¹.

Как полагает Э. Эк, если сказанное Г. Витте понимать так, что согласно имеющимся пред-

посылкам ответчик вправе подать иск против истца, то приведет это в случае его реализации к обычной правовой связи между иском и встречным иском. Однако если указанное означает нечто большее, а именно, что ответчик также без выражения своей воли становится истцом и может получить решение суда в свою пользу без соответствующего требования, то следует привести контраргументы³².

Указанные аргументы можно рассмотреть, поскольку они важны для современной интерпретации правовых явлений, представляющих интерес для целей настоящего исследования.

Во-первых, как указывает Э. Эк, утверждение ответчика о своем владении или о том, что владение истца не является безошибочным, представляет собой как в первом, так и во втором случае мотивированное возражение. В связи с этим указанное возражение не может по своей природе вести к осуждению истца, если это не предписано нормативно. В классическом праве такого не существовало, осуждение оппонента могло быть реализовано только посредством заявления иска. Следовательно, для права Юстиниана это было бы возможно при наличии соответствующей нормы, которой эта возможность для суда была бы предписана. Однако принятие подобного нововведения было лишено всякого основания, речь идет только о высказываниях классических юристов об этом. Соответственно, невозможным является просто придание нового смысла прежней интерпретации, в силу которого судья при определенных обстоятельствах признает владение противоположенной стороны *ex officio*³³.

Во-вторых, если исходить из того, что ответчик через содержание своего возражения на иск заявляет требование о возможном осуждении истца, то это требование не может существовать само по себе, без соответствующих обязанностей. Иначе равенство обеих сторон, к которому стремятся сторонники двойственно-

²⁸ Eck E. Op. cit. S. 48–49.

²⁹ Eck E. Op. cit. S. 73–74.

³⁰ Witte H. Das Interdictum uti possidetis als Grundlage des heutigen possessorium ordinarium. Leipzig, 1863. S. 142.

³¹ Г. Витте пояснял: «Поскольку прежние интердикты классического периода уже не выносились, простое утверждение квазивладельца о возможных нарушениях истцом владения было достаточно, чтобы судебным решением к признанию и возмещению вреда был «осужден» истец». Подробнее см.: Witte H. Op. cit. S. 142–143, 145.

³² Eck E. Op. cit. S. 75.

³³ Eck E. Op. cit. S. 75–76.

сти, превратилось бы в очевидное неравенство между ними с явным превалированием интересов ответчика. Ответчик также должен быть подчинен принципам регулирования статуса истца в вопросах предоставления обеспечения или доказательств своего владения. Всё это, по мнению Г. Витте, сводится к принуждению к иску для случаев, которые касаются ситуаций заявления ответчиком притязаний на владение. Подобное принуждение к иску чуждо римскому праву, и оно еще неуместнее, когда ответчик его может просто обойти, не мотивировав отрицание владения истца³⁴.

В-третьих, в классическом праве стандартный *interdictum duplex* в отношении обеих сторон издавался только тогда, когда они заявляли о своем идентичном владении в отношении вещи или права. Это ограничение для права Юстиниана потеряло значение, поскольку частные интердикты более не издавались, а владение защищалось общими правовыми нормами для всех случаев. Получается, что двойственность иска о владении, если она вообще существует, должна возникнуть теперь во всех спорах о владении (владелец вещи против сервитутария либо наоборот или правообладатель в иске против других и т.д.). Э. Эк в попытке обоснования практического значения такой двойственной аномалии приходит к выводу об отсутствии практической потребности в ней: как в случае, когда ответчик утверждает о своем владении, так и в случае, когда ответчик утверждает об утрате владения по причине противоправия (насилия) истца (рекуператорная функция). В первом случае ответчик-владелец получает правомерное отклонение притязаний истца на свое владение и с этим решением является вполне защищенным, во втором случае ответчику судебным решением предоставлена возможность инициировать возврат своего владения посредством иска. Напротив, представление о возможности возврата владения на основании представлений о двойственности иска о владении само по себе неправомерно и ведет к инквизиционному принципу прусского судоустройства³⁵.

В конечном итоге Э. Эк приходит к выводу о том, что так называемая двойственность интердиктного иска в праве Юстиниана состояла в том, что лицо, в отношении которого издан интердикт, правомочно, как в других случаях, заявить встречный иск и что оно фактически использовало это правомочие особенно часто, поскольку согласно природе владения один и тот же факт для каждой стороны одновременно был выражением собственных прав и самоуправства другой стороны. В большинстве своем эта фактическая особенность и должна была бы иметься в виду компиляторами, перенимавшими выражения классических юристов об *interdicta duplicia*³⁶.

По мнению Э. Эка, для современного немецкого процесса характерны те же выводы: спор о владении как материально, так и формально надлежит рассматривать в качестве простой связи двух противостоящих друг другу исков³⁷.

2.3. Иски о разделе общего имущества: виды и особенности

Следующим достойным изучения вопросом является двойственность исков о разделе общей собственности. Согласно практически всем проанализированным выше источникам, они определялись как *actio duplex*.

К искам о разделе были отнесены следующие три вида: *actiones finium regundorum* (иск об установлении (размежевании, проведении) границ) и *familiae herciscundae* (иск о разделе наследственной массы)³⁸, которые были урегулированы уже в Законе XII таблиц³⁹, а также *actio communi dividundo* (иск о разделе общей собственности).

Как утверждает Э. Эк, невозможно достоверно установить, когда именно из этих специальных исков произошел общий *actio communi dividundo*. Также мало сведений о самой формуле, посредством которой в классическое время судья по данным делам осуществлял правосудие⁴⁰.

Э. И. Беккер полагал, что все три вида исков о разделе являются *duplex*, однако, несмотря

³⁴ Eck E. Op. cit. S. 76–77.

³⁵ Eck E. Op. cit. S. 78–79.

³⁶ Eck E. Op. cit. S. 79–80.

³⁷ Eck E. Op. cit. S. 85.

³⁸ См. также: Римское частное право : учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого. М. : Юрист, 2004. .

³⁹ Bekker E. I. Die Aktionen des römischen Privatrechts. Berlin, 1871. S. 230.

⁴⁰ Eck E. Op. cit. S. 89.

на сходство процесса и результата, основания двойственности были, по его мнению, различны. Основные особенности данных равносторонних исков состояли в следующем:

1) определение подсудности не по субъекту, а по объекту, в отношении которого осуществлялся раздел;

2) обе стороны в формулах именовались одинаково;

3) по отношению к бремени доказывания обе стороны были равны;

4) обе стороны могли заявить друг против друга свои притязания, касаемые объекта, condemnation могла последовать как в отношении одной, так и в отношении другой стороны;

5) то же самое касается и адьюдикации: стороны состязаются на равных по вопросам, в отношении обеих или одной и кому именно осуществляется присуждение.

Помимо этого, Беккер предполагает, что некоторые римские юристы думали о том, чтобы распространить равносторонность подобных исков и на возбуждение производства по делу посредством заявления обеих сторон⁴¹.

Цель *actio communi dividundo* скорее двойная, потому что каждый сособственник (соучастник) может требовать от другого:

1) **поведения**, как это разумно определено природой правовой общности, в частности: дозволения другим сособственником осуществлять реализацию соправомочия в пределах, определенных законом или частной волей, например использования вещи не приносящим ей вреда способом. Сюда относим также один из следующих видов поведения: претерпевание совершения в совместном интересе необходимых мер и obligation соразмерного возмещения истцу возникающих расходов, раздел извлеченной общностью прибыли и возмещение вреда, виновно причиненного другим соучастникам;

2) **раздела** общей собственности посредством распоряжения правом, соответствующим объекту собственности, будь то его суть (для отчуждаемых прав) либо его реализация (осуществление)⁴².

Так, можно выделить следующие основные категории раздела общей собственности:

1. Предмет общей собственности разделяется физически и каждому сособственнику предоставляется исключительное право на ставшую только что самостоятельной часть.

2. Предмет остается неделим, но право на него переносится на одного из сособственников исключительно, а другим сособственникам за их доли предоставляется компенсация. Указанная компенсация может состоять или в денежном эквиваленте, размер которого определен между сторонами посредством торгов, или в вещных правах на имущество, распределенное одному из сособственников (например, узуфрукт), или в передаче другой вещи (если общая собственность состояла из совокупности вещей), или, наконец, в иных преимуществах. Такая компенсация может сочетаться с вариантом, указанным в п. 1, если при физическом разделении объекта образуются неравные друг другу части.

3. Права всех сособственников отчуждаются третьему лицу за вознаграждение, полученная прибыль распределяется между всеми сособственниками.

4. Права сособственников остаются нетронутыми, подлежит урегулированию только вопрос их осуществления так, что они либо точно определяются для каждого сособственника согласно времени, размеру или пространству, либо исключительно передаются одному из них за компенсацию, либо за счет сособственников за вознаграждение переуступаются третьему лицу. Ограничения раздела собственности осуществлением прав могут быть необходимы в тех случаях, когда природа прав является неотчуждаемой⁴³.

Как указывает Э. Эк, описанные варианты могут комбинироваться при рассмотрении судьей и всевозможным образом модифицироваться, при этом современные судьи более свободны в выборе, чем римляне. Определенные нормативные предписания о преимуществах и предпосылках одного вида раздела собственности над другими нецелесообразны. Самым уместным вариантом могло бы быть, как в римском праве, предоставление суду выбора в каждом конкретном случае⁴⁴.

⁴¹ Bekker E. I. Op. cit. S. 239.

⁴² Eck E. Op. cit. S. 98–99.

⁴³ Eck E. Op. cit. S. 101–102.

⁴⁴ Eck E. Op. cit. S. 103–104.

2.4. Иски о разделе общего имущества: двойственность процессуальной природы

Э. Эк в качестве общего для любого из случаев раздела общей собственности определяет характер содержащейся в нем сделки, а именно — обычного двустороннего договора об отчуждении, одного из 4 видов: *do ut des* и т.д. Если сособственник свою долю в праве на общее имущество или реальную долю передает другому и получает за это денежное возмещение или соответствующую идеальную долю, то, по сути, это сделка, аналогичная купле-продаже или мене (*do ut des*). Если в качестве возмещения при разделе предоставляются иные преимущества, как обычно при разделе наследства (например, переуступка требований, перевод долга), то речь идет о непоименованном договоре (*do it facias*). Если, наконец, каждый сособственник в пользу других ограничивает реализацию своего права, то происходит только обмен отказами или обязанностями по уступке (*facio ut facias*, в том числе *non facias*)⁴⁵.

В связи с тем, что раздел общей собственности представляет собой двустороннюю сделку купли-продажи (мены в широком смысле), право каждого участника на раздел общей собственности является не чем иным, как материально-правовым требованием об исполнении данного договора мены (порядок исполнения которого требуется точнее определить), равно как и соглашением о заключении будущего договора. При достижении единой позиции по всем пунктам соглашения стороны вправе его исполнить вне судебной процедуры либо при помощи третейского суда⁴⁶.

Для других случаев, когда отсутствует соглашение сторон в большей или меньшей степени, у каждой из них есть возможность инициировать иск, вследствие рассмотрения которого суд замещает недостающую волю сторон своим судебным решением, определяет законом не урегулированные условия раздела и сам его осуществляет. С этой особенностью связаны следующие эффекты: право на раздел, предоставленное лично сособственнику, трансформируется в судебное правомочие, вместо обязательства по исполнению возникает обеспеченное принуждением материально-правовое притязание, судебное решение о разделе,

как и любое другое решение, может быть обжаловано⁴⁷.

Как принято утверждать, в рассматриваемых исках каждая сторона могла бы быть или истцом, или ответчиком. Э. Эк полагает, что этот факт не свидетельствует о какой-либо особенности и типичен для всех двусторонних правоотношений, иски о разделе общей собственности здесь не исключение, поскольку «требования обеих сторон идентичны». Точнее, каждый участник стремится как можно выше оценить свою часть в общем объекте и только в некоторых случаях определенный вид раздела общей собственности соответствует одновременно желаниям обеих сторон. В остальном не всегда верно утверждение, что каждый из участников может инициировать иск о разделе⁴⁸.

Следующий аргумент — о том, что в исках о разделе не просто один или другой сособственник могут выступить в качестве истца, но они могут это сделать оба в одном и том же процессе, тогда каждый в том же спорном отношении одновременно истец и ответчик и статус одного материально не отличается от статуса другого. Э. Эк указывает, что двустороннее положение не просто возможно, но является обычным, для этого была предусмотрена формулировка римской исковой формулы и именно к этому случаю относится известное правило о том, что роль стороны, то есть последовательность, в которой стороны участвуют в процессуальных действиях, должна быть определена по приоритету их выступления перед судом, возможно по жребию. При этом указанное явление не отличается от того, что часто из одного и того же правоотношения обе стороны друг против друга инициируют иски и их притязания рассматриваются как иск и встречный иск. Самое большое сходство с иском о разделе имеет случай, где две стороны инициируют друг против друга иски об исполнении одной и той же сделки на разных условиях: например, продавец требует оплаты цены за передачу вещи 2 000 талеров, а инициировавший иск покупатель — передачи вещи за оплату цены 1 000 талеров. Так называемое единство правоотношения присутствует здесь в не меньшей степени, чем в исках о разделе общей собственности. Здесь

⁴⁵ Eck E. Op. cit. S. 103.

⁴⁶ Eck E. Op. cit. S. 140–141.

⁴⁷ Eck E. Op. cit. S. 141.

⁴⁸ Eck E. Op. cit. S. 141–142.

оба притязания находятся в том отношении друг к другу, что решение об удовлетворении одного из них также будет решением об удовлетворении и другого (но не об отказе в иске). Без сомнения, связь указанных притязаний представляет собой обычную комбинацию «иск — встречный иск»⁴⁹.

Соответственно, по мнению Э. Эка, одновременное выполнение сторонами двойной роли не является особенностью исков о разделе общей собственности.

Далее следует раскрыть его аргументацию по той части проблемы, которая касается отсутствия воли сторон: при рассмотрении иска о разделе общей собственности ответчик рассматривается как истец по встречному иску без подачи соответствующего встречного иска, истец рассматривается как ответчик по встречному иску в отсутствие данного встречного иска.

Как указывает Э. Эк, для обоснования этой аномалии исследователями приводится римская формула, которая всегда обе стороны именовала без различия между собой. Однако это неверно, поскольку если ответчик не появился перед претором или отказался от участия в судебном рассмотрении, то формула вообще не выдавалась, однако применялись меры принуждения (например, *mission in bona*). С другой стороны, понималось, что сособственник, который принимал участие в судебном деле по *actio communi dividundo*, был согласен с наделением суда полномочием присуждения в его пользу чего-либо при разделе общей собственности. Таким образом, формула *duplex* использовалась лишь там, где имел место действительный встречный иск. Только на этом предположении основываются высказывания классических юристов о том, что здесь каждая сторона является как истцом, так и ответчиком. Напротив, в праве Юстиниана и в сегодняшнем праве слушание дела осуществляется независимо от того, принимает ли ответчик в нем участие. Но и здесь по общему правилу не следует утверждать, что ответчик помещается в положение истца по встречному иску помимо своей воли⁵⁰.

Можно обсуждать этот вопрос только в тех модификациях решений о разделе, где ответчику присуждается вещь в целом или частично либо признается его право на возмещение компенсации в связи с присуждением в пользу

истца имущества (доли). Э. Эк, однако, не видит здесь аномалии, поскольку решением, которым осуществляется раздел общей собственности, одновременно исполняется такой раздел. Когда решением в пользу истца не просто, как обычно, удовлетворяется притязание на передачу прежде чужой доли, но и устанавливается личное право на нее, конечно, недостаточно только предусмотреть за ответчиком притязание на встречное предоставление в форме отказа от исполнения обязательства до момента его исполнения другой стороной. При физическом разделе вещи границы устанавливаются не для одного истца, но для истца и ответчика друг к другу. Иными словами, причина, по которой не только истцу, но и ответчику присуждаются права, состоит в непосредственном исполнительном действии решения о разделе общей собственности.

Такое правоотношение возникает равным образом при вынесении других решений, которые не просто устанавливают право, но и создают его: правовой эффект, который они порождают, является направленным как в пользу, так и против истца. Ближайший пример — это решение о расторжении брака, посредством которого устраняется источник взаимных прав и обязанностей для обоих партнеров, претерпевающих как приобретение прав, так и их лишение. С данным решением также могут быть связаны имущественные последствия, установленные в пользу как истца, так и ответчика. Аналогичны также ситуации, когда действующее двустороннее правоотношение прекращается или создается посредством судебного решения, например, когда вместо согласия уклоняющегося ответчика договор восполняется судом, договор отменяется в связи с недействительностью, отменяется опека. Соответственно, Э. Эк не видит причин вести речь об ином характере исков о разделе собственности и заключает, что нет оснований в исках о разделе собственности обсуждать недобровольное инициирование иска со стороны ответчика больше, чем в ситуациях инициирования иска об исполнении договора⁵¹.

Далее Э. Эк отмечает, что иски о разделе утратили последние оттенки двойственности в современности в связи с особенностями их рассмотрения. На практике принято разбивать

⁴⁹ Eck E. Op. cit. S. 142–143.

⁵⁰ Eck E. Op. cit. S. 145–146.

⁵¹ Eck E. Op. cit. S. 147–148.

процесс раздела общей собственности на две части: 1) решение о том, каким образом и в отношении чего должен быть осуществлен раздел; 2) собственно осуществление раздела. При отсутствии спора между сторонами относительно первой части не инициируется иск, стороны обращаются во внесудебные органы (третейский суд). Судебное дело о разделе возможно лишь тогда, когда одна сторона предъявляет притязание, а другая — отказывает в его выполнении, будь то в целом отказ в разделе общей собственности либо отказ относительно вида и способа раздела. Судебное решение в данном случае заменяет волеизъявление сторон относительно раздела⁵².

В рецензии на работу Э. Эка изложено мнение, что предполагаемое Э. Эком обязательство в рамках раздела общей собственности не имеет действительного сходства с требованиями из соглашения о заключении договора в будущем, поскольку в последнем случае содержание сделки заранее определено сторонами по существенным условиям либо в некоторых случаях предоставлено воле кредитора. Напротив, в ситуации с разделом общей собственности конкретное содержание раздела определяется судьей. Кроме того, при вынесении решения о разделе суд не просто устанавливает по своему усмотрению условия соглашения о разделе, но и непосредственно своим решением его исполняет. Правильнее сказать, что для обеих сторон существует определенная законом обязанность подчинить себя усмотрению судьи относительно условий и порядка исполнения раздела общей собственности. Эта обязанность для обеих сторон идентична, независимо от их пожелания согласиться с тем или иным способом раздела собственности судьей⁵³.

Что касается самой двойственности, то автор, соглашаясь с отрицанием Э. Эком «единства правоотношения», говорит о необходимости признания, что стороны в делах о разделе собственности находятся в ином положении, нежели в других процессах, что невозможно объяснить просто случайной совокупностью иска и встречного иска. В качестве особенности, отличающей такого рода иски от других, приво-

дится возможность присуждения к исполнению истца в пользу ответчика. Присуждение истца в пользу ответчика без соответствующего прошения последнего невозможно, однако нигде не подведено под точку зрения о необходимости инициирования встречного иска. Вывод Э. Эка о том, что само по себе инициирование ответчиком возражений и двойственная формула включают в себя встречный иск, является фикцией и не может быть признан действующим для права Юстиниана и современного права. Довод Э. Эка о том, что при кондемпнции истца в пользу ответчика речь идет только о непосредственном исполнении судом сформированного соглашения о разделе, также не подходит по меньшей мере к кондемпнции по *personales praestationes*⁵⁴. В целом автор полагал, что речь идет о реальной особенности подобного рода исков, что, несмотря на возможно пассивное поведение ответчика, кондемпнция может происходить и в отношении истца⁵⁵.

Двойственность в случае исков о разделе собственности отличается от двойственности владельческих интердиктов: последняя формально опосредована прямым или косвенным принуждением к защите через встречный иск⁵⁶.

Автор указывал, что иски о разделе не могут быть отнесены к вещным или личным искам, они находятся за пределами обычных исков и процесса. При этом не составляет труда привести иски о разделе в соответствие с понятием иска, но они являются отдельным институтом, который с обычным процессом роднит только использование тех же органов государства и тех же общих форм⁵⁷.

В дальнейшем какого-либо законодательного регулирования и теоретического развития двусторонние иски в немецком гражданском процессе не получили.

По итогам второй части статьи следует сделать промежуточные выводы из монографии Э. Эка о том, что *legis actio sacramento in rem*, несмотря на распространенное в науке мнение о его двойственности, на самом деле представлял собой совокупность двух самостоятельных исков с одним и тем же предметом, однако второй из исков имел принудительный харак-

⁵² Eck E. Op. cit. S. 148–149.

⁵³ Göppert Review... S. 554.

⁵⁴ Göppert Review... S. 554–555.

⁵⁵ Göppert Review... S. 556–557.

⁵⁶ Göppert Review... S. 557.

⁵⁷ Göppert Review... S. 559–560.

тер, ответчик не мог его не заявить. Обоснован тезис о том, что какие-либо особенности в так называемой двойственности интердиктного процесса в классическом, постклассическом римском праве отсутствовали; дана общая характеристика римских исков о разделе имущества; опровергнуто единое мнение об их двойственной природе.

3. Современность

3.1. Швейцарский гражданский процесс

В теории современного швейцарского гражданского процесса данные иски выделяются в качестве особых исковых форм, хотя дискуссионно и в отсутствие законодательного закрепления. Двусторонние иски (*actio duplex*) характеризуются как иски, в которых в соответствии с природой спорного правоотношения также ответчик (ответчики) могут заявлять о присуждении в свою пользу (в отсутствие встречного иска)⁵⁸. А в некоторых источниках уточняют, что каждая сторона одновременно является и истцом, и ответчиком, независимо от формального распределения ролей⁵⁹. Неясно, есть ли исключения при применении принципа диспозитивности для двусторонних исков, таких как наследственные иски, однако данный вопрос, скорее всего, должен быть разрешен положительно⁶⁰.

Как правило, к числу указанных исков причисляются наследственные иски, иски о разделе имущества супругов, иски о разделе общего имущества.

В одной из работ признается, что двусторонним искам (*actio duplex*), в отличие от других исков, в швейцарской литературе по гражданскому процессуальному праву уделено мало внимания. Несмотря на это, приведенные в ли-

тературе примеры двусторонних исков важны для практики, например: имущественно-правовые притязания и притязания на содержание после расторжения брака в бракоразводных процессах, иски о разделе наследственного имущества, иски о разделе общей собственности. Автором поставлена цель провести процессуально-правовой анализ с обращением к материальному праву, чтобы исчерпывающе ответить на следующие вопросы: как именно *actio duplex* следует осмыслить догматически в рамках гражданского процессуального права? Каковы практические случаи применения двусторонних исков? Достаточно ли понятия *actio duplex* согласно господствующему учению или оно нуждается в прояснении? Имеются ли вообще двусторонние иски в швейцарском праве?⁶¹

В другой работе, посвященной исследованию *actio duplex* в исках о разделе общего имущества, указано, что согласно существующей интерпретации в швейцарском праве понятие *actio duplex* основано на двойственности, связанной с лежащим в ее основе правоотношением, а не с особой организацией гражданского процесса. Исходя из этого тезиса, автор выявляет характеристики и случаи применения *actio duplex* и раскрывает процессуальные аспекты двусторонней природы таких исков в контексте особенностей по вопросам связанности суда исковыми требованиями, действия принципа правовой определенности, возможности изменения иска, определения цены иска и распределения судебных расходов⁶².

3.2. Российский цивилистический процесс

В российском цивилистическом процессе, несмотря на отсутствие теоретического признания рассматриваемого явления, фактически по некоторым категориям дел можно наблюдать

⁵⁸ Brandt A.-B., Egli M. Repetitorium Zivilprozessrecht. Orell Füssli verlag, 2019. S. 39; Vogel/Spühler: Grundriss des Zivilprozessrechts // URL: https://www.concordiabern.ch/wp-content/uploads/2018/08/Zivilprozessrecht_Bolt.pdf. S. 44.

⁵⁹ Gian Sandro Genna. Auflösung und Liquidation der Ehegattengesellschaft unter Berücksichtigung des internationalen Zivilprozessrechts der Schweiz sowie der künft Schweizerischen Zivilprozessordnung. Bern : Stämpfli Verlag AG, 2008. S. 98.

⁶⁰ Hrubesch-Millauer S., Bosshardt M., Kocher M. B. Rechtsbegehren im Erbrecht // Das Rechtsbegehren im Zivilverfahren: Theoretische Fragen, praktische Antworten. Stämpfli Verlag, 2016. S. 103.

⁶¹ Ronner P. Die doppelseitige Klage (*actio duplex*) im schweizerischen Zivilprozess. Master-Arbeit. Universität St. Gallen, 2019.

⁶² Lüchinger M., Brändli B. Actio duplex: eine Untersuchung der doppelseitigen Klagemöglichkeiten zur Aufhebung von gemeinschaftlichem Eigentum, dargestellt am Beispiel der Teilungsklage bei Miteigentum gemäss Art. 651 Abs. 2 ZGB. Master-Arbeit. Universität St. Gallen, 2019.

некую особость исковой формы, вызывающую неподдельный интерес в контексте разговора о двусторонних исках.

В частности, в целях реализации механизма двусторонней реституции истец просит суд взыскать не только с ответчика всё полученное им по сделке в свою пользу, но также с самого себя в пользу ответчика всё то, что было получено истцом по сделке. При удовлетворении такого иска ответчику в то же время присуждается некое имущество как будто бы по встречному иску, но в отсутствие такового.

В случае удовлетворения заявленного иска суд обязан присудить всё полученное истцом по сделке в пользу ответчика, даже если намерение передать что-либо ответчику у истца отсутствует. Иными словами, суд присуждает истца и ответчика к возврату в пользу друг друга всего полученного, невзирая на наличие в просительной части иска соответствующего требования о взыскании с «себя самого» в пользу ответчика либо отсутствие соответствующего встречного иска ответчика⁶³.

Описанная ситуация, по мнению А. Г. Карапетова, может быть поименована как модель двустороннего присуждения и рассмотрена как один из вариантов взаимного обмена по синаллагматическому договору в связи с отсутствием качественного процессуального механизма обеспечения синхронности (взаимности) или гарантированной поступательности обмена встречных предоставлений участвующих в сделке сторон. Как указывает А. Г. Карапетов, в ходе реализации данной модели «при удовлетворении первичного иска о принуждении к исполнению суд обязывает и самого истца осуществить исполнение своего встречного обязательства в пользу ответчика, выдавая исполнительные листы как истцу, так и ответчику. Далее запускается стадия исполнительного производства»⁶⁴.

При этом ученый приходит к выводу, что указанный механизм «противоречит базовым принципам процессуального и частного права (принципам диспозитивности реализации про-

цессуальных прав и защиты своих материальных прав), так как присуждение осуществляется в пользу того, кто иск не подавал»⁶⁵.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по рассмотрению дела о расторжении договора поставки указано, что при удовлетворении требований покупателя о возврате уплаченной за товар денежной суммы суду в целях соблюдения эквивалентности встречных предоставлений надлежит разрешить вопрос о возврате продавцу имущества, переданного покупателю, независимо от предъявления продавцом соответствующих требований о его возврате. При этом коллегия сделала акцент на необходимости комплексного разрешения правового спора с учетом «взаимосвязи и взаимозависимости требований о возврате покупной цены, возвращении поставленного имущества в натуре и возмещении убытков», то есть судам следовало также принять во внимание право покупателя на возмещение убытков и право продавца на взыскание стоимости износа имущества за время его эксплуатации покупателем⁶⁶.

Не менее интересно, как именно коллегия сформулировала резолютивную часть определения, разрешив спор по существу, не направляя его на новое рассмотрение. Судебные акты нижестоящих инстанций были изменены путем дополнения резолютивной части абзацем пятым об обязанности истца возвратить ответчику транспортное средство «в течение пяти рабочих дней с момента получения денежных средств, но не ранее 20 августа 2020 г., путем предоставления ответчику доступа к названному транспортному средству в целях его самовывоза».

По сути, данное дополнение фактически и формально является удовлетворением самостоятельного материально-правового требования ответчика в отсутствие встречного иска с его стороны, то есть удовлетворением некоего квазиискового требования, необходимого к рассмотрению в рамках этого судебного спора в связи с возможной неполноценностью ито-

⁶³ См.: п. 80 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁶⁴ См.: Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 1042 (автор комментария к ст. 328 ГК РФ — А. Г. Карапетов).

⁶⁵ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1042.

⁶⁶ См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.08.2020 по делу № А76-4808/2019 № 309-ЭС20-9064 // СПС «КонсультантПлюс».

гов судебного разбирательства без разрешения данного вопроса.

Необходимо признать, что предлагаемая коллегией процессуальная модель упречна и требует важных корректировок для соблюдения принципов диспозитивности и состязательности. Однако в целом намеченный судебной коллегией вектор интересен и оправдан: правовой спор должен быть рассмотрен комплексно и всеобъемлюще, чтобы не допустить последующих неизбежных судебных разбирательств.

На примере дел о применении последствий недействительности сделок указанное можно рационализировать следующим образом: механизм двусторонней реституции призван служить цели устранения нетерпимых сложившихся правопорядком неправомерных состояний, при которых имущество находится у лиц в отсутствие надлежащих правовых оснований. В этой связи удовлетворением иска об одностороннем присуждении ответчика к возврату имущества в пользу истца в ситуации, когда ответчиком не был предъявлен встречный иск, не будет разрешен сложившийся между сторонами спор о праве.

При одностороннем присуждении в отсутствие встречного возврата усугубится дисбаланс интересов сторон в реституционном правоотношении, ответчик окажется обязанным возратить имущество в пользу истца, тем самым неосновательно обогатив его на период до разрешения вопроса о встречном возврате имущества. Судебное решение в таком случае будет восстанавливать нарушенное право истца за счет нового нарушения прав ответчика, который также является обладателем права, нарушенного в связи с исполнением недействительной сделки.

Соответственно, механизм, при котором будет отрицаться сама возможность реализации «двустороннего присуждения» на основании одного лишь иска в отсутствие встречного иска, не отвечает принципу законности. Для устранения этого противоречия ответчик будет обязан предъявлять встречный иск в рамках одного и того же судебного разбирательства под страхом лишения его права на последующее предъявление иска в рамках самостоятельного процесса. Иными словами, право на предъявление встречного иска превратится в обязанность, что

повлечет возникновение сопутствующих проблем и опять же не в полном объеме соответствует принципу диспозитивности. В частности, необходимо будет разрешать следующие вопросы: в какие сроки должен быть предъявлен встречный иск, каковы процессуальные последствия его непредъявления в регламентированный срок, какие именно материально-правовые последствия повлечет непредъявление встречного иска в данном процессе относительно имущества, в отношении которого встречный иск должен быть предъявлен, но не был предъявлен.

Таким образом, механизм двустороннего присуждения (двусторонней структуры в иске) следует признать небезынтересным направлением для дальнейших теоретических изысканий.

Таким образом, обособление подобной разновидности исков можно провести на основании следующих нюансов их практической проявленности:

1. В исковом заявлении, как правило, сформулированы требования о присуждении имущества в пользу истца и в пользу ответчика (далее назовем их «двусторонние требования»), при этом требование о присуждении в пользу ответчика заявляется истцом в иске в отсутствие воли ответчика на это и в отсутствие встречного иска. Требования являются взаимосвязанными⁶⁷, заявление одного подразумевает и другое, поэтому в отсутствие одного из требований в иске суд должен удовлетворить двустороннее присуждение в полном объеме.

2. Судебное удовлетворение одного из заявленных требований всегда сопутствует удовлетворению также второго, в то же время решение об отказе в удовлетворении одного из требований, как правило, влечет и отказ в удовлетворении второго требования.

3. Можно усмотреть некоторую вынужденность позиции ответчика, в отношении которого заявлены требования о присуждении как с него, так и в пользу него. По сути, он связан заявленными истцом требованиями. Парадоксальность роли ответчика в подобных исках состоит в том, что он выступает как в роли ответчика, так и в роли квазиистца, в пользу которого также должно быть осуществлено присуждение, но без должного процессуального оформления

⁶⁷ А. В. Юдин наиболее полно раскрыл совокупность особенностей подобных исков. См.: Юдин А. В. Возложение юридической обязанности на «себя самого», или К вопросу об уточнении правового положения истца в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С. 13–16.

его воли. Аналогично истец по требованиям о взыскании «с себя самого» параллельно будет квазиответчиком.

4. Помимо вынужденности позиции ответчика очевидна и вынужденность позиции суда, который при вынесении решения о присуждении в пользу истца обязан рассмотреть также вопрос о присуждении в пользу ответчика, независимо от наличия соответствующей формулировки в просительной части иска об этом и (или) встречного иска.

5. Допустимость признания потенциальной особенности подобных исков с двусторонними требованиями обусловлена спецификой некоторых способов защиты права, реализация которых немыслима без конструирования исследуемых исков, то есть такая конструкция может существовать лишь тогда, когда она предопределена нюансами защиты нарушенных прав по ряду дел. Возникающие в связи с этим вопросы об упречности подобной исковой конструкции по причине поражения принципов диспозитивности и состязательности требуют особо пристального внимания и дальнейших теоретических разработок.

6. Наиболее ярким аргументом в пользу признания особенности подобных исков могло быть разрешение давних правоприменительных проблем исполнения решений по ним. Двустороннее присуждение как в пользу истца, так и в пользу ответчика требует универсализации правил исполнительного производства в данной части. Полагаем, что при исполнении судебных решений о двустороннем присуждении всегда нужна судебная регламентация очередности исполнения требований, а также разработка обеспечительных конструкций, посредством которых права стороны, уже исполнившей ре-

шение, могли бы быть защищены от недобросовестных действий стороны, допускающей злоупотребления при исполнении своей части решения. Так, при исполнении подобного решения должна быть обеспечена гарантированная взаимность.

Заключение

Следует признать, что классическая процессуальная форма не всегда достаточна и удобна для реализации целого ряда способов защиты права, сопряженных с необходимостью обеспечения двустороннего присуждения. Простое отрицание рассматриваемого явления не приведет к изменению ситуации, поскольку, так или иначе, споры о двустороннем присуждении встречаются на практике и требуют доктринального внимания. Римские прообразы подобного явления, по мнению большинства исследователей конца XIX — начала XX в., характеризовались особенностями самой формулы, совпадением ролей сторон в процессе и единством правоотношения. Особняком стоит монография Э. Эка, который доказал отсутствие какой-либо двойственности и вытекающих из нее особенностей применительно ко всем двусторонним искам. Отголоски учения о так называемых двусторонних исках можно встретить в современном швейцарском гражданском процессе. Применительно к российскому цивилистическому процессу, несмотря на отсутствие теоретической дискуссии по данному вопросу, давно назрела необходимость построения особых теоретических конструкций применительно к рассмотренному явлению с учетом бережного отношения к фундаментальным принципам цивилистического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаревич Д. И. Система римского права. Т. 1. СПб., 1887. 487 с.
- Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. I : Общая часть. СПб. : Склад издания в книжном магазине Н. К. Мартынова, 1909. 250 с.
- Барон Ю. Система римского гражданского права. Кн. II : Владение. Кн. III : Вещные права. СПб., 1908. 174 с.
- Бартошек М. Римское право : (Понятие, термины, определения). М. : Юрид. лит., 1989. 82 с.
- Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1 : Общая часть. Санкт-Петербург. 1874. 358 с.
- Дернбург Г. Пандекты. Т. 1 : Общая часть. М. : Университетская типография, 1906. 465 с.
- Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. 1496 с.

Карпова А. А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в цивилистическом процессе. М. : Статут, 2024. 216 с.

Комашко М. Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 186 с.

Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний Сад, 1998. 560 с.

Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. М., 1874. 550 с.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. Т. 3. М. : Статут, 2013. 717 с.

Салозубова Е. В. Римский гражданский процесс. М. : Городец, 2018. 176 с.

Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. 1264 с.

Скловский К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 108–122.

Юдин А. В. Возложение юридической обязанности на «себя самого», или К вопросу об уточнении правового положения истца в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 8. С. 13–16.

Bayer H. Vorträge über den deutschen gemeinen ordentlichen Civilprocess: zunächst für seine Zuhörer herausgegeben. München, 1869. 1156 S.

Bekker E. I. Die Aktionen des römischen Privatrechts. Berlin, 1871. 401 S.

Brandt A.-B., Egli M. Repetitorium Zivilprozessrecht. Orell Füssli verlag, 2019. 177 S.

Eck E. Die sogenannten doppelseitigen Klagen des Römischen und gemeinen Deutschen Rechts. Berlin, 1870. 150 S.

Gian Sandro Genna Auflösung und Liquidation der Ehegattengesellschaft unter Berücksichtigung des internationalen Zivilprozessrechts der Schweiz sowie der künft Schweizerischen Zivilprozeßordnung. Bern : Stämpfli Verlag AG, 2008. 192 S.

Göppert Review: Reviewed Work: die sogenannten doppelseitigen Klagen des römischen und gemeinen deutschen Rechts by E. Eck // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (KritV). 1872. Vol. 14. No. 4. P. 532–561.

Hrubesch-Millauer S., Bosshardt M., Kocher M. B. Rechtsbegehren im Erbrecht // Das Rechtsbegehren im Zivilverfahren: Theoretische Fragen, praktische Antworten. Stämpfli Verlag. 2016. 168 S.

Lüchinger M., Brändli B. Actio duplex: eine Untersuchung der doppelseitigen Klagemöglichkeiten zur Aufhebung von gemeinschaftlichem Eigentum, dargestellt am Beispiel der Teilungsklage bei Miteigentum gemäss Art. 651 Abs. 2 ZGB. Master-Arbeit. Universität St. Gallen, 2019.

Muter T. Zur Lehre von der römischen Actio, dem Heutigen Klagerecht, der Litiscontestation und der Singularsuccession in Obligationen eine Kritik des Windscheid'schen Buchs: «Die Actio des Römischen Civilrechts». Erlangen, 1857. 198 S.

Ronner P. Die doppelseitige Klage (actio duplex) im schweizerischen Zivilprozess. Master-Arbeit. Universität St. Gallen, 2019.

Vogel/Spühler: Grundriss des Zivilprozessrechts // URL: https://www.concordiabern.ch/wp-content/uploads/2018/08/Zivilprozessrecht_Bolt.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

Windscheid B. Die actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf, 1856. 240 S.

Windscheid B. Die Actio: Abwehr gegen Dr. Theodor Muther. Düsseldorf, 1857. 88 S.

Witte H. Das Interdictum uti possidetis als Grundlage des heutigen possessorium ordinarium. Leipzig, 1863. 151 S.

REFERENCES

- Azarevich D. I. The system of Roman law. St. Petersburg; 1887. Vol. I. (In Russ.).
- Baron Yu. The system of Roman civil law. Book I. General Part. St. Petersburg: Sklad izdaniya v knizhnom magazine N. K. Martynova. 1909. (In Russ.).
- Baron Yu. The system of Roman civil law. Book II. Ownership. Book III. Property rights. St. Petersburg; 1908. (In Russ.).
- Bartoszek M. Roman law: (Concept, terms, definitions). Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1989. (In Russ.).

Bayer H. Vorträge über den deutschen gemeinen ordentlichen Civilprocess: zunächst für seine Zuhörer herausgegeben. München; 1869. P. 369.

Bekker El. Die Aktionen des römischen Privatrechts. Berlin; 1871.

Brandt AB, Egli M. Repetitorium Zivilprozessrecht. Orell Füssli verlag; 2019.

Dernburg G. Pandects. Vol. 1. General Part. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ.; 1906. (In Russ.).

Eck E. Die sogenannten doppelseitigen Klagen des Römischen und gemeinen Deutschen Rechts. Berlin; 1870.

Gian Sandro Genna Auflösung und Liquidation der Ehegattengesellschaft unter Berücksichtigung des internationalen Zivilprozessrechts der Schweiz sowie der künft Schweizerischen Zivilprozeßordnung. Stämpfli Verlag AG Bern; 2008.

Göppert Review: Reviewed Work: die sogenannten doppelseitigen Klagen des römischen und gemeinen deutschen Rechts by E. Eck. *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft (KritV)*. 1872;14(4):532-561.

Hrubesch-Millauer S, Bosshardt M, Kocher MB. Rechtsbegehren im Erbrecht. Das Rechtsbegehren im Zivilverfahren: Theoretische Fragen, praktische Antworten. Stämpfli Verlag; 2016.

Karapetov AG, editor. Fulfillment and termination of obligations: Commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0]. Moscow: M-Logos Publ.; 2022. (In Russ.).

Karpova AA. Procedural features of the consideration of cases on the recognition of transactions as invalid and the application of the consequences of the invalidity of transactions in the civil procedure. Moscow: Statut Publ.; 2024. (In Russ.).

Komashko MN. Restitution as a way to protect the right. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2010. (In Russ.).

Lüchinger M, Brändli B. Actio duplex: Eine Untersuchung der doppelseitigen Klagemöglichkeiten zur Aufhebung von gemeinschaftlichem Eigentum, dargestellt am Beispiel der Teilungsklage bei Miteigentum gemäss Art. 651 Abs. 2 ZGB. Master-Arbeit, Universität St. Gallen; 2019.

Muter T. Zur Lehre von der römischen Actio, dem Heutigen Klagerecht, der Litiscontestation und der Singularsuccession in Obligationen eine Kritik des Windscheid'schen Buchs: «Die Actio des Römischen Civilrechts». Erlangen; 1857.

Pokrovskiy IA. The history of Roman law. St. Petersburg: Letniy Sad; 1998. (In Russ.).

Pukhta GF. A Course on the Roman Civil Law. Moscow: tipografiya «Sovr. Izv.» Publ.; 1874. (In Russ.).

Ronner P. Die doppelseitige Klage (actio duplex) im schweizerischen Zivilprozess. Master-Arbeit, Universität St. Gallen; 2019.

Salogubova EV. Roman civil litigation. Moscow: Dom Gorodets Publ.; 2018. (In Russ.).

Savigny FC von. The system of modern Roman law: In 8 volumes: Vol. III. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Sklovskiy KI. Some problems of restitution. *Vestnik VAS RF*. 2002;8:108-122. (In Russ.).

Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Edition 1.0]. Karapetov AG, editor. Moscow: M-Logos Publ.; 2018. (In Russ.).

Vogel/Spühler: Grundriss des Zivilprozessrechts. [Electronic resource]. Accessed from: https://www.concordiabern.ch/wp-content/uploads/2018/08/Zivilprozessrecht_Bolt.pdf (cited 2024 April 15).

Windscheid B. Die actio des römischen Civilrechts, vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf; 1856.

Windscheid B. Die Actio: Abwehr gegen Dr. Theodor Muther. Düsseldorf. 1857.

Windscheid B. Textbook on pandect law. Vol. I. General Part. St. Petersburg; 1874. (In Russ.).

Witte H. Das Interdictum uti possidetis als Grundlage des heutigen possessorium ordinarium. Leipzig; 1863.

Yudin AV. Assigning a legal obligation to «yourself», or to the question of clarifying the legal position of the plaintiff in civil proceedings. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2010;8:13-16. (In Russ.). Access from Reference legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпова Анастасия Алексеевна, кандидат юридических наук, преподаватель
Саратовской государственной юридической академии
г. Саратов, Российская Федерация
Anastasia.a.karpova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia A. Karpova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
Anastasia.a.karpova@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 18 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 16 мая 2024 г.
Принята к печати 15 августа 2024 г.*

*Received 18.04.2024.
Revised 16.05.2024.
Accepted 15.08.2024.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008